

209

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

ISSN 1689-9911

**Studia Russologica IX
(2016)**

209

**Annales
Universitatis
Paedagogicae
Cracoviensis**

**Studia Russologica IX
(2016)**

Kolegium recenzentów

dr hab. Anna Bolek (Kraków),
dr hab. prof. UR Ewa Dźwierżyńska (Rzeszów),
dr hab. prof. UP Janusz Henzel (Kraków),
prof. dr hab. Krystyna Iwan (Szczecin),
prof. Igor Kim (Nowosybirsk, Rosja),
prof. dr hab. Ewa Komorowska (Szczecin),
dr hab. prof. UŚ Jolanta Lubocha-Kruglik (Sosnowiec),
prof. dr hab. Aleksander Naumow (Kraków, Wenecja, Włochy),
prof. dr hab. Kazimierz Prus (Rzeszów),
dr hab. prof. nadzw. Anna Stankiewicz (Daugavpils, Łotwa),
prof. dr hab. Wasilij Szczukin (Kraków),
prof. dr hab. Wiesław Witkowski (Kraków),
dr hab. prof. UG Katarzyna Wojan (Gdańsk),
prof. dr hab. Władysław Woźniewicz (Poznań),
dr hab. Włodzimierz Wysoczański (Wrocław)

Komitet redakcyjny

dr hab. prof. UP Dorota Dziewanowska – redaktor naczelny; redaktor działu Glottodydaktyka
dr hab. prof. UP Halina Chodurska – redaktor działu Językoznawstwo
dr hab. prof. UP Barbara Stawarz – redaktor działu Literaturoznawstwo
dr Adam Karpiński – sekretarz

Rada Naukowa

dr hab. prof. UJ Andrzej Dudek (Kraków)
doc. Jevgenij Nikołajewicz Stiepanov (Odessa, Ukraina)
prof. dr hab. Olga Viktorovna Trofimova (Tiumeń, Rosja)
prof. dr hab. Natalia Władimirovna Kuzniecova (Tiumeń, Rosja)

© Copyright Wydawnictwo Naukowe UP, Kraków 2016

ISSN 1689-9911

Wydawnictwo Naukowe UP
30-084 Kraków, ul. Podchorążych 2
tel./fax (12) 662-63-83, tel. (12) 662-67-56
e-mail: wydawnictwo@up.krakow.pl

Zapraszamy na stronę internetową:
<http://www.wydawnictwoup.pl>

druk i oprawa
Zespół Poligraficzny UP

Od redaktorów

Oddajemy w ręce Czytelników dziewiąty tom prac wydawany w ramach „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica”, zawierający artykuły pracowników Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie. W zbiorze zamieszczono także publikacje ukazujące aktualne zainteresowania badawcze rusycystów z Uniwersytetu Jagiellońskiego oraz ośrodków zagranicznych: Moskiewskiego Uniwersytetu Przyjaźni Narodów, Państwowego Uniwersytetu im. I.I. Miecznikowa w Odessie, Uniwersytetu Konstantyna Filozofa w Nitrze oraz Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. Nizami w Taszkencie.

Niniejszy tom zawiera prace z zakresu literaturoznawstwa, językoznawstwa i glottodydaktyki.

W dziale „Językoznawstwo” zamieszczamy tym razem cztery szkice, przy czym jeden z nich jest *de facto* obszerną recenzją. Jego Autorka nie ograniczyła się tylko do wyrażenia własnej opinii o lekturze i dzięki temu pracę można potraktować również, jako ważki głos w dyskusji nad założeniami semantyki. W pozostałych artykułach (których podstawą są wyłącznie materiały rosyjskojęzyczne) omówiono wybrane wykładniki konceptualizacji *prawa* i *sprawiedliwości* w świadomości mieszkańców Rosji po okresie gorbaczowowskiej *perestrojki*; reklamę jako swoisty typ dyskursu w środkach masowego przekazu oraz zastosowanie niektórych form gramatycznych w charakterze potencjalnego środka wpływu na odbiorcę.

W dziale „Literaturoznawstwo” zostały zaprezentowane stanowiska badawcze slawistów-rusycystów z ośrodków zagranicznych, którzy przedstawili artykuły o charakterze teoretycznym lub analitycznym. Poruszono w nich przede wszystkim kwestie natury filozoficznej w odniesieniu do spuścizny twórców znanych, ale nadal godnych zainteresowania ze strony interpretatorów literatury. Znalazły tutaj swoje miejsce: zagadnienie niewyraźności i filozofia słowa na przykładzie poezji Zinaidy Gippius, filozoficzne poglądy Czingiza Ajtmatowa ukazane w świetle mitopoetyki, filozofia Konstantina Leontjewa ujawniająca się w jego pracach krytycznoliterackich. Inspirującym badawczo okazał się też fenomen kulturowy czasów najnowszych, jakim jest twórczość literacka publikowana w Internecie.

Dział „Glottodydaktyka” zawiera artykuły, w których przedstawiono aktualne badania z zakresu dydaktyki nauczania języków obcych. Naukowcy z Moskwy przybliżyli etapy pracy przygotowania zajęć z języka rosyjskiego jako obcego na wyższym poziomie nauczania z wykorzystaniem tekstu specjalistycznego. Pracownicy Państwowego Uniwersytetu im. I.I. Miecznikowa w Odessie zaprezentowali bogaty

repertuar działań w dziedzinie doskonalenia metod nauczania języka rosyjskiego i ukraińskiego z zastosowaniem nowoczesnych procedur glottodydaktycznych. Badacze z Krakowa skoncentrowali się na najważniejszych zagadnieniach związanych z nauczaniem fonetyki rosyjskiej na studiach rusycystycznych, na problemach dotyczących przewyżnienia interferencyjnych błędów gramatycznych popełnianych przez studentów filologii rosyjskiej oraz przedstawili teoretyczne podstawy tworzenia autorskiego programu nauczania rosyjskiego języka biznesu.

*Halina Chodurska
Dorota Dziewanowska
Barbara Stawarz*

Pamięci dr Stelli Goldgart

W grudniu 2016 r. odeszła od nas dr Stella Goldgart, długoletnia pracownica naszej Uczelni. Należała do grona wykładowców najwcześniej (na początku lat 50.) zatrudnionych na kierunku filologii rosyjskiej utworzonym w 1947 roku przez prof. Włodzimierza Gałeckiego. Była absolwentką anglistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego. W naszej Uczelni prowadziła wykłady i ćwiczenia z historii literatury rosyjskiej. Obiektem Jej badań naukowych była literatura rosyjska XIX wieku. W roku 1968 obroniła rozprawę doktorską przygotowaną pod opieką promotorską prof. Wiktora Jakubowskiego (UJ). Rozprawa ta pt. *Późna proza Aleksandra Weltmana: cykl powieściowy „Przygody zaczerpnięte z morza życia”* została opublikowana w postaci monografii. Publikacje dr Goldgart (artykuły, recenzje, noty biograficzne) ukazywały się aż do roku 1999. Zajęcia prowadzone przez dr Stellę Goldgart do przejścia przez Nią w 1988 roku na emeryturę i później, do roku 1996 w wymiarze połowy etatu i na godzinach zleconych, odznaczały się wysokim poziomem naukowym, dydaktycznym oraz językowym i były wysoko cenione przez studentów. Jej doskonała znajomość języka rosyjskiego wynikała stąd, że okres okupacji przeżyła wraz z rodzicami w Rosji na uchodźstwie, co uchroniło ich od eksterminacji.

Oboje rodzice byli lekarzami. W roku 1968, roku tak zwanej czystki antysyjonistycznej, dr Stelli Goldgart grozić mogło zwolnienie z pracy, do którego nie dopuściły ówczesne władze naszej Uczelni, przywołując zasługi ojca dr Stelli Goldgart w ratowaniu zdrowia polskich uchodźców i zesłańców na terenie Rosji. Ojciec dr Stelli Goldgart zmarł niewiele lat po zakończeniu wojny i powrocie do Polski. Jej matka żyła jeszcze długo pod troskliwą opieką swojej córki.

W ostatnich latach stan zdrowia dr Stelli Goldgart znacznie się pogorszył, utrzymywała jednak kontakt z kolegami z Uczelni i znajomymi spoza niej. W Jej pogrzebie na Cmentarzu przy ul. Miodowej w dniu 29 grudnia 2016 roku uczestniczyło wiele osób. W naszej pamięci pozostanie na zawsze jako życzliwa koleżanka, świetny wykładowca ceniony przez kolegów, studentów i władze naszej Uczelni.

Cześć jej pamięci!

Janusz Henzel

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

ISSN 1689-9911

Studia Russologica IX (2016)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ /LINGUISTICS

Iwona Papaj

Marcin Rychlewski, *Zapiski semiotyczne*, Wydawnictwo Naukowe Katedra, Gdańsk 2014, 260 s.

Zapiski semiotyczne to książka o czytaniu znaków, wyciąganiu treści ze wszystkiego, co nas otacza.

O schyłku i narodzinach jednocześnie – jak pisze na okładce Wojciech J. Burszta – schyłkowe są wiersze Różewicza, powieści Camusa, malarstwo Moneta czy muzyka Pink Floyd, bo zawsze wymagające sensotwórczego skupienia; narodziny metakultury nowości i cyfrowego nadmiaru burzą na dobre wielowiekowy ład i domagają się innego rodzaju umiejętności uczestnictwa w kulturze – opartego na nieuważności i nieustającej czujności „wejść” i „wyjść”.

Sam Autor pytany o treść książki, odpowiada: „Traktuje ona o kaligrafii, semiotyce koloru, semiotyce sensorycznej, sztuce średniowiecznej i nowoczesnej, literaturze, muzyce rockowej, reklamie, a nawet chiromancji”. Treść książki odzwierciedla jej tytuł – *Zapiski*, czyli krótkie i różnorodne teksty, i, w istocie, obejmuje każdą myśl w niej zawartą.

Marcin Rychlewski, pracownik Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, jest znawcą semiotyki, związków literatury ze sztuką, socjologii literatury i kultury rocka. Swoimi pasjami badawczymi dzieli się z czytelnikami w licznych felietonach. Proponowana publikacja stanowi zbiór sześćdziesięciu ośmiu felietonów z lat 2011–2014, które nie były publikowane wcześniej. Trudno byłoby określić podział tematyczny tekstów oraz konstrukcję książki. Wedle słów samego Autora „ma ona poetykę fragmentu i konwencję *silva rerum*”, czym, w pewien sposób, odtwarza zawily „świat wokół nas”. Obfitość znaków i bodźców, jakie odbiera człowiek XXI wieku jest ogromna. Pisanie na komputerze lub telefonie wymaga interpretowania symboli oraz ikon, rozmowa z potencjalnym pracodawcą – znajomości konwencji i czytania gestów. Podpowieź, jak poruszać się „w gąszczu znaczeń pozornie pozbawionych ładu”, czytelnik znajdzie w *Zapiskach semiotycznych*.

Początkowe felietony wprowadzają w świat semiotyki – nauki, która uczy, że wszystko może mieć treść – każdy znak wokół nas. Poza wymienionymi już „ikoną” i „symbolem”, Autor przypomina inne podstawowe pojęcia semiotyki: *signifié* i *signifiant*, *langue* i *parole*. Odwołuje się do triadycznej i diadycznej teorii znaków oraz do opracowań znanych semiotyków i językoznawców, takich jak U. Eco, A. Weinsberg, L. Wittgenstein, Ch. Pierce, F. de Saussure czy R. Jakobson. To nawiązanie ułatwia

dalszą lekturę laikowi, zaś filolog zyskuje miłe poczucie zorientowania w temacie. Jest to całkowicie zgodne z celem, jaki przyświeca Rychlewskiemu:

Żywię nadzieję, że książka zainteresuje nie tylko kulturoznawców czy polonistów, ale również tak zwanych zwykłych czytelników (s. 9).

W kolejnych tekstach, poza tematami stricte naukowymi, pojawiają się opracowania o malarstwie, socjologii, fotografii, reklamie i wielu innych jeszcze dziedzinach ludzkiej działalności.

Podążając za dalszymi semiotycznymi rozważaniami Autora, czytelnik przekonuje się, że nie tylko słowa coś znaczą, ale znaczenie posiadają także meble z IKEI, tubka pasty do zębów, etykieta wody mineralnej, butelka po piwie, czy – co zrozumiałe – obraz, wiersz, muzyka. Otoczeni dziś masą znaków zgodzimy się zapewne z tą tezą. Jak się okazuje nie jest ona nowa, opracowano ją już wiele dziesiątków lat temu. Czy student lub filolog ma dziś tego świadomość? Dla takich pytań i powiązań proponuję właśnie tę książkę. Jest inspirująca i zachęcająca – do obserwacji i do badań. Autor przekonuje, że warto odświeżyć tę nieco zapomnianą, a tak przecież współcześnie aktualną naukę, jaką jest semiotyka.

Semiotyka dla Rychlewskiego bywa „jedynie punktem wyjścia do snucia refleksji na tematy ogólniejsze”. Czytelnik przekonuje się o tym na kolejnych stronach. Mam wrażenie, że felietony są poukładane w taki sposób, by prowadziły od zagadnień prostych, codziennych, prozaicznych do bardziej refleksyjnych i złożonych. Mam nieodparte wrażenie, że jest to celowe działanie zachęcające czytelnika do zgłębiania semiotyki. Po tym, jak Autor przedstawił swoje własne interpretacje banalnych znaków codzienności (wisior na szyi, etykieta na butelce i wiele innych), proponuje bardziej wymagające tematy, jak dzieła sztuki współczesnej, ambitne książki, a nawet wybrane teorie spiskowe. Za każdym razem, jednak w rozumieniu i interpretowaniu tych różnych znaków, pomocna okazuje się semiotyka – wyparta przez liczne nowe i bardziej popularne nauki i teorie. Zaletą *Zapisków* jest tematyczne uporządkowanie felietonów, które nie polega na zamknięciu ich w określonych rozdziałach, lecz na harmonijnym przechodzeniu od zagadnień literatury do muzyki, malarstwa i sztuk użytkowych. W ten sposób każdy podjęty przez Rychlewskiego temat wydaje się na miejscu, jest ważny i poważny. I znowu nasuwa się podejrzenie, że jest to zachęta dla czytelnika, aby odważnie snuł własne refleksje i studia. Można, jak Autor, wyjść od obrazu twórcy awangardowego i odkryć podobieństwa z programem wizualizacji włączanym w trakcie słuchania muzyki na komputerze. Czasem Rychlewski stawia pytania otwarte, a nawet zadaje zadania w rodzaju „pomyśleć błękit”. Felieton o kolorach (*Studium błękitu*) jest dowodem na to, jak o zwykłej rzeczy można mówić zaskakująco, śmiało, głęboko, jeśli tylko uda się odrzucić przyjęte konwencje postrzegania i rozumowania. Odważny i szczery felieton potrafi zainspirować zarówno naukowca obeznanego z semiotyką, jak i przeciętnego czytelnika, który uważnie rozgląda się dookoła. Temat kolorów jest kontynuowany w dalszych felietonach – o czerni i kulturowych źródłach interpretowania barw (*Czerń; Linie i kolory Seurata*), o malarstwie nowoczesnym i konstruowaniu znaczenia koloru, o barwach i liniach oraz ich przekładalności (bo czy czerń w każdej kulturze oznacza to samo?). Przeczytamy też o nowym trendzie w malarstwie, który cechuje redukcja znaków, a nawet ich zanik (*Krótką historia sztuki nowoczesnej*). Okazją do

odświeżenia teorii znaków Pierce'a jest refleksja o granatowych chmurach oraz rozpalonym czole dziecka (*Indeksy*). Podział znaków na indeksy, ikony i symbole Autor przypomina, opisując odcisk dłoni. Wreszcie dociera z czytelnikiem do chiromancji, jako systemu znaków.

Warto wymienić kilka dalszych tematów, a nad niektórymi spośród nich zatrzymać się na dłużej. Kalendarz braci Limburg, czyli XV-wieczna wieś w miniaturach – to, zgodnie z kanonem malarstwa średniowiecznego, wizerunek bardzo realistyczny. Jednak dziś, w ogólnym chaosie, wydaje się baśniowy. Każdy z obrazów stwarza możliwość symbolicznego odczytania jego najdrobniejszych elementów i uświadomienia sobie sprzeczności wobec odmiennej dziś percepcji malarstwa. Dalej Rychlewski spogląda na centra handlowe. Czy brak miejsc do siedzenia może coś znaczyć? Autor kojarzy je z labiryntem, który wymusza ciągłe szukanie i poruszanie się (od sklepu do sklepu, od regału do regału). Porównanie hipermarketów do „świątyni konsumpcji” jest znane. Wielkie sklepy przejęły funkcję świątyni, którą odwiedzamy w święta i oddajemy czas „bożkowi konsumpcjonizmu” – chęci posiadania. Ale można też dostrzec podobieństwo w rozkładzie wnętrza, geometrii centrów, ekspozycji towaru. Z kolei słowo „galeria”, jako elegancki synonim centrum handlowego, konotuje zwiedzanie i podziwianie przedmiotów. W felietonie *Opuszczony kościół w Żeliszowie* Autor rozmyśla nad opuszczonym kościołem – czy ta ruina to znak schyłku religii, pustki i nieobecności Boga? Czytelnik może polemizować, zwłaszcza w kontekście niedawno zakończonych Świątowych Dni Młodzieży. Ów nowy kontekst każe widzieć jego tezę jako przedwczesną. Do dyskusji zachęca kolejny temat: cmentarz – panowanie cierpienia i śmierci (*Cmentarze*). Wystarczy jednak odwiedzić to miejsce w słoneczny dzień, usiąść na chwilę, by zaczęło się ono kojarzyć ze spokojem, ukojeniem, ciepłem... Znak nie jest bynajmniej odizolowany i z całą pewnością nie jest jednoznaczny, określa go również kontekst, nadawca i odbiorca. Równie wieloznaczne okazuje się przebywanie w pustym pokoju – w dzień i w nocy, w dzieciństwie i w dorosłym życiu (*Zamknięty pokój*). Bloki jako znaki PRL-u, blaszane sklepy SAM. Czytelnik odkrywa, że wiele podobnych znaków wskaże choćby po wizycie w muzeum PRL-u w Nowej Hucie (np. działka, meblościanka). Puby, stylizowane na PRL-owskie, mieszczą się w trendzie komercjalizacji historii. Natomiast jeszcze łżejsze jej potraktowanie w połączeniu z niewiedzą prowadzi do tworzenia nowych sensów, interpretacji faktów i reinterpretacji znaków PRL-u, np. PZPR jako Polski Związek Piłki Ręcznej... (*Znaki PRL-u*). Wspomnę jeszcze o rozważaniach o metaforze w reklamie, ukrytych konotacjach i semantycznej manipulacji (*Przekazy podprogowe*). Niewątpliwie warto to wiedzieć, gdyż wszystkim nam podaje się i utrwała stereotypowe wyobrażenia wielu przedmiotów i zachowań. Dobrze też byłoby przypomnieć sobie, o określanych, przez cytowanego w felietonie Romana Jakobsona, funkcjach języka. Możliwe, że po lekturze książki inaczej spojrzymy na nasz telefon komórkowy – najlepszy znak kultury konwergencji, który zgromadził w sobie największą ilość urządzeń i mediów. Przy tym jest to przedmiot bardzo osobisty, stanowiący niemal przedłużenie ciała. Obecnie telefon (dzwonek, tapeta itd.) jest znakiem określającym osobę, stąd designerzy tak bardzo usiłują go spersonalizować. Pozostając przy telefonie wspomnijmy emotikony. Czyż nie ma racji Rychlewski twierdząc, że ich powszechność i schematyzm pozbawiły je treści? Emotikony wstawiane bywają mechanicznie i na ogół nie wywołują należytego

wrażenia. Do osłabienia znaków prowadzi też ich wirtualność, niejako zanik *signifiant*, np. karty płatnicze jako pieniądź, mp3 jako muzyka. Rychlewski przekonuje, że zapominamy o materialnej podstawie znaku, to zaś otepla i zabija wrażliwość na ich treść. Z drugiej strony owa wirtualność bywa dobrodziejstwem, bo możemy odsłuchać utwór muzyczny z pamięci, czyli „obcować z dziełem sztuki w formie jego zdematerializowanego znaczącego” (*Tezy*). Śmiała konkluzja dotyczy języka i naszej zdolności wyrażania czegoś, silenia się na oryginalność. Proponuję tu cytat: „Usilne szturmowanie granic języka prowadzi w najlepszym razie do poezji, w najgorszym – do bełkotu” (*Próba*). Za przykładem Autora w zasadzie każdy człowiek zdoła znaleźć sobie jakąś dziedzinę ulubioną i bliską, której interpretacji mógłby się podjąć. Dla Rychlewskiego taką dziedziną jest muzyka rockowa, ale przedmiotem analizy może być też fotografia, fragment powieści, wybrany wątek wypowiedzi, a nawet kłótnia w związku, czyli generalnie każdy tekst. Co ciekawe, „semiotyczna świadomość może okazać się drogą do sukcesu w związku”. Wystarczy chwila refleksji, np. nad wyrażoną przez partnera inicjatywą zrobienia zakupów czy drobnym dotykem. I tak, od prostych znaków w codziennym życiu dochodzimy do „morfologii uczuć” i świadomości swej tożsamości, które w *Zapiskach* otwierają ciąg bardziej osobistych interpretacji odczuć i emocji (*Morfologia związku*). Jak wyrazić uczucia mową? – zachęca do refleksji Autor. A może lepsze okażą się zmysły, np. dotyk? Czy można odgadnąć intencje partnera? Czy zdajemy sobie sprawę, że kłótnia to „strzelanie z karabinu ust, a słowa to pociski, które ranią”? Do czego prowadzi „semiotyczna pustka”, w jaką popadają liczne pary, unikające dialogu i żyjące w rutynie?

Końcowe felietony rozpatrywać należałoby jako pewne podsumowanie. Konkluzje w nich przedstawione dotyczą naszej egzystencji w świecie bodźców, ich wyborów, a raczej niezdolności do tych wyborów, percepcji, rozproszenia koncentracji. Tak postrzega Rychlewski ludzi młodych. Ich cechą jest odbiór wszystkiego, wielu bodźców naraz przy jednoczesnym zaniku cierpliwości i braku koncentracji (*Semiotyka konotatywna i sensoryczna; Tezy*). W takiej rzeczywistości można odebrać tylko te najintensywniejsze. Powstaje hałas, a my nie umiemy żyć w ciszy. Zmiana znaków wpłynęła na ich percepcję. Film nie może już mieć spokojnej fabuły, musi bombardować dźwiękami i nieustanną zmianą obrazu – przekonuje badacz. „Jesteśmy stępieni na makabrę, horrory z powodu ich nagminności i coraz większej drastyczności” (*Tezy*). Zmiana nawyków percepcyjnych wywołała ewolucję organów słuchu i wzroku. „Wszyscy jesteśmy po trosze oślepieni i ogłuszeni, w związku z czym potrzebujemy coraz silniejszych bodźców”. Felieton *Tezy* wyróżnia się bogactwem spostrzeżeń. Zawiera na przykład analizę współczesnej kultury i naszej zmienionej (z czego często nie zdajemy sobie sprawy) świadomości. Sztuka miesza się z ulicą, różne dziedziny sztuki także przenikają się wzajemnie. Obserwujemy tworzenie nowych dziedzin sztuki, jak instalacje i asamblaże, które mogą być znakami do analizy nie tylko dla semiotyków, ale także dla ludzi z wyobraźnią. Muzyka nie służy już tylko do słuchania, przekaz musi zawierać słowo, obraz, dźwięk, elementy mody, taniec i angażować uszy, oczy i dotyk. Taki odbiór muzyki wpływa na rozwój gier komputerowych – młodzież nie chce biernie słuchać, potrzebuje INTERAKCJI. I podobnie młodzi ludzie chcą funkcjonować w tzw. realu, przykładowo na wykładzie. Celowo na koniec zostawiłam zagadnienie bliskie wykładowcy. Również dlatego książkę polecam. Rychlewski omawia mianowicie

fenomen wykładu akademickiego (*Tezy*), i trudno nie zgodzić się z jego opinią, że obecnie musi być on autentycznie multimedialny, aby podtrzymać uwagę studentów. Dziś wykład to niemal widowisko.

Książka dostarcza obszernej wiedzy z różnych dziedzin. Przy czym Autor dzieli się nią w sposób bardzo przystępny i naturalny. Sama wiedza bywa tak zaskakująca, jak fakty z życia Vincenta van Gogha, które przytoczono przy okazji opisu jego ostatniego obrazu. Treści są uporządkowane, ciekawe i łatwe w odbiorze. Brak dystansu sprawia, że każdy, nawet najkrótszy felieton, skłania do myślenia. Za Autorem mogę stwierdzić, że książka jest wartościowa nie tylko dla kulturoznawców czy polonistów (jako fachowców w poruszanych kwestiach), ale też dla studentów-filologów jako niebanalna lektura. Czytając ją, trudno nie robić notatek, by nie przeoczyć tego, co ciekawe lub odkrywcze – niech to zapewnienie będzie moją, obok autorskich, zachętą do lektury książki Marcina Rychlewskiego.

Iwona Papaj
doktor nauk humanistycznych
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

Iwona Papaj, PhD
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
Pedagogical University of Cracow
e-mail: ivapanowa@gmail.com
+48126626742

Виктория Горбань

Наталья Собченко

Морфологические суггестемы рекламного дискурса в русскоязычных СМИ

Реклама как феномен современной культуры и коммуникации отличается высокой частотой употребления элементов, оказывающих влияние на реципиента, в частности, манипулятивных языковых констант¹. Вот почему рекламе воспринимают не только как явление культуры, но и как социально-психологический феномен, соревновательную коммуникацию, манипулятивный дискурс, когда применяются стратегии, направленные на оптимизацию коммуникативных процессов благодаря конструированию позитивных моделей поведения, т.е. информационная функция языка даже уступает место суггестивной. Традиционно суггестия определяется как «воздействие на человека (прежде всего, словесное), воспринимаемое им без критической оценки – латентное (скрытое) вербальное воздействие»². То есть суггестия, или внушение, рассматривается как

подача информации, воспринимаемой без критической оценки и оказывающей влияние на течение нервных психических процессов. Путём внушения могут вызываться ощущения, представления, эмоциональные состояния и волевые побуждения, а также оказываться воздействие на вегетативные функции без активного участия личности, без логической переработки воспринимаемого³.

Если в 70-е годы 20 в. Б.Ф. Поршнев сетовал, что «общая теория речи, психолингвистика, психология, физиология речи не уделяют суггестии сколько-нибудь существенного внимания, хотя, можно полагать, это как раз и есть центральная тема всей науки о речи, речевой деятельности, языке»⁴, то в последнее время ситуация изменилась. Появились работы В.И. Карасика, Т.Ю. Ковалевской, В. Маканина, В.Н. Панкратова, Л.И. Рюминой, Ф.С. Бацевича, И.Ю. Черепановой, В.П. Шейнова и другие. Наша статья является ещё одной

¹ Н.В. Кутуза, *Асоціативні ефекти соціальної реклами*, «Діалог: Медіа-студії» 2009, №9, с. 145-154.

² И.Ю. Черепанова, *Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного*, Москва 2002.

³ А.М. Свядощ, *Неврозы*, Москва 1982.

⁴ Б.Ф. Поршнев, *О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии*, Москва 1974.

попыткой пролить свет на данную проблему. Наша цель – рассмотреть грамматические формы как средство суггестии в рекламном дискурсе.

Поскольку «реклама – это психологическое программирование людей»⁵, то данный текст относят к манипулятивным дискурсам, в которых создаётся необходимая копирайтерам действительность и модель поведения реципиентов. Достичь этого с каждым годом всё сложнее, т.к. нескончаемый поток рекламных текстов приводит к редукции их восприятия. Говоря о результативности любой коммуникации, исследователи предлагают учитывать её составляющие: выбор речевых средств, уровень речевой компетенции, а также коммуникативный шум, под которым понимается «нарушение и/или деформации сообщения, которые усложняют процесс передачи или восприятия информации»⁶. Ф.С. Бацевич выделяет три типа шума: физический, психический и семантический. Для рекламного текста важны два последних. К психологическим барьерам относятся нарушения в кодировании – декодировании. Семантический шум возникает из-за общения «разными языками». Игнорирование этих составляющих приводит к коммуникативной девиации, под которой понимается «недостижение адресатом коммуникативной цели; отсутствие взаимопонимания и согласия между участниками общения»⁷.

Поскольку удовлетворение пресуппозиции адресата есть одним из важных условий эффективности рекламного текста, то рекламный дискурс направлен не на товар, а на продажу типичных психологических предпочтений людей⁸. Для этого используются специальные языковые маркеры – суггестемы, которые успешно влияют на выбор тех или иных предпочтений в деятельности человека, на мир его личностных смыслов, неконтролируемую сознанием⁹. Суггестивные механизмы имеют правополушарную ориентацию, т.е. на первый план выходит эмоциональность, влияние авторитета, доверие к групповству и общественному мнению и т.д. И во время воздействия особенности языка и принципы его употребления используются с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении¹⁰.

Эффективность воздействия достигается применением группы приёмов, к которым многие исследователи относят употребление метафоры, метонимии, гиперболы, сравнения, каламбура, риторических вопросов, эвфемизмов, импликатур, юмора, языковой игры, обыгрывания многозначности, омонимии чисел, коннотативных возможностей лексем, фоносемантических особенностей и др. Используя эти приёмы, копирайтеры создают наиболее удачные

⁵ Р.И. Мокшанцев, *Психология рекламы*, Москва 2000.

⁶ Ф.С. Бацевич, *Основи комунікативної лінгвістики*, Київ 2004.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Н.В. Кутуза, *Асоціативні ефекти...*, с. 145–154.

¹⁰ В.А. Музыкант, *Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммуникации, политике*, Москва 2002; Л.И. Рюмина, *Манипулятивные приёмы в рекламе*, Москва 2004; Ю.Е. Пирогова, *Скрытые и явные сравнения*, «Реклама и жизнь» 1998, № 5, с. 9–12; Н.Ф. Непийвода, *Мовні ігри та гумор у рекламному тексті*, «Урок української» 1998, № 10, с. 20–24; Т.Ю. Ковалевська, *Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування*, Одеса 2001.

суггестемы. В качестве суггестем могут выступать единицы фонемно-графемного, лексико-семантического, грамматического уровней. В нашей статье мы остановимся на последнем, рассмотрев подробно только грамматические формы.

Рекламный дискурс диктует выбор определённых морфологических форм: отдаётся предпочтение сравнительной и превосходной степеням сравнения прилагательных (не говоря уже о специфической семантической наполненности положительной степени: *уникальный, исключительный, непревзойдённый, сенсационный, удивительный* и так далее), сравнительной степени наречий (в положительной степени также употребляются характерные наречия: *очевидно, безусловно, необходимо* и другие), глагольные формы чаще стоят в действительном залоге, настоящем времени, повелительном наклонении. При этом копирайтеры не ограничиваются чистой грамматикой, а дополняют её языковой игрой, что вполне логично, так как «языковая игра активизирует внимание носителей языка к языковой форме, к её структурным элементам»¹¹. Языковая игра есть довольно частотный случай суггестивного влияния.

Как известно, каждый из нас является человеком «двойственным», который совмещает в себе две диаметрально противоположности – рациональное и иррациональное, которые являются единими и, одновременно, взаимоисключающими началами человеческой сущности¹². Вот почему для достижения суггестивного эффекта рекламного дискурса нужно так построить рекламное сообщение, чтобы повлиять на глубинные структуры психической организации и обусловить их непосредственное реагирование¹³. Для этого необходимо добиться сильного эмоционального воздействия на правое полушарие головного мозга, что повлечёт за собой редуцицию логического элемента восприятия. Создавая рекламные дискурсы с преобладанием эмоций, копирайтеры используют их специфику: «Люди обращают внимание на то, что им нравится или пугает; позитивные эмоции стимулируют, негативные приводят к избеганию объекта»¹⁴. Вот почему для рекламного воздействия в контекст вводятся неожиданные, коннотативно окрашенные формы.

Рассмотрим подробней игры с семантикой морфологических категорий и форм. Свообразным суггестивным приёмом и средством привлечения внимания являются числа. В рекламе всегда важно использование каких-либо цифровых показателей: экономических, культурных и других. Цифры являются наиболее эффективным способом убеждения клиента, так как они влияют как на сознание, так и на воображение: «магия числа в том, что ему, в отличие от слова или метафоры, присущ авторитет точности и беспристрастности»¹⁵. Особенное, почти гипнотическое воздействие на реципиента оказывают приблизительные гигантские числа и процентные соотношения, которыми

¹¹ Б.Ю. Норман, *Язык: знакомый незнакомец*, Минск 1987.

¹² Д.А. Штелинг, *Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке*, Москва 1996.

¹³ Э. Цветков, *Психоника, или программируемый человек*, Санкт Петербург 1998.

¹⁴ Б.Ф. Поршнев, *О начале...*

¹⁵ С.Г. Кара-Мурза, *Манипуляция сознанием*, Москва 2002.

заполнены рекламные тексты. Поэтому часто именно количественный аспект помещается в центр внимания и выносится в слоган:

«После 164-х часов работы из строя вышла важная деталь. «Важная» деталь – диджэй, наконец-то утомившийся после непрерывного недельного прослушивания музыкальной системы)» (реклама стереосистемы).

Ещё один приём языковой игры с количественностью – измерение принципиально не измеряемых явлений. «*Эксимер*» – *мера успеха*» (компьютеры «Эксимер»). Количественно определяется степень успешности (эффективности) того или иного предприятия. «*Сделай на Тюнс больше*» (реклама леденцов «Тюнс»). Тюнс выступает в качестве окказиональной меры для измерения выполненных работ. «*Тонны информации на вашем диске*» (диски Winner). «*1000 литров удачи!*» (компания «Юкос»). «*220 грамм чистого удовольствия*» (мороженое «Золотой слиток» от «Талосто»). «*Один шаг до уюта*» (компания «S.I. Realty»). Путь к уюту измеряется шагами.

Можно сказать, что для рекламного дискурса характерны два типа единиц измерения чего-либо: реальные единицы и так называемые лжеединицы, причём последние намного чаще употребляются в языковой игре.

Нередко цифровые показатели являются источником омонимии. Например, «*20 причин гордитьсяся*» (сигареты «Ява»). Число 20, помимо причин, означает количество сигарет в пачке. «*27 веских аргументов платить налоги*» (налоговая полиция). 27 веских аргументов – статьи Уголовного Кодекса, рассматривающие разные виды уклонения от уплаты налогов. «*24 повода, чтобы попробовать Neskafé*». 24 – количество одноразовых пакетиков кофе в одной упаковке.

Как видим, числа наиболее чётко и ярко могут показать важность и значимость товара, а также его превосходное качество. Кроме того, придавая слогану игровую окраску, рекламодатель рассчитывает на яркость и запоминаемость подобного текста.

Языковая игра на морфологическом уровне является одной из самых сложных и тонких видов языковой игры в рекламе, так как запрограммированное отклонение от узуса должно квалифицироваться не как ошибка, а как стилистический приём создания комического. Интересным в этом плане является такой вид морфологической игры, как игра со степенью сравнения прилагательных. «*Кирпичнее кирпича не бывает*» (компания «Гарантия-Строй»). «*Лимоннее лимонов*» (средство для мытья посуды «Fairgu» с лимоном). «*Ягоднее ягод*» («Fairgu» с ароматом ягод). «*Яблочнее яблок*» («Fairgu» с яблочным ароматом). Рекламисты в данных случаях нарушают правило: сравнительная степень у относительных прилагательных, каковыми являются *кирпичный, лимонный, ягодный, яблочный*, отсутствует.

Встречаются примеры игры и с превосходной степенью сравнения прилагательных:

«Самый игрушечный магазин Катюша!» (реклама детского магазина «Катюша»).
«Самый сумчатый магазин! Кенгуру» (реклама магазина сумок «Кенгуру»).
«Самый французский поцелуй!» (помада «Pour la vie» от «Буржуа Париж»).
«Амата. Самый домашний компьютер» (компьютерная фирма «Амата»).

Подобные формы не имеют однозначной трактовки в лингвистической литературе: одни исследователи относят их к процессу формообразования, другие – словообразования. Данные примеры весьма интересны, в них чётко прослеживается языковая игра, так как за хорошо всем знакомыми формами образования степеней сравнения скрыты процессы создания новых слов, потому что появляются новые лексические семы. *Самый французский поцелуй* не означает, что он представлен в своём максимальном проявлении, в самой высокой степени (значение превосходной степени), в этом сочетании выделяются семы «шарм», «изысканность», «необычность», т.е. налицо деривация. Довольно значительное количество подобных прилагательных позволяет говорить об активизации окказионально-игровых форм сравнения в рекламной практике.

В рекламном тексте часто употребляются также наречия. Это обусловлено, прежде всего, их семантикой: обозначая процессуальный признак действия или другого признака, наречие способно дать характеристику товару с точки зрения того, насколько надёжно он сделан, насколько прост в использовании, насколько лучше своих конкурентов справляется со своей функцией, насколько полезен покупателю и как изменится в лучшую сторону жизнь покупателя при его приобретении и тому подобное.

Выбор наречий в рекламе определяется, во-первых, спецификой рекламного дискурса, имеющего строго ориентированную, прагматическую установку, состоящую в том, чтобы заинтересовать адресата, и, во-вторых, требованиями, которые предъявляются к рекламному слогану как краткой, яркой, а главное – запоминающейся фразе, которая передаёт ключевую идею рекламной кампании.

Интересным является использование в рекламном слогане окказиональных наречий с целью привлечения внимания. *«Не просто чисто, а пятизвёздно чисто»* (реклама порошка «Ariel»). Наречие *пятизвёздно* используется для усиления признака. Чтобы повлиять на адресата, рекламодавец стремится создать иллюзию уникальности, кроме того, наречие *пятизвёздно* ассоциируется у реципиента с чем-то дорогим и элитным, так как лучшие номера называются пятизвёздочными.

Встречаются слоганы, в которых представлено несколько наречий, одно из которых выделяется из общего ряда своей необычностью, акцентируя на себе внимание адресата. *«Злачно та смачно»* (реклама завтрака из злаков). *«Модно, стильно, школьно»* (фирма «АЛНЕС Интернешнл»). В последнем примере подчёркивается не только то, что эта одежда модная и стильная, а также указывается, для кого она предназначена. *«Всё будет Соса-Кола»* (реклама фирмы «Coca-Cola»). Наречие «Coca-Cola» является ярким и запоминающимся, так как оно не только называет сам рекламируемый продукт, но ещё даёт установку на настроение, которое присуще будет покупателю при приобретении данного напитка, то есть всё будет здорово, великолепно и так далее.

Окказионализм может мотивироваться ассоциативно, через указание на основную отличительную черту рекламного товара. *И вкусно и хрустно* (реклама вафельного торта «Причуда»). Таким образом, по модели наречия *вкусно* создаётся окказионализм *хрустно*. Мотивирующим в данном случае будет несуществующее потенциальное прилагательное *хрустный*. Такой способ в словообразовании называется чересступенчатым словообразованием.

Решительно! освежительно! (Мороженое «Свеж»). Здесь также происходит нарушение нормы, так как прилагательное, которым мотивируется наречие, *освежительный*, в русском языке отсутствует, однако есть глагол – освежать, таким образом, слово *освежительно* является также результатом чересступенчатого словообразования. Графическое выделение соответствует наименованию рекламируемого товара и невольно ещё раз закрепляет в сознании реципиента название фирмы.

Таким образом, наречия в рекламном тексте выполняют главную цель любой рекламы: акцентируя внимание на качестве товара или услуги, воздействовать на потенциального клиента, убедив его в необходимости приобрести товар или получить какую-либо услугу.

При создании рекламного текста глагол принято считать самой главной частью речи, так как наличие этой категории в слогане значительно увеличивает эффективность этого последнего. Динамика, скрывающаяся в глаголе, наделяет его огромной побудительной силой, делает текст сильнее и красочнее, одновременно не удлинняя его. Доказано, что наибольшей эффективностью отличаются те рекламные тексты, в которых даётся не описание рекламируемого продукта, а сам продукт действует в описании. «Фанта! Вливайся!» (реклама безалкогольного напитка «Фанта»). Глагол *вливайся* использован в новом значении – «присоединяйся». Первоначально реализуется значение глагола «присоединяйся», то есть вливайся в наши ряды, а затем уже *вливай в себя* (значение возвратного глагола). Так создаётся неоднозначность фразы: пей Фанту и будешь частью некоего сообщества, тусовки. Подобная смысловая полифония, окрашенная сленговым налётом, позволяет создать экспрессию, привлекающую внимание адресной аудитории, которая ценит необычность, яркость, ломку стереотипов.

«*Frustyle. Миксуй по жизни*» (торговая марка «Frustyle»). Данный императив образован чересступенчатым способом словообразования от существительного *микс*. Рекламисты использование повелительного наклонения относят к средствам драматизации. «Средства драматизации – это богатейший языковой арсенал для улучшения рекламных текстов. Использование даже одного из них может «заставить» потребителя более внимательно прислушаться к рекламному тексту и продолжить его чтение»¹⁶.

заСУШИсь! (реклама японского ресторана «Суши»). За счёт графического выделения слова *суши* происходит псевдочленение слова *засушись*. В данном примере мы имеем дело с инновацией по образцу глагола – «засушись», производной от названия продукта японской кухни – *суши*. Такое слово является формой глагола в повелительном наклонении – «засушись». Следовательно, в рекламе данного текста использовано не узуальное, а абсолютно новое, специально для этого созданное слово.

Может использоваться и описательная форма выражения императива: «*Джинсуют все!*» (реклама мобильной связи «Джинс»). В данном примере прослеживается связь с рекламируемым товаром. При помощи такого приёма создаётся новое слово, где сам рекламируемый товар показан в действии, что является очень важным для программирования потенциального покупателя, таким способом товар показан как выгодный и действенный.

¹⁶ Р. Шенерт, *Грядущая реклама*, Москва 2001.

Итак, глагол является самой частотной частью речи при создании языковой игры в рекламном тексте, что вполне объяснимо, так как «только глагол является соединительным звеном, которое включает в себя жизнь и распространяет её»¹⁷.

Подводя итог, следует заметить: в последнее время в медиапространстве происходят значительные трансформации: информационная функция языка всё чаще вытесняется суггестивной. Реклама перестаёт восприниматься только как явление культуры, становясь оптимальным средством влияния на сознание и подсознание реципиентов. Большинство рекламных текстов прибегает к эмоциональным средствам, которые блокируют критическое восприятие рекламного посыла. Наиболее эффективно воздействует на глубинные структуры психической организации языковая игра, которая использует единицы фонемно-графемного, лексико-семантического и грамматического уровней. Суггестемы грамматического уровня, создавая многоаспектную информацию, возникающую в результате «коммуникативных аномалий», повышают воздействие таких текстов, так как разрыв шаблона и создание искусственных слов являются техниками наведения трансовых состояний с целью влияния на реципиента.

Литература

- Бацевич Ф.С., *Основи комунікативної лінгвістики*, Київ 2004, 344 с.
- Гумбольдт В. фон., *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, 397 с.
- Кара-Мурза С.Г., *Манипуляция сознанием*, Москва 2002, 832 с.
- Ковалевська Т.Ю., *Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування*, Одеса 2001, 344 с.
- Кутуза Н.В., *Асоціативні ефекти соціальної реклами*, «Диалог: Медіа-студії» 2009, № 9, с. 145–154.
- Музыкант В.А., *Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммуникации, политике*, Москва 2002, 688 с.
- Мокшанцев Р.И., *Психология рекламы*, Москва 2000, 230 с.
- Непийвода Н.Ф., *Мовні ігри та гумор у рекламному тексті*, «Урок української» 1998, № 10, с. 20–24.
- Норман Б.Ю., *Язык: знакомый незнакомец*, Минск 1987, 220 с.
- Пирогова Ю. Е., *Скрытые и явные сравнения*, «Реклама и жизнь» 1998, № 5, с. 9–12.
- Поршнев Б.Ф., *О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии*, Москва 1974, 487 с.
- Рюмшина Л.И. *Манипулятивные приёмы в рекламе*, Москва 2004, 240 с.
- Свядош А.М., *Неврозы*, Москва 1982, 368 с.
- Цветков Э., *Психоника, или программируемый человек*, Санкт Петербург 1998, 192 с.
- Черепанова И.Ю., *Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного*, Москва 2002, 400 с.
- Шенерт Р., *Грядущая реклама*, Москва 2001, 295 с.
- Штелинг Д.А., *Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке*, Москва 1996, 312 с.

¹⁷ В. фон Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984.

Морфологические суггестемы рекламного дискурса в русскоязычных СМИ

Резюме

В статье очерчены теоретические вопросы суггестии, а также рассмотрены приёмы создания специальных языковых маркеров – суггестем – в рекламном дискурсе. Эффективность влияния на глубинные структуры психической организации достигается применением языковой игры, в частности, с семантикой морфологических категорий и форм. В работе показана игра со степенью сравнения прилагательных, окказиональные способы создания наречий и глаголов, игра с реальными единицами измерения и лжеединицами. Проанализированы причины использования суггестем грамматического уровня в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: суггестия, суггестемы, грамматическая форма, морфологические категории, языковая игра.

Morphological Suggestems of Advertising Discourse in the Russian Media

Abstract

The article outlines the theoretical issues of suggestion and considered methods of creating special linguistic markers – suggestion – in the advertising discourse. Efficacy for deep structures mental organization is achieved by using language of the game, in particular, to the semantics of the categories and morphological forms. The analysis shows the game with a degree of comparison of adjectives, adverbs occasional ways of creating and verbs, play with real units of measurement and unreal units. The reasons for the suggestion of using the grammatical level of advertising discourse were analysed.

Key words: suggestion, suggestemy, grammatical form, morphological categories, language game.

Виктория Горбань

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Victoria Vladimirovna Gorban, Ph.D.

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail: vigor.onu@gmail.com

+380487760960

Наталия Собченко

старший преподаватель кафедры русского языка

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Nataliia Sergeevna Sobchenko, senior lecturer

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail: ecoletk17@mail.ru

+380679461358

Елена Зеленицка

Лингвокультурологическая интерпретация концепта *хлеб и соль*

С начала 90-х годов XX в. в работах Д.С. Лихачева¹, Н.Д. Арутюновой², Ю.С. Степанова³, В.В. Воробьева⁴, В.П. Нерознака⁵ и др. формируется особое направление в лингвокультурологии – лингвистический концептуализм.

Проблема концепта и концептуального анализа в современной лингвистике занимает одно из первых мест, поскольку возрастает интерес к исследованиям феномена культуры, включающего в себя все многообразие человеческой деятельности и ее опредмеченных результатов. Концептологический подход направлен на обобщение достижений культурологии, лингвистики, страноведения, этнологии и ряда других дисциплин. Концепт в нашем исследовании понимается как единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания, языка, так как он принадлежит сознанию, детерминирован культурой и опредмечивается в языке. Итак, предметом описания избран был нами фрагмент русской и словацкой языковой концептосферы концепт *хлеб и соль*. Его следует считать фундаментальным концептом обоих языков и культур и одним из центральных понятий так русской как и словацкой материальной и духовной культуры.

Понятие *хлеб* является сегментом не только языка, но и культуры. Его значение в различных мировых культурах обусловлено тем, что для многих стран *хлеб* является основным продуктом питания. Несмотря на определенную универсальность, это понятие национально окрашено, в связи с чем в нем очень трудно провести границу между общечеловеческим и национально-культурным компонентами значения.

В сочетании *хлеб-соль* концепт выражает черты национального характера – гостеприимство и хлебосољство, тесно связанные с широтой русской души. Оборот *хлеб да соль* долго являлся приветствием, эту формулу гость обычно произносил, входя в избу, где сидела обедающая семья. Такое

¹ Д.С. Лихачев, *Концептосфера русского языка*, Издательство Русская словесность, Москва 1997, с. 280–287.

² Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, Москва 1998.

³ Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 1997.

⁴ В.В. Воробьев, *Лингвокультурология (теория и методы)*, Москва 1997.

⁵ В.П. Нерознак, *От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма*, «Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков», Омск 1998.

поведение представляло собой строго регламентированный народный этикет. В советское время, когда в языке было много заимствований, из французского пришло сочетание «*Vonparpetite*» приятного аппетита, а выражение *хлеб-соль* превратилось в архетипический образ доброжелательности, гостеприимства. На свадьбах, бракосочетаниях, молодоженам подносили каравай *хлеба* и *соль*, желая тем самым семье благополучия и достатка. Это все в основном характерно для русской культуры. Высокопоставленным гостям из других стран также подносили *хлеб*, и в этом случае он становился символом русской державы⁶.

В русской духовной культуре (книжной и народной), в национальной ментальности, в повседневном быту и соответственно в постоянном словоупотреблении макроконцепт *хлеб* несет в себе не только и не столько смысл естественного жизнеобеспечения, но и целый спектр значений духовного образа жизни русского народа. В словацкой же концепт *хлеб* в основном сохраняет значение гостеприимства и жизнеобеспечения.

Абстрактно-обобщенный концепт *хлеб* может обозначать во первых – пищу и пропитание и во вторых средства к существованию. *Хлеб* у русских более чем пропитание, он – символ пропитания *даю хлеб кому-либо* – означает обеспечиваю чье-л. пропитание или даю работу, *посадить на хлеб и воду* – значит наказать кого-то голодом. *Хлеб наш насущный* средство к существованию; *на своих хлебах жить* – существовать на свою зарплату; *водить хлеб-соль с кем, делить хлеб-соль с кем, встречать хлебом и солью* – гостеприимно приветствовать, выражать дружеское расположение к кому-л.⁷

Обычай приветствовать гостя с *хлебом* и *солью* известен в русской и словацкой культурах с давних времен. Сочетание *хлеба* и *соли* играло роль исключительно емкого символа: *хлеб* выражал пожелание богатства и благополучия, а *соль* считалась оберегом, способным защитить человека от враждебных сил и влияний. Угощение гостя *хлебом-солью* устанавливало между ним и хозяином отношения приязни и доверия. Недаром говорится «*от хлеба-соли и царь не отказывается*». Чаще всего с *хлебом* и *солью* встречали гостей, либо наоборот, гости приходили в дом с *хлебом* и *солью*, показывая свое хорошее отношение к хозяевам. И в том и в другом случае встреча была после дороги, а дорогу символизировал рушник (полотенце). Чаще всего с *хлебом да солью* и в настоящее время, встречает хозяйка – та, кто и пекла этот *хлеб*.

Хлеб и *соль* считались источником богатства и жизни. Поэтому *хлеб-соль* стал символом верности, с одной стороны, и символом богатства и обилия – с другой. *Хлеб-соль* имел место в русских, но не в словацких, свадебных обрядах. Каравай *хлеба* и солонка с *солью* часто украшали свадебный стол. Русские и словаки всегда ценили и почитали *хлеб*, он был символом большого труда и благополучной жизни. Угостить *хлебом да солью* – проявить уважение и гостеприимство, пожелать благополучия и достатка⁸.

⁶ Концепт «хлеб» как прототипический образ семантической изотопии «еда», http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5154

⁷ С. Георгиева, *Фразеологическая активность концепта «хлеб» в русском и болгарском языках*, «Культурные концепты в языке и тексте. Сборник научных трудов», вып. 2. Белгород 2007.

⁸ E. Zelenická, *Культура России в обрядах и обычаях*, UKF, Nitra 2015.

На Руси *хлеб-соль* принято было дарить и на новоселье. Тому, кто уходил в дальний путь давали в дорогу символические *хлеб-соль* как благословение. В России и на Украине гость, застающий хозяев за едой, говорил: «*Хлеб да соль!*» – что служило пожеланием богатства и благополучия.

О *хлебе-соли* как символе гостеприимства говорят многочисленные народные пословицы, например: «*За хлеб – соль не платят!*», «*Дурное слово не за хлебом-солью сказано!*», «*Сердись, дерись, а за хлебом-солью мирись!*», «*От хлеба-соли не отказываются*», «*Хлеб-соль и разбойника смиряет*», «*Хлеб-соль есть, да не про вашу честь*», «*Хлеб-соль ешь, да правду режь*».

Приветствие *хлебом да солью* чаще всего встречается в настоящее время в Словакии на официальных мероприятиях и праздниках. С *хлебом и солью* до сих пор встречают важного гостя: по традиции он должен отломить кусочек хлеба, посолить его и съесть. Этот обряд стал символом приобщения к основным жизненным ценностям встречающих его людей, это также означает, что они вступили в дружеские отношения⁹.

Хлеб всегда считался святыней, поэтому с детства воспитывалось бережное к нему отношение. С ним связано и несколько примет. Если хлеб нарезан неровно, приметы о хлебе говорят: у человека и жизнь будет такая же неровная и трудная. Когда сажают хлеб в печь, следует подымать подол и говорить: «*Подымайся выше*», чтобы хлеб получился хорошим. После заката нельзя начинать новую буханку – к нищете. Чтобы избежать голода и неурожая и, как следствие, нищеты – надо есть хлеб с большой аккуратностью, так, чтобы ни одна крошка, ни одна соринка не упала на пол. Если во время трапезы, недоев свой кусок хлеба, принялись за новый, значит, кто-то из ваших близких терпит нужду и голод. Во время обеда ломоть хлеба упал – гость спешит. Вообще хлеб на Руси и в Словакии выбрасывать не принято – это считается большим грехом, а наказанием за грех могут быть голод, нужда, болезни¹⁰.

Соль – один из тех продуктов, без которых человек не может существовать, возможно, именно поэтому с ней связано столько различных примет. Так, например, если кушанье пересолено, значит приготовивший его влюблён. Если же еда недосолена, следовательно любовный недуг обходит повара стороной и единственный, к кому он испытывает тёплые чувства, – и есть он сам. Многие женщины с помощью соли старались сохранить лад в семье и любовь мужа. Для этого женщина наговаривала на соль: «*Как твое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил*». Рассыпать соль – к ссоре. Примета о соли очень древняя, соль в старые времена ценилась действительно на вес золота, поэтому только очень и очень состоятельный человек мог позволить себе такую роскошь, как небрежное отношение к соли. Однако ссоры можно избежать, если на просыпавшейся соли нарисовать крест. Чтобы отпугнуть от младенца нечистую силу, ему в люльку клали соль.

Лингвокультурная интерпретация базового концепта русского языка и русской культуры *хлеб* и *соль* в сопоставлении со словацкой культурой может быть широко использована в практике преподавания русского языка как

⁹ <http://www.o-soli.ru/sol-v-kulture/khleb-sol/>, <http://znaniya2011.ru/narodnyie-traditsii-hleb-sol-vashemu-domu>.

¹⁰ <http://www.astromeridian.ru/magic>, <http://animalworld.com.ua/news>.

иностранным. В качестве эффективного методического приема при этом может стать лингвокультурологический комментарий, в котором содержатся объяснения культурологического характера.

Литература

Арутюнова Н.Д., *Язык и мир человека*, Москва 1998.

Воробьев В.В., *Лингвокультурология (теория и методы)*, Москва 1997.

Георгиева С., *Фразеологическая активность концепта «хлеб» в русском и болгарском языках*, «Культурные концепты в языке и тексте. Сборник научных трудов», вып. 2, Белгород 2007.

Лихачев Д.С., *Концептосфера русского языка*, «Русская словесность», Москва 1997, с. 280–287.

Нерознак В.П., *От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма*, «Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков», Омск 1998.

Степанов Ю.С., *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 1997.

Zelenická E., *Культура России в обрядах и обычаях*, UKF, Nitra 2015.

Лингвокультурологическая интерпретация концепта *хлеб* и *соль*

Резюме

Изучение языка в культурном контексте обусловлено потребностью в выработке понятийного аппарата лингвокультурологии, и лингводидактическими задачами освоения фундаментальных концептов русской культуры. В статье представляется комплексное лингвокультурологическое описание фрагмента концептосферы а именно концепта-константы *хлеб* и *соль*.

Ключевые слова: лингвокультурология, культура, обучение, концепт хлеб, соль

Interpretation of the „Bread and Salt” Concept from the Point of View of Cultural Linguistics

Abstract

Learning the language in the cultural context is conditioned by the need of creating the terminology related to cultural linguistics as well as cultural – linguistical acquirement of basic concepts of Russian culture. The article examines the complex cultural – linguistical description of conceptosphere’s fragment, namely the concept of „bread and salt”.

Key words: cultural linguistics, culture, education, the concept of bread and salt

Елена Зеленицка

кандидат философских наук

профессор Центра языков Университета им. Константина Философа

Elena Zelenická, Ph.D. (Philosophy)

Professor at Language center, Faculty of Arts,

Constantine the Philosopher University

e-mail: ezelenicka@ukf.sk

+421905537606

Галина Яроцкая

Аксиолингвистические аспекты концептуализации закона и справедливости в русском языковом сознании

Исследования языковых проявлений ценностных сдвигов, произошедших в российском обществе постсоветского периода, показывают, что, несмотря на лексическую динамику в русском языке конца XX и начала XXI века, в целом сохранилась устойчивость аксиосистемы русского языкового сознания (далее РЯС)¹. Относительная стабильность ценностей, воплощённых в РЯС, подтверждается и результатами массовых свободных ассоциативных экспериментов. Н.В. Уфимцева проследила динамику языкового сознания русских, опираясь на данные нескольких ассоциативных словарей. В результате установлено было, что с 60-х годов XX века неизменной остаётся соотносённость структуры РЯС со структурой этнических констант².

Как известно, новое мышление, перестройка и гласность отразились в русском языке перестроечного периода в номинациях, дающих, с одной стороны, новые негативно-оценочные смыслы «советскому прошлому» (*застой, совок, совдепия, гомо советикус*), и, с другой, в появлении семантических неологизмов, внедряемых официальным дискурсом, с позитивной оценочностью (*перестройка, гласность, ускорение*).

Целью данного исследования является выявление лингвоаксиологических характеристик концептуализации **закона** и **справедливости** в РЯС в постсоветское время. Использование количественных показателей частотности употребления соответствующих лексем даёт нам возможность проследить динамику актуализации этих концептов в РЯС постсоветского периода и в её ценностном векторе.

Аксиологическая динамика РЯС перестроечного и постперестроечного периодов, с нашей точки зрения, обнаруживает черты десоветизации, что проявилось в смене советской идеологии бытовой скромности и *самоотверженного труда на общее благо* на этику потребительского общества, с его ценностями профессионализма, высоких заработков и не менее высокого уровня

¹ См. Г.С. Яроцкая, *Языковая репрезентация экономического сознания в русской лингвокультуре*: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02, Одесса 2015.

² См. Н.В. Уфимцева, *Языковое сознание: динамика и вариативность*, Изд-во Института языкознания РАН, Москва 2011.

потребления. Языковые факты фиксируют появление новой идентичности и новых ценностей общества потребления. В экономическом фрагменте РЯС формируются новые ценностные ориентиры, вербализация которых отражает этот процесс.

В сфере концептуализации **закона** появились новые когнитивные признаки (экономические преступления), вербализованные в следующих неологизмах: *теневая экономика, чёрный рынок, серые схемы, кредитные мошенники, рейдерство, рекет, валютные махинации, серый импорт, нелегальный бизнес, полуплегалные схемы, биржевые спекулянты, зарплата в конвертах, финансовые пирамиды, пиратская продукция*; а также лексемы *легальный, легитимный, легитимизация, легитимность, легальность, легализация* и др. [НКРЯ].

Современные дискурсивные практики активно используют словосочетание *теневая экономика* – скрытая, нелегальная экономическая деятельность, которая охватывает незаконные виды коммерции, производства и услуг и подпадает под уголовную ответственность. Словосочетание *теневая экономика* является калькой с английского языка, как и многие другие экономические неологизмы современного русского языка: *рынок, рыночные отношения, чёрный рынок, инвестиционные риски, экономическая безопасность, экономический шпионаж* и др.

В неофициальном дискурсе появились лексемы – *фирмы-однодневки, временщик, откат* (являющиеся безэквивалентными единицами) и слова с ярко выраженной эмоциональной окраской и негативными прагматическими коннотациями: *прихватизация, дерибан, напёрсточник, крыша, крышевание, отмывание (денег), кидала, кидалово, беспредел, беспредельщик, лох, лохотрон, теневик, братва, братки, пахан*, а также словосочетание *вор в законе*, ставшее ключевым концептом «жизни по понятиям» – партикулярной справедливости.

Противопоставление *справедливости* и *законности*, имевшее место в истории русской лингвокультуры, сохраняет актуальность и в постсоветское время. По мнению И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва, слова *справедливый, справедливо, справедливость* являются лингвоспецифичными³, поскольку «во многих других языках мы найдём в словарях в качестве переводных эквивалентов *справедливости* слова со значением ‘законность’ или ‘честность’ (или ‘праведность’)»⁴. То, что *законность* никак не гарантирует *справедливости* в русской лингвокультуре, подтверждается многочисленными примерами текстового уровня воплощения РЯС [НКРЯ]. *Справедливость* отличается от *законности* тем, что *законность* формальна, в то время как *справедливость* требует апелляции к внутреннему чувству. В этом *справедливость* сближается с *честностью*⁵.

³ И.Б. Левонтина, *За справедливостью пустой*, [в:] И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Логический анализ языка. Языки этики*, Изд-во Языки русской культуры, Москва 2000, с. 281–292.

⁴ См. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв, *Константы и переменные русской языковой картины мира*, Изд-во Языки славянских культур, Москва 2012 (Язык. Семиотика. Культура), с. 232.

⁵ Там же.

Справедливым/несправедливым мы можем считать распределение благ, оценивая как справедливые/несправедливые действия кого-то, наделённого полномочиями арбитра. Чтобы судить о том, справедливы или несправедливы действия арбитра, говорящий присваивает себе функции «вторичного арбитра», оценивая решение о распределении благ как адекватное/неадекватное ситуации. В русском языке постсоветского периода активно появляются ранее не употреблявшиеся словосочетания *справедливая стоимость, справедливая цена, справедливая зарплата*. Согласно данным Частотного словаря современного русского языка, индекс частотности прилагательного *справедливый* составляет 33,9 ipm и ранг – 100 [ЧССРЯ]. При этом динамика частотности, согласно данным Национального корпуса русского языка, имеет следующие показатели:

Таблица № 1. Динамика частотности прилагательного *справедливый*

Годы	Индекс частотности (ipm)
2000	2.19891
2001	2.48972
2002	2.44250
2003	2.43301
2004	3.38193
2005	4.61111
2006	5.00981
2007	3.43383
2008	1.77425
2009	2.95733
2010	4.15602
2011	25.20895
2012	23.06211
2013	21.63047

Как видно из таблицы, наибольшую частоту прилагательное *справедливый* имело в 2011 году, увеличив в 6 раз количественные показатели.

Анализ некоторых языковых фактов, представленных в Национальном корпусе русского языка за 2008–2014 годы, позволяет говорить о начале процесса ресоветизации русского языка и российской аксиосистемы, что, возможно, означает попытку восстановления приоритета коммунистических ценностей, ослабивших свои позиции в перестроечный период. Коммунистические ценности, зафиксированные в лексемах – *коллективизм, родство, единство, общность, социальное равенство, взаимопомощь и справедливость* – актуализированы в современном РЯС, о чём свидетельствует увеличение сочетаемости валентностей, частотности, словообразовательной и фразеологической активности перечисленных лексем.

Известно, что существуют принципы распределения по потребностям, по заслугам и поровну. Принцип социальной справедливости вербализуется в русской лингвокультуре в прецедентном лозунге советского периода *От*

каждого по способностям, каждому по потребностям. С разных позиций можно несправедливым признать и *уравниловку* и имущественное неравенство, которое является следствием принципа «по заслугам» и «по потребностям». Позиция моралиста-праведника как одного из модальных типов личности в русской лингвокультуре⁶, оценка которого основана на презумпции равномерного воздаяния как «высшей справедливости», состоит в том, что если кто-то кому-то сделал нечто хорошее/плохое, то справедливо, чтобы и ему было хорошо/плохо, а «торжество справедливости» приравнивается им к восстановлению равенства. Именно такая оценка характерна для РЯС, в котором пресуппозитивной является идея всеобщего равенства как нравственного абсолюта: ср. устойчивые сочетания в русском языке – *страсть к справедливости, любовь к справедливости, жажда справедливости, чувство справедливости, борец за справедливость* и др. Это согласуется с тем, что А. Вежбицкая назвала моральной страстностью, присущей русскому видению мира. Таким образом, присущий справедливости релятивизм проявляется в том, что с разных точек зрения справедливыми представляются противоположные вещи. Это и другие свойства справедливости способствуют использованию лексики *справедливость* как демагогического и манипулятивного средства.

В концептуализации **справедливости** в РЯС наблюдается не только моральная страстность, но и представление о том, что *справедливость* присуща структуре мироздания и составляет один из высших организующих её принципов: «*Справедливость* — это глава угла, это основа мироздания!— замахал и Нержин» (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990) [НКРЯ]. Многие народы считают, что в жизни очень важна честность, но особенно высоко она ценится в протестантской культуре (ср. *протестантская честность*). В отличие от *честности*, в требовании *справедливости* часто усматривают нечто, свойственное русским в большей степени, чем другим народам: ср. *всемирная справедливость*, название партии *Справедливая Россия*, плакаты-транспоранты на майской демонстрации 2014 года в Москве: *Россия – оплот мировой справедливости* и др. Быть *честным* означает просто «не жульничать» и «не обманывать». Быть *справедливым* – быть в состоянии осуществить *справедливый суд*, т. е. взвесить все обстоятельства дела, все детали и «*воздать каждому по делам его*». «Ориентация на едва ли достижимый идеал в сочетании с изначально присущим *справедливости* релятивизмом ещё больше усиливает демагогический потенциал этого слова»⁷. Неслучайны и многократные употребления слова *справедливость* в речах В.В. Путина, который предлагает новый принцип «*глобализации на основе справедливости*» – в российском видении развития глобализации.

По мнению И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва, справедливость, наряду с правдой и милосердием, входит в ряд основных нравственных ценностей в русской языковой картине мира⁸. Однако вопрос об аксиологии справедливости, о её месте среди других ценностей, очень сложен. Учёные делают вывод о том, что пока *справедливость* основана на объективности, беспри-

⁶ Г.С. Яроцкая, *Языковая репрезентация...*

⁷ См. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв, *Константы и переменные...*

⁸ И.Б. Левонтина, *За справедливостью пустой...*, с. 281–292.

страстности, это ценность низшего уровня. Но она начинает восприниматься как высшая ценность, когда пропитывается эмоциями, прежде всего болью за человека обиженного, пострадавшего от несправедливости⁹.

Концептуальное пространство **закона** в РЯС отражает представление о законе как обязательном для всех правиле, поддерживаемом авторитетом государства либо обычаями и традициями, которое соответствует логико-рациональным компонентам рассматриваемого концепта.

А.И. Пригожин, размышляя об экономических процессах в современной России, говорит об отсутствии в русском сознании идеологемы «законность», которая определяет, по мнению исследователя, успешность развития капитализма в западных странах. Наличие этой идеологемы возможно лишь при усвоении базовых «экономических» ценностей: отношения к качеству труда и его продуктам и взаимной обязательности в деловых отношениях¹⁰.

Уровень ассоциативно-вербального воплощения **закона** в РЯС предполагает обращение к экспериментальной методике. Результаты проведенного нами ранее ассоциативного эксперимента¹¹ показали наличие на ассоциативно-вербальном уровне РЯС когнитивных признаков *коррупция, власть, вор, ответственность, деньги* и др., что позволяет говорить о пересечении концептуального пространства закона, власти и экономики в современной русской лингвокультуре.

Аксиологические компоненты концептуализации закона как ограничения, зачастую не совпадающего с принципами справедливости, объясняет функционирование последней как одной из моральных ценностей, формирующих критерии распределения благ. Возможно, опора на *справедливость* как этическую ценность приводит в итоге к экономической нестабильности и бедности, в то время как утилитаристский *закон* является более предпочтительной ценностью, обеспечивающей экономическое процветание и благосостояние общества.

Литература

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д., *Константы и переменные русской языковой картины мира*, Изд-во Языки славянских культур, Москва 2012 (Язык. Семиотика. Культура).

Левонтина И.Б., *За справедливостью пустой*, [в:] И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Логический анализ языка. Языки этики*, Изд-во Языки русской культуры, Москва 2000, с. 281–292.

Пригожин А.И., *Дезорганизация: Причины, виды, преодоление*, Изд-во Альпина Бизнес Букс, Москва 2007 («Синергичная организация»).

⁹ Там же.

¹⁰ А.И. Пригожин, *Дезорганизация: Причины, виды, преодоление*, Изд-во Альпина Бизнес Букс, Москва 2007 («Синергичная организация»).

¹¹ Г.С. Яроцкая, *Ценностная составляющая концепта «закон» в русской политэкономической картине мира*, [в:] *Функциональная лингвистика: сборник научных работ*, Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, научн. ред. А. Н. Рудяков, т. 2, Симферополь 2010, с. 375–378.

- Уфимцева Н.В., *Языковое сознание: динамика и вариативность*, Изд-во Института языкознания РАН, Москва 2011.
- Фенько А.Б., *Люди и деньги. Очерки психологии потребления*, Независимая фирма «Класс», Санкт Петербург 2005.
- Языковое сознание и образ мира. Сборник статей*, отв. ред. Н.В. Уфимцева, Изд-во ИЯРАН, Москва 2000.
- Яроцкая Г.С. *Ценностная составляющая концепта «закон» в русской политэкономической картине мира*, [в:] *Функциональная лингвистика: сборник научных работ*, Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, научн. ред. А.Н. Рудяков, т. 2, Симферополь 2010, с. 375–378.
- Яроцкая Г.С., *Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре*, Изд-во Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, Одесса 2013.
- Яроцкая Г.С., *Языковая репрезентация экономического сознания в русской лингвокультуре: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02*, Одесса 2015.

Источники иллюстративного материала

- АТРЯ – *Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь*, ред. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Москва 1994, 1996, 1998. Книжки 1–6. 2.
- БЭС – Борисов А.Б., *Большой экономический словарь*. Издание 2-е переработанное и дополнение, Изд-во Книжный мир, Москва 2007.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс], <http://www.ruscorpora.ru>.
- ЧССРЯ – Ляшевская О.Н., Шаров С.А., *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*, Изд-во Азбуковник, Москва 2009.

Аксиолингвистические аспекты концептуализации закона и справедливости в русском языковом сознании

Резюме

В статье рассмотрены ценностные аспекты динамики вербализации закона и справедливости в русском языковом сознании постсоветского периода. Приведены языковые факты, свидетельствующие о противопоставлении закона и справедливости в русском языковом сознании, а также о ценностном приоритете справедливости. Рост частотности употребления прилагательного *справедливый* подтверждает значимость и актуальность для русского языкового сознания соответствующего понятия. Экспериментальные методы показали преобладание негативных ассоциаций в сознании современных носителей русской лингвокультуры на лексему-стимул *закон*. Ценностная реабилитация советской идеологии, отражённая в дискурсивных практиках последнего десятилетия, позволяет говорить о частичной ресоветизации русской лингвокультуры.

Ключевые слова: русское языковое сознание, аксиосистема, закон, справедливость.

Linguistic and Axiological Aspects of the Resovietization of Verbal Consciousness in Modern Russian

Abstract

This is the first attempt to describe the valuable aspects of the law and justice conceptualization in the post-Soviet-era period of Russian linguistic perception. The article illustrates the reflection some ethic concepts in the Language. Our analysis has uncovered certain value-laden connotations of the law and justice in Russian consciousness. Our study of the axiological aspect of the law and justice as a concepts is revealed that the value system of Soviet ideology is being rehabilitated. The concept of justice as a value has priority over concept of the law. This was demonstrated by the discursive practices of the last decade, which suggests partial «resovietization» of Russian linguistic culture.

Key words: Russian language consciousness, axiological system, law, justice.

Галина Яроцкая
доктор филологических наук, профессор,
доцент кафедры прикладной лингвистики
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Galyna S. Yarotska
Doctor of Phil.Sc., Professor of the Chair of Applied Linguistics
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com
+380503916600

*Кристина Корнеева***Реализация концепта «Слово»
в поэзии Зинаиды Гиппиус**

На продвинутом этапе изучения языка особое значение приобретает освоение его концептуальной, символической стороны, поскольку именно через неё осуществляется взаимосвязь языка как знаковой системы с внеязыковой действительностью.

Одним из лучших способов постижения концептологической сферы языка, а также внеязыковых культурных реалий является знакомство с литературным творчеством авторов-носителей данного языка, поскольку в их случае живая речь как непосредственное выражение языкового сознания сочетается, как правило, с высоким уровнем владения литературным вариантом языка и его нормами. Кроме того, наиболее значительные представители литературного Олимпа обнаруживают глубокие познания в сфере культуры, истории, религии, философии, что сообщает их произведениям дополнительную (нередко многослойную) смысловую нагрузку, а следовательно вовлекает в работу множество языковых концептов и культурных символов. В этой связи особое внимание следует уделить поэзии и поэтической образности, так как именно здесь максимально раскрывается выразительный потенциал языка.

Это утверждение в особенности характерно для поэзии символизма, где большая часть художественных образов работает в первую очередь на выражение определённого философского подтекста.

Значительное влияние на русских символистов – опосредованно, через романтическую поэзию Василия Жуковского, а затем и философскую лирику Фёдора Тютчева – оказали мистические идеи йенских романтиков (в частности, Людвиг Тика, Вильгельма Вакенродера, но, в особенности, Новалиса), чьё творчество было направлено в первую очередь на постижение мистической стороны мироздания.

Ярким примером образности такого типа служит поэтическое творчество одного из ведущих представителей русского символизма – Зинаиды Гиппиус. Отличительной чертой её творчества является концентрация на метафизической стороне бытия и – как следствие – реализация мистической стороны различных концептов.

Особо следует рассмотреть проблему словесного выражения трансцендентного (сокровенного, непроявленного, нерасчленённого), которая

занимает значительное (если не ключевое) место в поэзии З. Гиппиус. В основе данной проблемы лежит вопрос о возможности словесного выражения уровня запредельного. Это приводит к тому, что концепт слова в творчестве поэта реализуется с весьма неожиданной стороны.

Проблема словесной передачи мистического опыта, интуитивно познанной Истины вставала ещё в самых ранних стихотворениях З. Гиппиус, к примеру, в лирическом произведении *Бессилие* (1893): «Мне кажется, что истину я знаю, – / И только для неё не знаю слов»¹.

Невозможность не только подобрать слова для передачи своего внутреннего состояния, а и просто максимально определённо прочувствовать его нашла отражение также в стихотворении *У порога* (1913): «Но словом прикоснуться не умею / К живущему во мне – и в тишине. / Я даже чувствовать его не смею: / Оно как сон. Оно как сон во сне»².

В своих лирических произведениях З. Гиппиус нередко даёт художественное описание попыток творческой переработки несказанности в словесность. Как пример можно привести стихотворение *Они* (1904). В нём отражён момент поиска слов лирическим героем, «кружение» смыслов в его сознании, которые он не в силах уловить, чтобы выразить невыразимое: «Игра и дымность в их привете, / Отсветы мыслей, тени слов... / Они – таинственные дети / Ещё несознанных миров»³.

Поражает удивительная лёгкость, с которой З. Гиппиус передаёт очень сложные и еле уловимые оттенки смыслов («отсветы мыслей», «тени слов»), чутко воспроизводя их в созданных ею сложных словесных конструкциях («они таинственные дети ещё несознанных миров»), которые служат для передачи и тонких психологических состояний и интеллектуальных озарений, глубоких истин бытия и музыкальной гармонии слова. Разум здесь безвластен, ибо божественные истины находятся далеко за его пределами. Лирическому герою остаётся лишь наслаждаться «порханием» смыслов вокруг себя, безо всякой надежды уловить их и воплотить в слова: «Я только слышу – вьются, вьются, / Беззвонный трепет я ловлю. / Играют, плачут и смеются, / А я, безвластный – их люблю»⁴.

Слово, по З. Гиппиус, само по себе есть ограничение, расчленение реальности. Именно в этом – в степени полноты бытия – любое из существующих слов проигрывает молчанию как всецелому нерасчленённому единству. Ни одно слово в принципе не способно передать всю непостижимую полноту запредельности. Неявленность как таковая есть нереализованность ни в чём конкретно, а значит потенциально предполагает пребывание абсолютно во всём. Так и молчание может нести в себе, что угодно, за ним могут скрываться любые смыслы или же их полное отсутствие.

В такой ситуации неизбежно столкновение между естественной потребностью автора в поэтическом самовыражении и бледностью конечного

¹ З. Гиппиус, *Сочинения: Стихотворения. Проза*, Изд-во «Художественная литература», Санкт-Петербург 1991, с. 54.

² Там же, с. 161.

³ Там же, с. 125.

⁴ Там же, с. 125.

итога творческого акта. Это столкновение запечатлено, к примеру, в лирическом произведении *Колодцы* (1914): «Слова, рождённые страданием, / Душе нужны, душе нужны. / Я не отдам себя молчаньям, / Слова как знаки нам даны»⁵.

Но такой настрой тут же сменяется разочарованием. Слово, реализованное с его узкой значимостью меркнет в сравнении с безграничностью неизречённого Слова, хранящего в потенциале все значения: «Слова в душе – ножи и копыя... / Но воплощенные, в устах – / Они как тающие хлопья, / Как снежный дым, как дымный прах»⁶.

Эти строки в некотором смысле перекликаются с тютчевским «Мысль изречённая есть ложь». В поэтическом мире З. Гиппиус слова являются ложью, слабой тенью Истины из-за невозможности подобрать адекватные вербальные средства для выражения запредельной (выходящей за рамки конкретно-вещественного и временно-событийного) реальности. Но полноценному выделению антитезы «слово-молчание» мешает тот факт, что сама трактовка образа Слова у З. Гиппиус антитетична по своей сути. Слово для З. Гиппиус – Бог. Проявленный, зримый Логос – в противоположность безграничному и безличному Абсолюту. Оно рождается из тьмы непроявленности, хаотической бездны вероятностей. Именно такое восприятие Слова отражено в стихотворении *Наше Рождество* (1915): «И буду молиться снова: / Родись, Предвечное Слово! / Затеpli тишину земную. / Обними землю родную...»⁷.

Обращение к «Предвечному Слову» явно отсылает читателя к Евангелию от Иоанна, где провозглашается божественная природа Слова – изначальная по отношению ко всему существу. Здесь крайне важен один момент: в процитированном отрывке речь идёт не о словах, а именно о Слове. А это существенно меняет смысл высказывания.

Дело в том, что «Слово» – это не просто некий собирательный образ слов как единиц языка, это, прежде всего, сама идея словесного воплощения трансцендентного. Слово как сама идея слова, Слово как воплощённость. В нём как бы собраны все реализованные потенциальности и скрытые смыслы, и поэтому Слово в данном контексте так же всеобъемлюще-безмерно, как и Молчание. Ибо в Нём всё, и во всём нет ничего иного, кроме Него самого. Именно об этом свойстве Слова (которое противопоставляется словам как разрозненному множеству) автор говорит в стихотворении *Сиянья* (1937): «Сиянье слов? О, повторять ли снова / Тебе, мой бедный человек-поэт, / Что говорю я о сиянье Слова, / Что на земле других сияний нет?»⁸.

Собственно, слова здесь кажутся неким платоновским миром идей – высшим по сравнению с миром материальных объектов окружающей действительности. Но Слово в таком случае – это уже сама Идея идей (объединённая, а значит Единая) Истина во всей её полноте. Это делает образ Слова зеркальным отражением образа Молчания.

⁵ Там же, с. 175.

⁶ Там же, с. 175.

⁷ Там же, с. 182.

⁸ Там же, с. 228.

Налицо интеграция противоположных смысловых полюсов в единое целое. Однако несмотря на идею о предвечном Слове, в своём поэтическом творчестве любой автор так или иначе вынужден иметь дело со стандартными словами человеческого языка. Отсюда естественным образом вытекает уже упомянутая выше проблема словесного выражения сокровенного, не расчлененного на вербально-логические составляющие опыта познания. Это в очередной раз порождает у З. Гиппиус идею о некоем мистическом Слове, в котором – в отличие от других слов – якобы должна содержаться вся неискажённая и нерасчленённая (ибо слово всего лишь одно!) Истина, лежащая за пределами рассудочного (разбитого на пункты и единицы слов) познания. Эта мысль прозвучала и в более раннем стихотворении *Слово?* (1933), где название неслучайно употреблено с вопросительным знаком: «Проходили они, уходили снова. / Не могли меня обмануть»⁹ – так говорила З. Гиппиус о бедных словах человеческого языка, и тут же: «Есть какое-то одно слово, / В котором вся суть. / Другие – сухой ковыль. / Другие все – муть, / Серая пыль»¹⁰.

Но, судя по последующим строкам данного стихотворения, искомое лирическим героем поэта Слово словом (в обычном понимании) на деле не является. Оно непроизносимо ни на одном языке, но мистическим образом слышится в звуках хаоса надвигающейся смерти: «Шла девочка через улицу, / Закричал ей слово автомобиль... / И вот, толпа над ней сутулится, / Но девочки нет – есть пыль»¹¹.

Оно же замкнуто в неразрешимом молчании – молчании животных, не знающих членорАЗДЕЛЬНОСТИ человеческой речи. Именно они своей немой изрекают Слово-Единство: «Но слово знают звери, / Молчаливые звери: / Собачка китайская / Голая, с кожей грубой, / В дверях какого-то клуба / Дрожит вечером майским, / Смотрит сторожко, – / Молчит тринадцать лет, / Как молчит и кошка / В булочной на Muette»¹².

Это Слово (да и Слово ли вообще?) – место пересечения речи и молчания. Оно не противостоит Молчанию как непроявленности, а напротив – сливается с ним. Ибо подобно Молчанию, оно всеохватно и неделимо. Это Слово-не-Слово.

Что особенно показательно в данном случае, так это сходство между этим загадочным Словом-не-Словом и «предвечным» Божественным Словом. Их объединяет: универсальность, нерасчленённость, неограниченность конкретным смысловым значением, что неизменно ставит знак равенства между ними и феноменом Молчания. Как и Божественное Слово, Слово-не-Слово можно считать связующим звеном между вербальностью и невербальностью, за счёт которого происходит синтез антитез, жизненно необходимый для лирики З. Гиппиус. Лучшее слово по З. Гиппиус – Безмолвие, которое Бог – ибо в нём всё – невысказанное и несказанное (то есть то, что высказать невозможно). В этой связи вспоминаются строки из гораздо более раннего стихотворения

⁹ Там же, с. 269.

¹⁰ Там же, с. 269.

¹¹ Там же, с. 270.

¹² Там же, с. 270.

Д. Мережковского – 1892 г. – *Тишина*: «Бог – не в словах, не в молитвах, / Не в смертоносном огне, / Не в разрушении и битвах, / Бог – в тишине»¹³.

Ещё один немаловажный пункт исследования данной проблемы – это вопрос о возможности/невозможности вербального общения между людьми и выводящийся непосредственно из него пункт об этике словесности.

Говоря об этом, нельзя не отметить совершенно особое отношение автора к поэтическому творчеству. Так, в своём письме к Зинаиде Венгеровой (27.05.1897) З. Гиппиус писала: «Я ведь редко пишу стихи и пишу их особенно, с тем чувством, с каким другие молятся. И потому для меня, только для меня одной, тут каждое слово важно, а для других оно не имеет силы, я это понимаю и покоряюсь»¹⁴.

То есть акт сотворения поэтического произведения для З. Гиппиус был священным в принципе. Но именно подобное молитвенное восприятие акта словесного выражения делает процесс поэтического творчества и его результат глубоко интимным и – как следствие – недоступным для понимания посторонними. Эту мысль З. Гиппиус высказала в предисловии к своему первому сборнику, которое носило название *Необходимое о стихах* (1904). Здесь, сравнивая процесс написания стихов с молитвой, она рассуждала о невозможности подлинного понимания стихов кем-то, кроме их автора.

Мысль об оторванности людей друг от друга, а значит и о разрозненности, неслиянности их слов, их молитв, выражена здесь предельно чётко: «И вот, мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся – в стихах, как умеем, [...]; виновны ли мы, что каждое «я», в наше время, теперь, сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я», и потому, непонятным ему и ненужным?»¹⁵.

В процессе своих рассуждений, поэт приходит к весьма неутешительному выводу о том, что стихи стали никому не нужны по той причине, что исчезла «общность молитвенного порыва»: «...было время, когда стихи принимались и понимались всеми. [...] И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие. [...] Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве...»¹⁶. По мнению З. Гиппиус, раньше «дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу». Теперь же у каждого свой персональный, отдельный – осознанный или неосознанный, – но свой Бог. «А потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие, молитвы»¹⁷.

Пожалуй, наиболее кратко и одновременно ярко с предельной степенью исповедальности эта мысль о сакральности и крайней изолированности, индивидуализированности процесса словесного проявления внутреннего мира

¹³ Д. Мережковский, *Стихотворения и поэмы*, Изд-во «Академический проект», Москва 2000, с. 58.

¹⁴ З. Гиппиус, *Сочинения*, с. 13.

¹⁵ Там же, с. 47.

¹⁶ Там же, с. 47.

¹⁷ Там же, с. 48.

прозвучала в стихотворении 1918 года *Есть речи*: «У каждого свои волшебные слова. / Они как будто ничего не значат, / Но вспомнятся, скользнут, мелькнут едва, – / И сердце засмеётся и заплачет. / Я повторять их не люблю; я берегу / Их от себя, нарочно забывая. / Они мне встретятся на новом берегу: / Они написаны на двери Рая»¹⁸. Данные строки звучат в унисон строки из написанного на пятнадцать лет раньше стихотворения Поликсены Соловьёвой *Мы живём и мертвеем* (1903): «Но душой неусталой / Мы должны подстеречь / Для любви небывалой / Небывалую речь»¹⁹. Также его мотив частично перекликается со стихотворением М. Лермонтова *Есть речи – значенье*: «Есть речи – значенье / Темно и ничтожно, / Но им без волнения / Внимать невозможно. [...] Но в храме, средь боя / И где я ни буду / Услышав, его я / Узнаю повсюду»²⁰ Последний также наделяет слово, рожденное «из пламя» и света небывалой силой эмоционального и духовного воздействия на человека. При этом само слово остаётся непостижимым («значенье темно и ничтожно»).

Если говорить о степени необходимости словесного самовыражения вообще, то на этот счёт лирические герои Гиппиус высказываются подчас противоположным образом. Для начала следует сказать о том, что – как отмечают Константин Азадовский и Александр Лавров – «молчание» – истинно религиозное состояние для Гиппиус»²¹. И причина такого отношения к молчанию отнюдь не в пренебрежении к вербальности как таковой, а в том, что – как было сказано выше – поэтическое творчество было для З. Гиппиус сродни молитве, следовательно, не терпело обывательски небрежного отношения к слову. Любое слово, брошенное небрежно и всуе нивелируется, теряет свою ценность, и это равносильно богохульству и предательству, подобно тому, как это отображено в стихотворении *Отдых* (1914): «Слова – как пена, / Невозвратимы и ничтожны. / Слова – измена, / Когда молитвы невозможны»²².

Словесное расточительство неуместно, по мнению поэта, в отношении наиболее глубинных чувств, суть которых должна быть скрыта от посторонних ушей, ибо никакими словами всё равно невозможно отобразить всю глубину чувств любящего сердца, не исказив тем самым этих чувств, как, к примеру, в стихотворении *Родное* (1920): «Не назову родное имя, / Любовь безмолвная свята. / И чем тоска неутолимей, / Тем молчаливее уста»²³. Такая декларируемая автором неполноценность словесного выражения чувств здесь особенно явно перекликается с тютчевской идеей о ложности изречённой мысли.

Похожая мысль прозвучала ещё в стихотворении 1901 года *Тетрадь любви (надпись на конверте)*. Здесь мотив священной невысказанности (а вернее

¹⁸ Там же, с. 206.

¹⁹ См. Л. Смирнова, *Золотой сон души: о русской литературе рубежа XIX–XX вв.*, Изд-во «Водолей», Москва 2009, с. 119.

²⁰ М. Лермонтов, *Малое собрание сочинений*, Изд-во «Азбука», Санкт-Петербург 2013, с. 112.

²¹ З. Гиппиус, *Сочинения*, с. 13.

²² Там же, с. 180.

²³ Там же, с. 219.

даже *несказанности*) чувств сближается с мотивом любви ко всякой несвершённости вообще: «И тёмем сургуч, / Которым любовь моя запечатана. / И хочется мне печати сломать... / Но воля моя смирением связана. / Пусть будет вечно закрытой лежать тетрадь, / Пусть будет Любовь моя – недосказана»²⁴.

Так проявляется идея неприкосновенности тайны, недолжности разрушения её словом. Впрочем, нельзя не отметить, что на раннем этапе творчества в поэзии Гиппиус встречались и прямо-противоположные идеи, как, например, в *Сентиментальном стихотворении* (1896). В этом произведении звучит мысль о том, что именно слова, сказанные вовремя (в данном контексте – на пике чувства) способны сберечь это чувство в вечности уже после его смерти в сердцах людей: «Душа, быть может, разлюбила – / Что нам до мимолётных снов? / Хранит таинственная сила / Бесмертие рождённых слов. / Они когда-то прозвучали... / Пусть лжив торжественный обет, / Пускай забыты все печали – / Словам, словам забвенья нет!»²⁵.

Близкая по смыслу идея была выражена также в строках более позднего стихотворения *Тяжёлый снег* (1918): «И я, чтоб задержать мгновенья, / Их сковываю цепью слов»²⁶. И в том, и в другом случае слова, обретая бессмертие, борются с течением времени и конечностью всех событий.

Иными словами, образ Слова в поэзии Гиппиус как бы распадается на две половинки: слово как единица речи и Слово как Речь в потенциале – вмещающая все слова, но реализованная, ибо реализация речи на практике означает выбор нескольких слов из множества возможных – определение, ограничение, тогда как потенциальное, но не произнесённое Слово может быть любым. В этом заключается причина диалектического отношения поэта к данному концепту.

Нельзя не отметить также, что творчество З. Гиппиус, вне всякого сомнения, является интересным не только как необычный пример реализации концепта «Слово», но и как один из наиболее значимых образцов русской метафизической поэзии и, собственно, символизма (что в свою очередь значимо в культурологическом аспекте изучения языка).

Кроме того, знакомство с её творчеством является важным для понимания русской культуры эпохи fin de siècle, поскольку метафизические идеи З. Гиппиус не только легли в основу её поэзии, но также стали фундаментом философии «нового религиозного сознания» – учения, разработанного З. Гиппиус в соавторстве с Д. Мережковским и ставшего знаковым явлением в истории русской философской мысли рубежа веков XIX и XX веков.

Литература

Бердяев Н., *Новое религиозное сознание и общественность*, Изд-во «Канон+», «Реабилитация», Москва 1999.

Берковский Н., *Романтизм в Германии*, Изд-во «Художественная литература», Ленинград 1973.

²⁴ Там же, с. 97.

²⁵ Там же, с. 64.

²⁶ Там же, с. 79.

- Вакенродер В.Г., *Фантазии об искусстве*, Изд-во «Художественная литература», Москва 1977.
- Виролайнен М., *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*, Изд-во «Амфора», Санкт-Петербург 2003.
- Гиппиус З., *Сочинения: Стихотворения. Проза*, Изд-во «Художественная литература», Санкт-Петербург 1991.
- Жуковский В., *Стихотворения, баллады, повести и поэмы, сказки*, Изд-во «АСТ», Москва 2010.
- Лермонтов М., *Малое собрание сочинений*, Изд-во «Азбука», Санкт-Петербург 2013.
- Мережковский Д., *Стихотворения и поэмы*, Изд-во «Академический проект», Москва 2000.
- Новалис, *Фрагменты*, Изд-во «Владимир Даль», Санкт-Петербург 2014.
- Смирнова Л., *Золотой сон души: о русской литературе рубежа XIX–XX вв.*, Изд-во «Водолей», Москва 2009.
- Тютчев Ф., *Юбилейное издание в трёх томах*, Изд-во «Даръ», Москва 2013.

Реализация концепта «Слово» в поэзии Зинаиды Гиппиус

Резюме

В этой статье был описан пример нестандартной реализации концепта «Слово» в творчестве одного из наиболее самобытных поэтов русского символизма – Зинаиды Гиппиус. Характерной особенностью её творчества является мистическая картина мира, главное место в которой занимает проблема постижения трансцендентной Истины и Бога. В связи с этим одним из главных вопросов для З. Гиппиус является возможность словесной передачи мистических переживаний. Концепт слова в творчестве З. Гиппиус реализуется двойственно. С одной стороны, слово является символом Божественного (Слово – Бог), а с другой, оно же часто становится абсолютно бессильным при передаче трансцендентного опыта. Такая амбивалентность реализации концепта придаёт поэзии З. Гиппиус диалектический характер.

Ключевые слова: слово, реализация, выражение, молчание, трансцендентное, Истина, Бог.

The Implementation of the Concept «Word» in Zinaida Gippius' Poetry

Abstract

This article described an example of an unusual implementation of the concept «word» in poetry of the one's of the most original authors of Russian Symbolism – Zinaida Gippius. A specific feature of her poems is a mystical view of the world. It's main problem is comprehension the transcendent Truth and God. Thereby a major question we can find in Z. Gippius' works is the possibility of verbal transmission of mystical experiences. The concept «word» in Z. Gippius' poems was implemented doubly. On the one hand, the word is a symbol of God, on the other hand, it often becomes absolutely powerless in transmission of transcendental experience. This ambivalence of the concept implementation makes Z. Gippius' poetry dialectical.

Key words: word, implementation, expression, silence, transcendent, Truth, God.

[38]

Кристина Корнеева

Кристина Корнеева
кандидат филологических наук
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Christina Korneyeva
Ph.D. of Philology (Candidate of Philology)
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: koshmurr@ukr.net
+ 380930539028

Нина Раковская

Модель критической рефлексии Константина Леонтьева

В жизни К.Н. Леонтьева непостижимым образом сочетались власть традиций, быта с властью своего «я», своего особого предназначения, исканиями Бога и страхом перед ним, европейская образованность с открытым вызовом новой Европе и утверждением русской национальной идеи. Его проповедничество, исторические и философские пророчества стали предметом размышлений А. Королькова (*Пророчества К. Леонтьева*), В.И. Косик (*К. Леонтьев. Размышления на славянскую тему*), С. Сергеева (*Творческий традиционализм К. Леонтьева*). Значимым оказалось издание двух сборников *К Леонтьев: pro et contra*, в котором собраны, но еще не систематизированы биографические материалы, мемуары, эссе, в основном, его современников, среди которых наиболее ценными являются статьи Василия Розанова, Владимира Соловьева, Сергея Булгакова, Семеона Франка. О критике Сергеем Бочаровым и Виктором Ерофеевым написаны публицистические статьи. Литературоведение делает первые шаги в осмыслении художественного и критического наследия К. Леонтьева, о чем свидетельствует кандидатская диссертация Игоря Славина *Литературная деятельность К. Леонтьева*, защита которой состоялась в МГУ в 2008 году.

Представляются интересными работы американских ученых, таких как Питер Барри, Джон Перкинс, Елена Толстая, Роберт Спивак, хотя их научный поиск в большей степени направлен на использование культурологического подхода. В плане изучения дискурса К. Леонтьева примечателен ряд исследований польских ученых: Анджея Валицки, Люцины Рожек, Мариана Броды, Михала Бохуна.

В свете вышесказанного надо отметить, что своеобразие критической рефлексии К. Леонтьева, как особый взгляд на мир, остается все еще вне поля зрения исследователей. В связи с этим, актуализация его интерпретационной практики очевидна.

Целью данной статьи является осмысление некоторых аспектов критической рефлексии К. Леонтьева, в которой проявилось парадоксальное и противоречивое мироощущение талантливого мыслителя, исследующего мир русской классической литературы.

Художественный мир русской классики, в частности, А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, был предметом размышлений близких

К. Леонтьеву по мировосприятию Ап. Григорьева и Н. Страхова. Неслучайно, он называл свою критическую концепцию, так же как и Ап. Григорьев, органической и в публикуемых работах явственно пытался доказать верность славянофильским идеалам.

«Духовная амбивалентность леонтьевского эстетизма»¹, особенности его кризисного сознания отразились в статье *Наши новые христиане. Ф. Достоевский и граф Л. Толстой*, в которой творческое наследие писателей включается в эстетико-философский контекст размышлений о судьбах славянофильства, православия, русской и европейской культур.

В этом аспекте К. Леонтьев был одним из тех мыслителей, кто признавал дар Ф. Достоевского и Л. Толстого, но не принимал их мироощущения, духовного проповедничества. Так, например, оценивая рассказ Л. Толстого *Чем люди живы*, К. Леонтьев размышляет о художественной эволюции писателя. Его интересует переход от больших романов к коротким рассказам, отказ от реалистических бытописаний, и в тоже время, «высокая простота и сжатость формы», эстетизация мира и человека. Артистическая манера писателя проявилась, с его точки зрения, независимо от «нравственного направления». К. Леонтьев не принимает мировоззренческий поворот Л. Толстого к «новому христианству». Логическое самосознание и христианское мышление Л. Толстого несоизмеримы «изяществу и силе его полунечаянного творчества», «повесть – правильное его тенденции», «гениальный повествователь выручил весьма несовершенного христианского мыслителя», – замечал критик².

В статье *Анализ, стиль и вяение* К. Леонтьев продолжит размышления о художественном мире писателя. Анализ романа Л. Толстого *Анна Каренина* дает, с его точки зрения, представление о развитии психологизма в русской литературе и особенностях толстовской поэтики. Здесь главный акцент сделан на психологических формах и средствах анализа, символике текста, его знаковых кодах. Детали, подробности, цвет, звук, числа станут предметом интерпретации, обнажая метафизический характер толстовского романа. Не случайно В. Грифцов назовет данную статью «плотиной», сдерживающей поток метафизических вопросов и следствий, которые поставила русская литература и, в частности, Л. Толстой, о человеке и мире.

Иной подход наблюдается у К. Леонтьева при анализе творчества Ф. Достоевского. Ему интересно не только романное творчество писателя, но и его публицистика. Вместе с тем современники (в том числе Г. Успенский, А. Чехов, Н. Лесков) категорически не приняли концепцию критика. В. Грифцов отмечал, что К. Леонтьев «близоруко-несправедлив» к творчеству Ф. Достоевского, единственного человека, который смог бы ответить на его требование «потрясающей музыки чувств»³. Но именно благодаря Ф. Достоевскому совершался переворот в сознании критика, завершившийся духовным кризисом. В 70-е – нач. 80-х гг. К. Леонтьев писал о том, что выходит на собственную дорогу исканий, связанную с исключением из своего созна-

¹ С. Булгаков, *Тихие думы*, Москва 1918, с. 141.

² К.Н. Леонтьев, *Собрание сочинений: в 9 т.*, Санкт-Петербург 1913, т. 8, с. 167.

³ В.А. Грифцов, *Судьба К. Н. Леонтьева*, «Русская мысль» 1913, № 2, с. 15.

ния «тоскливого субъективизма», возникшего под влиянием Ф. Достоевского. Теперь его будет привлекать философия красоты, осознание Ф. Достоевским жизни как объективной силы и всеобъемлющего мерил явлений мира.

Этот период он близок не только к Ф. Достоевскому, но и к Ап. Григорьеву; их объединяла общая литературная почва. Ап. Григорьев отмечал, что литературно-душевная почва «нашего недавнего прошлого» (речь шла о А. Пушкине и И. Тургеневе) была для них «родной», и они сохраняли верность ей при всех эстетических разногласиях и философских переоценках. К. Леонтьев неоднократно писал о значимости русского байронизма и европейского романтизма, мировой тоске русского мыслящего героя. Заметим, что Ф. Достоевский в 1877 г. на могиле Н. Некрасова защищал перед новыми радикалами байронизм как «великое и святое» явление европейского духа. По этому поводу С. Франк заметил: «В их звуках [словах] зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование в своем назначении»⁴. В поисках гармонии критик и писатель обращались к А. Пушкину. К. Леонтьев был солидарен с Ф. Достоевским, что только А. Пушкин указал «исход для нас, русских, из мировой тоски – в обращении к идеалу народности, почве»⁵. Из своей первой монастырской кельи, на Афоне, в 1872 г. критик писал: «От некоторых мест Чайльд Гарольда можно перейти без всякого усилия и почти незаметно к иным местам *Давидовых Псалмов*, а от *Псалмов Давида* ко всей христианской церковности. Два величайших лирика всего мира (речь идет о Пушкине и Байроне. – Н. Р.) могут легко примириться в большой и тоскующей русской душе. – И вольно же было сухим умам мировую тоску, тоску безграничной ненасытной и широкой души сводить на мелкое гражданство, недовольство современностью, вместо того, чтобы разрешить ее в Боге»⁶. В парадоксальном сочетании этих имен и заключалась, с точки зрения Н. Бердяева, «цветущая сложность» К. Леонтьева. Он склонялся перед требованиями православной аскезы и не хотел в то же время терять широту эстетических и культурных переживаний. «Ум свой упростить я не могу», – замечал критик. Он не просто в своей концепции совмещает Байрона и Давида, эти имена важны для него как некие вехи пути русского человека. Путь, на котором «тоска мировая широкой и ненасытной души находит себе разрешение в почве и в Боге»⁷, какой проходили близкие ему по духу интеллектуальные герои XIX века, в том числе и такие его протагонисты, как Ап. Григорьев, Ф. Достоевский. Совершенно очевидно, почему для всех них кумиром и спасителем культурной памяти был А. Пушкин, тем более, что мир поэта являлся постоянно предметом острой полемики в литературной критике.

К. Леонтьеву была близка мысль Ф. Достоевского о том, что «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унёс с собой в гроб некоторую тайну, и вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»⁸.

⁴ С.Л. Франк, *Философия и жизнь*, Санкт-Петербург 1910, с. 86.

⁵ К.Н. Леонтьев, *Собрание...*, т. 2, с. 113.

⁶ К. Леонтьев, *Отшельничество, монастырь и мир. Их сущность и взаимная связь*, Москва 1892, с. 34.

⁷ Там же, с. 35.

⁸ Ф.М. Достоевский, *Полное...*, т. 28, с. 176.

Как известно, ответ на вопрос о судьбе наследия А. Пушкина в русской культуре пытался дать Ап. Григорьев, но столь понятная и чёткая формула критика: «Пушкин – наше всё» подвергалось постоянным сомнениям. Речь Ф. Достоевского о Пушкине в определённом плане была попыткой не только воскресить интерес к поэту, но и поставить проблему национального значения А. Пушкина, которое определялось, с точки зрения писателя, тем, что он воплотил тип «русского скитальца», и в то же время, обладал «всемирной отзывчивостью». Статья К. Леонтьева *О всемирной любви*, написанная после выступления Ф. Достоевского и опубликованная в цикле статей (газета *Варшавский дневник*) предполагала определённую исповедальность и близость к *Дневнику писателя* Ф. Достоевского.

Остановимся подробнее на некоторых ее аспектах. Показательна рецепция феномена Пушкина (как его осмыслял Ф. Достоевский) в концепции К. Леонтьева. Характеры Алеко и Онегина – характеры «вечных скитальцев», оторвавшихся от почвы. Возможно, здесь для К. Леонтьева очевидна близость с Иваном Карамазовым, восходящая к притче о сеятеле (Мф. 13; 3–23). Противопоставление «русским европейцам» пушкинских народных типов, «положительно прекрасных». Связь с именем Христа и евангельской идеей плодоношения. Два типа универсализма и вселенскости – механический и онтологический, и способность Пушкина к «полнейшему перевоплощению в гении чужих наций» с выявлением всей затаенной глубины их как свойство 2 типа универсализма, соединяемое с понятием «служения» в евангельском контексте (Мф. 20; 25–28, Мф. 10; 42–45). Становление в художественном мире Пушкина двух типов «универсализма» и выбор поэта между ними как проявление национального самосознания, и, одновременно, предпосылка соизмеримости «феномена Пушкина» и русской судьбы.

Главной проблемой в пушкинском творчестве для Ф. Достоевского и К. Леонтьева является проблема гармонии, решаемая в эстетическом и философском контексте. Ф. Достоевский обосновывал необходимость будущей гармонии и её неотвратимость самим существованием гармонической личности, какой для него была личность А. Пушкина. По собственному признанию Ф. Достоевского, искусство Пушкина подвело его к современным вопросам, к осознанию того, что обновление мировой цивилизации будет достигнуто благодаря тому, что русский художник, каким был Пушкин, одарён высшим разумом и инстинктом общечеловечности. *Евгений Онегин*, *Борис Годунов*, *Медный всадник* – эти произведения А. Пушкина, – пишет Достоевский, – обнаруживают такие свойства натуры поэта, как «самостоятельность мышления, вековая, благодатная, ничем не смущаемая вера и справедливость при жажде новой истины»⁹.

Отмечая мысль Ф. Достоевского о «неизбежности для всякого русского человека – жить, страдая скорбями о всечеловеческих страданиях, о европейском, всечеловеческом смысле русского «скитальничества», К. Леонтьев вносит свои коррективы в понимание пушкинской гармонии, указывая, что пушкинская гармония – это не просто преодоление несчастий, «разрывов и надрывов» (как считал Ф. Достоевский), они – условие её существования,

⁹ Ф.М. Достоевский, *Полное...*, т. 28, с. 173.

ибо органическая природа живёт разнообразием, антагонизмом и борьбой. Именно в антагонизме она обретает единство и гармонию. Стремление обойтись без органических бедствий и разочарований он называет «розовым славизмом», который был чужд А. Пушкину, но присущ Ф. Достоевскому. К. Леонтьев видит в пушкинской гармонии сопряжение вражды с любовью, возникающее из многообразного, «чувственного, воинственного и демонически пышного» гения. С. Булгаков считал, что в этих суждениях, весьма резких, обнажается некая тайна и самого К. Леонтьева, открывается его собственное язычество, «закрытое в сознании и в исповедании, но сохранившееся в бытии и мирозерцании»¹⁰. Идея всемирного братства, которую усматривает Ф. Достоевский в А. Пушкине, кажется Леонтьеву «ересью», ибо даже Христос не обещал благоденствия. Для Достоевского Христос – это идеал, олицетворяющий любовь и самопожертвование, для Леонтьева – не искупитель, а жертва. «Терпите, всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такое колебание горести и боли, есть единственная на земле гармония»¹¹. Об этом, с его точки зрения, свидетельствуют полюсно-контрастные характеры – Онегина и Татьяны, Моцарта и Сальери и т.д.

Не воспринимает К. Леонтьев и настойчивую мысль Ф. Достоевского о необходимости совершенствования человечества. Ф. Достоевский пишет в «пушкинской речи»: «Не торопитесь перестраивать жизнь, займитесь прежде всего жизнью собственного сердца вашего». К. Леонтьев считает, что Достоевский как художник может надеяться на сердце человеческое, но Христос, с точки зрения критика, не верит ни в совершенство человека, ни в совершенство общества. Ф. Достоевский, отвечая на эти замечания, указывает: «В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое, сверх того чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коли все обречены, так чего ж стараться, чего любить добро делать? Живи в своё пузо...»¹².

Определение «безрассудности» идеи К. Леонтьева связано, с точки зрения Ф. Достоевского, прежде всего с философской концепцией критика. Ф. Достоевский не мог принять вольное обращение К. Леонтьева со священными текстами, не мог осмыслить, почему философия К. Леонтьева представляет «смесь страха и любви». Действительно, страх Божий и любовь к человечеству – такова главная леонтьевская антитеза.

Свою философию страха и любви К. Леонтьев противопоставлял теории Достоевского как прямо христианскую¹³. Ф. Достоевский напоминал ему новозаветное слово, содержащее решающее возражение: «В любви нет страха, но совершенная любовь вон изгоняет страх» (1 *Послание Иоанна*, 4, 18). К. Леонтьев возражал: «Та любовь к Богу, которая до того совершенна, что изгоняет страх, доступна только очень немногим». Как современное учение, «одностороннее» проповедование христианской любви есть для Леонтьева признак «розового» или «нового» христианства, незримо связанного с эмансипационно-эгалитарными течениями века. Собственное леонтьевское реше-

¹⁰ С. Булгаков, *Тихие думы*, Москва 1918, с. 34.

¹¹ К. Леонтьев, *Отшельничество...*, с. 27.

¹² Ф.М. Достоевский, *Полное...*, т. 28, с. 174.

¹³ К.Н. Леонтьев, *Собрание...*, т. 2, с. 68.

ние: «Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят...»¹⁴.

«Совершенной любви» в картине леонтьевского бытия – нет. У Леонтьева понятие любви относительно, “паллиативно”¹⁵. Для критика любовь – сила естественная, подчинённая, как и всё живое, закону старения и умирания: «под конец оскудеет любовь», – повторяет Леонтьев от лица Евангелия, на деле, однако, переводя евангельское пророчество («И, по причине беззакония, во многих охладает любовь» – Матф. 24, 12) на язык своей теории триединого процесса. Исследователи творчества Ф. Достоевского не раз отмечали, что в *Братьях Карамазовых* предусмотрен спор Леонтьева с Достоевским: «Но ведь есть и много любви в человечестве, и почти подобной Христовой любви», – говорит Алёша, и ему по-леонтьевски отвечает Иван: «По-моему, Христова любовь к людям есть в своём роде невозможное на земле чудо»¹⁶.

«Всё, кружась, исчезает во мгле...». К. Леонтьев понимал данное суждение и в статье *О всемирной любви* повторял, опять от имени Евангелия, но акцентируя по-своему, что «на земле всё неверно и всё неважно, всё недолговечно...»¹⁷. И христианство – «для внутренней жизни нашего сердца» – характеризовал как «религию разочарования, религию безнадежности во что бы то ни было земное»¹⁸. Глубокое погружение в религиозное мирозерцание в середине жизненного пути и было вызвано у К. Леонтьева острым переживанием тленности и обречённости земной красоты и самой жизни.

«Неподвижно лишь солнце любви». Этой формулы, видимо, К. Леонтьев не признавал, но ее хорошо осознал Ф. Достоевский. В поэме об инквизиторе Ф. Достоевский раскрывал глубинную суть явления людям Христа: «Солнце любви горит в его сердце...». В видении Алёши сам Христос – это солнце: «А видишь ли солнце наше...? – Боюсь, не смею глядеть... – Не бойся Его. Страшен величием перед нами, ужасен высотой своею», но милостив бесконечно...»¹⁹.

Заметим, что в полемике с К. Леонтьевым В. Соловьёв напишет статью *Смысл любви*, которая откроет новую линию истолкования этой темы в русской философии и литературе XX века.

В. Соловьёв полагал ошибочным обвинение К. Леонтьева в искажении Ф. Достоевским христианской идеи «примесью сентиментализма и отвлечённого гуманизма», так как гуманизм Ф. Достоевского утверждался на Христе и на Церкви, а не на вере в отвлечённый разум или в безбожное и бесноватое человечество²⁰. Спор К. Леонтьева с Ф. Достоевским, по словам не только В. Соловьёва, но и В. Розанова, отразил начавшийся «глубочайший водоворот христианства, стержнем которого «был вопрос, что есть сердцеви́на в христи-

¹⁴ К.Н. Леонтьев, *Отшельничество...*, с. 42.

¹⁵ К.Н. Леонтьев, *Собрание...*, т. 8, с. 192.

¹⁶ Ф.М. Достоевский, *Полное...*, т. 14, с. 216.

¹⁷ К.Н. Леонтьев, *Собрание...*, т. 8, с. 182.

¹⁸ Там же, с. 183.

¹⁹ Ф.М. Достоевский, *Полное...*, т. 14, с. 327.

²⁰ В.С. Соловьёв, *Философия искусства и литературная критика*, Москва 1990.

анстве: нравственное братолюбие или некая мистика, при коей братолюбие и не особенно важно»²¹. К. Леонтьев главным в христианстве считал его мистическое содержание, недостаток которого обнаружил в *Братьях Карамазовых*. Ф. Достоевский, отрицая мистицизм в православии, тем не менее хорошо понимал, что отсутствие Бога нельзя заменить любовью к человечеству, которая, в свою очередь, невозможна без «веры в бессмертие души».

Соглашаясь с тем, что в произведениях А. Пушкина и Ф. Достоевского Сын Божий предстаёт в традиционном облике носителя деятельного добра, искупителя людских грехов, предавшего свою плоть «бичам мучителей», а дух – испытанию «коварством искусителя», в связи с чем образ Христа трансформируется в фигуру положительно прекрасного «земного подвижника», открывающего «спасенья верный путь и тесные врата всем жаждущим», «мир любви к живой жизни», без которой жизнь, – «дар напрасный, дар случайный», он, вместе с тем, не осознал, что характеры А. Пушкина и Ф. Достоевского страстно взыскуют веры в Бога и отсюда дух терпения и смирения. Не принял К. Леонтьев и идею положительного всеединства добра, истины и красоты, посредством которой Ф. Достоевским и В. Соловьёвым решался вопрос о Пушкине – пророке и жреце «чистой красоты».

В статье К. Леонтьева *В. Соловьёв против Н. Данилевского* учение Соловьёва прямо возводится к идеалам Достоевского. Их общность, с его точки зрения, проявляется в тезисах о невозможности гармонии социальной, и необходимости гармонии внутренней. Но для критика важна не только «эстетическая упоенность жизнью» (В. Соловьёв), но и религиозный ужас гибели. «У К. Леонтьева, – писал Н. Бердяев, – в отличие от Соловьёва и Достоевского, со страха начался духовный кризис»²². С. Булгаков вообще считает мотив страха ведущим мотивом отношения К. Леонтьева к себе и миру. «Роковой, метафизический испуг толкает его на борьбу за спасение культуры, родины, собственной жизни, поэтому и религия, и политика, и социология у него пронизаны страхом»²³. Весьма категоричен С. Франк: «Бог есть для него (К. Леонтьева. – Н. Р.) только грозный властитель и мстительный судья, а практическое значение религиозности сводится к жёсткому аскетизму, к душевной борьбе и принудительному истреблению всех естественных побуждений»²⁴.

Однако, следует заметить, что страх смерти «проснулся» в Леонтьеве как сигнал «высшего спасения, спасения души». Поэтому в творчестве А. Пушкина он, в отличие от В. Соловьёва и Ф. Достоевского, ищет спасение для собственной души и находит его в мотиве уединённости. Тут же возникает ассоциация с «чугунной куклой» из онегинского кабинета «с руками, сжатыми крестом»²⁵, Раскольниковым, который углубился в себя и уединился от всех, Алеко, который «для себя лишь хочет воли»:

²¹ В.В. Розанов, *Теория исторического прогресса и упадка*, «Русский вестник» 1892, № 3, с. 219.

²² Н.А. Бердяев, *Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли*, Париж 1926, с. 94.

²³ С. Булгаков, *Тихие думы...*, с. 118.

²⁴ С.Л. Франк, *Философия и жизнь...*, с. 65.

²⁵ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: в 10 т.*, Москва 1957, т. 5, с. 148.

Все предрассудки истребя
Мы почитаем всех нулями
А единицами себя.²⁶

Как известно, уединённое сознание – это значимое духовное явление. Его границы определяют: во-первых, монологизм «сумрачно замкнутого круга уединённой мысли, конструирующий свою собственную субъективную картину мира»²⁷. Такое сознание мыслит и другую личность не как партнёра по диалогу, не как иную субъективность, но как объект, как несамостоятельный компонент оригинального и самовольного миропорядка. Во-вторых, это демоническое самоутверждение субъекта; демоническое, постольку, поскольку предполагает дух отрицания, дух сомнения по отношению ко всему объективному и оборачивается, в конечном итоге, отрицанием жизни, как неподвластному субъекту бытия действительного мира. Однако К. Леонтьев не учёл, что позиция «уединённого сознания» по Пушкину безжизненна, она не позволяет благополучно миновать лиминальную фазу испытания смертью и преобразиться для новой жизни. Трагизм духовной маргинальности, отрешённости от жизни «подпольных» персонажей героев Достоевского также безжизненен. Для самого К. Леонтьева страх смерти после уединения и есть начало подлинной веры. Ее смысл в смирении ума, презрительно относящегося не к себе одному, но и ко всем другим, страх перед именем Божиим, затем вера и любовь, как награда за веру и страх, и особый дар благодати.

Открытие проблемы уединённости характерно для К. Леонтьева ещё и потому, что «сознание пустыни и трансцендентного непоправимого одиночества слышна во всём, что ни писал К. Леонтьев»²⁸.

Вместе с тем, заметим, что Пушкину свойственно превращение уединённого сознания в сознание изображённое (В. Тюпа). Евгений и Татьяна, возможно, два варианта уединённости (об этом писал ещё Ап. Григорьев). Вследствие столкновения и взаимодействия этих субъективных миров, их жизненные позиции претерпевают кризис (для героини «все были жребии равны»), для Онегина выходом из кризиса намечается обретение «своего другого», выливающееся в форму неожиданной влюблённости. Для Татьяны – это поворот вспять к ценностям авторитарного самоопределения. Кризис уединённого сознания – это открытие «другого» в качестве полноправного субъекта жизни. Есть у Пушкина и открытие самоценной инаковости «другого», путь от уединённого (монологизированного) «Я-сознания» к конвергентному (диалогизированному) «Ты-сознанию». Скажем, конвергентной ментальностью наделён, в частности, пушкинский Моцарт, воспринимаемый Сальери как некий херувим, явившийся, как и Сальери, субъектом уединённого сознания, чтобы «возмутить бескрылое желанье» высшей духовности. Его менталитет особый, его «я» не мыслит себя вне соотнесённости с «ты». Жизненная норма для Моцарта – причастность к какой-либо человеческой связи (с красоткой или с другом – хоть с тобой), Моцарт всегда больше себя, хоть «сам того не

²⁶ Там же, т. 3, с. 152.

²⁷ М. Столяров, *Могилы Пушкина*, «Россия (Новая Россия)» 1924, № 2 [13], с. 71.

²⁸ В.А. Грифцов, *Судьба К.Н. Леонтьева...*, с. 21.

знает». Сальери же, в уединённости своего сознания, опредмечивающий чужую личность не умеет духовно обогащаться причастностью к жизни другого («Что пользы, если Моцарт будет жив...»).

Прямым продолжателем пушкинской ментальности явился, с точки зрения К. Леонтьева, Ф. Достоевский. К. Леонтьев на интуитивном уровне ощутил, что Соня Мармеладова, Алёша Карамазов, князь Мышкин созданы как субъекты конвергентного сознания. Леонтьев ссылается на эпилог в *Преступлении и наказании*: «сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого»²⁹. Так, по сути, К. Леонтьев предваряет современную концепцию, согласно которой творчество А. Пушкина и Ф. Достоевского – это «культура нераздельности и неслиянности личностных миров» (М. Бахтин), связанных диалогическими отношениями подлинной соборности (в соловьёвском её понимании).

Думается, эти идеи применимы не только к А. Пушкину, но и к Ф. Достоевскому, Л. Толстому. Парадоксальные суждения К. Леонтьева стали своеобразными пророчествами в современной гуманитарной мысли и требуют своего дальнейшего осмысления.

Литература

- Бердяев Н.А., *Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли*, Париж 1926.
- Булгаков С., *Тихие думы*, Москва 1918.
- Грифцов В.А., *Судьба К. Н. Леонтьева*, «Русская мысль» 1913, № 2, с. 15–25.
- Достоевский Ф.М., *Полное собрание сочинений: в 30 т.*, Ленинград 1980.
- Зеньковский В.И., *История русской философии: в 2 т.*, т. 2, Ленинград 1996.
- Леонтьев К.Н., *Собрание сочинений: в 9 т.*, Санкт-Петербург 1913.
- Леонтьев К., *Отшельничество, монастырь и мир. Их сущность и взаимная связь*, Москва 1892.
- Неизданные письма В.В. Розанова к К.Н. Леонтьеву*, «Литературная учёба» 1989, № 6, с. 110–126.
- Пушкин А.С., *Полное собрание сочинений: в 10 т.*, Москва 1957.
- Розанов В.В., *Теория исторического прогресса и упадка*, «Русский вестник» 1892, № 3, с. 218–261.
- Соловьёв В.С., *Философия искусства и литературная критика*, Москва 1990.
- Столяров М., *Могила Пушкина*, «Россия (Новая Россия)» 1924, № 2 [13], с. 149–170.
- Флоровский П., *Пути русского богословия*, Париж 1983.
- Франк С.Л., *Философия и жизнь*, Санкт-Петербург 1910.

Модель критической рефлексии Константина Леонтьева

Резюме

Статья посвящена проблеме эстетизма в русской литературе конца XIX – начала XX века. Рассматривается парадоксальность эстетической системы К. Леонтьева, которая была связана с неприятием эгалитарного мира, его нравственных постулатов.

²⁹ Ф.М. Достоевский, *Полн. собр. соч. в 30 т.*, Ленинград 1980, т. 5, с. 473.

Предметом художественных и философских изысканий К. Леонтьева становится «поэзия», живописность «земного бытия», постигаемая в соотношении внутреннего закона бытия с эмпирическим. Творческий процесс для К. Леонтьева – это стремление к четкому воплощению главной эстетической идеи, которой подчиняется весь изображаемый художником мир.

Ключевые слова: эстетизм, литературная критика, критическая рефлексия, автор, парадоксальность, гармония.

Model of Critical Reflection of Konstantin Leontyev

Abstract

The article is devoted to the problem of estheticism in Russian literature of the end of XIX – the beginning of the XX century. The paradoxical of esthetic system of K. Leontyev which was reflected in his concept of the Russian literature is considered. The paradoxical of K. Leontyev's concept was directly connected with rejection of the egalitarian world, its moral postulates. The "poetry", picturesqueness of "terrestrial life" comprehended in the ratio the internal law of life with empirical becomes a subject of its art and philosophical researches. Creative process for K. Leontyev is an aspiration to an accurate embodiment of the main esthetic idea to which all world represented by the artist is submitted. K. Leontyev in the analysis of works directly addressed to consideration of poetics' questions. Due to the poetic vision K. Leontyev learnt a problem of "point of view" with the help of which the author leads a story. Thus, absolutization of the esthetic allowed K. Leontyev to expect searches of modernist criticism to the XIX–XX centuries.

Key words: aestheticism, literary criticism, critical reflection, author, paradoxicality, harmony.

Нина Раковская

кандидат филологических наук, доцент.

Зав. кафедрой мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Nina Rakovskaya

Ph.D of philological sciences,

The chair holder of world literature department of the

Odessa I.I. Mechnikov National University

+380506514032

Нургали Сыздыкбаев

Этико-философские воззрения

Чингиза Айтматова

в призме мифопоэтики

В русской литературе второй половины XX века произошли глобальные изменения, определившие эволюцию философских, этических и эстетических систем. Историко-эстетический процесс этого периода отражает не только переломную эпоху в развитии страны, но и изменения в личностном сознании человека. В русскую литературу приходит ряд писателей, не русских по национальности, но пишущих на русском языке. Их творчество отражает происходящие в обществе перемены, вбирая в себя весь спектр духовно-философских и этических проблем, поднимающихся над бытовым, узко социальным, ориентированных на постижение «вечных» проблем бытия. И именно эти «вечные» этические законы бытия становятся основой нравственного развития общества. Учёные не раз отмечали, что мощь и богатство страны определяются не богатством природных ископаемых, а высокой культурой и духовностью. Особый интерес вызывает творчество таких писателей, как Ч. Айтматов, В. Санги, О. Сулейменов, Т. Пулатов, А. Ким и др. В их творчестве синтезированы не только разные этико-философские, религиозные и эстетические идеи и концепции, но и противоречивые методы и стили.

Особое место в этом ряду занимает Чингиз Айтматов, в творчестве которого национальная история и традиции сосуществуют с инонациональной литературной системой, что, по определению П. Мирза-Ахмедовой, является признаком его «билитературности»¹. «...В литературе существуют только единичные, уникальные произведения. Каждое произведение – уникальное событие. Оно случается однажды»². Произведения Айтматова – это «уникальное событие» не только в национальной, но и в мировой культуре мысли. Жан-Поль Сартр, рассуждая о творце художественного произведения, утверждает: «Писатель, обращая свои взоры к «вечному», в то же время должен принять активное участие в современной жизни, сказать своё слово лю-

¹ П.М. Мирза-Ахмедова, *Проблема билитературности и двойной литературной принадлежности в межлитературном процессе*, [в:] *Особые межлитературные общности* – 5, Ташкент 1993, с. 84.

² О. Вайнштейн, *Интервью с Жаком Деррида*, «Arbor Mundi. Мировое древо», The World Tree, с. 74.

дям»³. Известно, что Айтматов активно совмещал творчество с общественной деятельностью. Он вёл огромную работу по сохранению уникальной жемчужины Центральной Азии – озера Иссык-Куль, являлся чрезвычайным и полномочным послом, председателем Ассамблеи культур народов Центральной Азии. Айтматов-писатель принадлежит не только культуре своего времени и своего народа, но и мировой культуре – и в этом значимость и актуальность его творчества.

Цель данной статьи – выявить авторское своеобразие этико-философских воззрений в творчестве Чингиза Айтматова.

Судьба художника отражает судьбу народа, как и литературный процесс, отражает ситуацию в обществе. Несмотря на всю противоречивость и изменчивость общественной жизни, неоднозначность литературного процесса, Айтматов прочно вошёл в литературу XX века как большой писатель со своим идейно-художественным комплексом, этико-философским кодексом, своеобразным стилем. Для постижения философской основы айтматовской прозы нужно вникнуть в художественный мир его произведений. Художественный и философский синтез, составляющий суть поиска философско-нравственных основ общества, чувствуется в произведениях писателя на всех уровнях. Выражая этико-художественные идеи через эстетические формы, автор выводит эти идеи на философский уровень постижения.

Художественный метод Айтматова – реалистический, но с целым рядом условных элементов, метод, характерный для мировой литературы XX в. Стилевая разнородность свидетельствует о сознательности синтетического использования всех возможных современных форм и приёмов художественного изображения бытия человека для выражения чёткой авторской позиции. Тенденция к синтезу разных художественных систем – особенность развития современного литературного процесса, которая проявляется в прозе Айтматова на жанровом, сюжетном, идейно-тематическом уровнях.

Обращение к условным художественным приёмам было свойственно не только литературам СССР, но и мировой литературе в целом. Так, немецкий литературовед Х. Плавиус отмечал, что «в последнее время проза охотно прибегает к использованию легенд и сказок, к ситуации «как будто», широко применяя игровые элементы, символы, параболы»⁴. Эти «как будто» нужны прежде всего для того, чтобы показать людям, что ждёт впереди человечество, если оно будет необдуманно поступать и принимать необоснованные, скоропалительные решения.

Этические реалии рассматриваются и трактуются писателем сквозь призму глобальных категорий добра и зла, связанных с религиозными и культурными традициями как Запада, так и Востока. В центре внимания находится внутренний мир индивида и его способность творить добро или зло в мире, где властвует неравноценность этих понятий.

В одном из своих выступлений Чингиз Айтматов сказал: «Большая для меня проблема – человеческая доброта, которая, к несчастью, убывает. Мы

³ Ж.П. Сартр, *Эпоха, лишённая морали* [электронный ресурс] [в:] *Жан-Поль Сартр, публикации в сети*. Web-мастер В. Андрияшин 2004, <http://sartre.hpsy.ru>.

⁴ Х. Плавиус, *Человек и мир. Семидесятые*, «Новый мир» 1977, № 12, с. 252.

должны искать путь добра. Для этого очень полезно обратиться к общечеловеческому опыту, и христианская мораль здесь – один из самых авторитетных и благотворных источников»⁵. Сейчас как никогда мы должны обращаться к духовным традициям не только своей литературы и культуры, но и мировой, находить в них нравственные идеалы и ценности, которые способствовали бы расцвету личности, моральному самосовершенствованию индивида, очищению общества от накопившихся «грязных пятен». Следует стремиться не только к восстановлению, но и к умножению совести, чести, добра в обществе. Обращение современной художественной мысли к этим проблемам часто обретает форму притчи, обладающей как широчайшими возможностями философского обобщения изображаемой действительности, так и способностью достигать воспитательных целей.

Притчевость прозы Айтматова является не только качеством стиля. Она получает оформление как отдельный структурный элемент текста. Выполняя дидактическую роль, притча оказывается средоточием нравственно-философской проблематики и средством воплощения художественной авторской идеи, выводящей нас к общечеловеческим проблемам бытия. В подобных ситуациях очень часто обнаруживается параболизм притчи. Суть этого смыслового явления, по мнению А.А. Потебни, заключается в том, что «повествование удаляется от современного автору мира, иногда вообще от конкретного времени, конкретной обстановки, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается к оставленному предмету и даёт его философско-этическое осмысление и оценку»⁶, то есть усиливает философское звучание произведения, укрупняет его художественную идею.

Параболичность, присущая прозе Айтматова, порождает символический ракурс текста, причём символика существует в тесном переплетении с реальностью (реалистическая объективность изображения образов, судеб, пространственных и временных отношений). Парабола способствует интеллектуализации всех значительных тем современной прозы и, в первую очередь, темы «человек и действительность». Другим способом придания свойства притчевости современному эпическому произведению является насыщение текста стилевыми чертами притчи, но без выделения её в самостоятельный конструктивный элемент.

Использование архаических мифов в их современной интерпретации, воссоздание мифологического образа в качестве метафоры современности и обращение к мифу как эстетическому средству выражения художественной действительности – вот то новое, что внёс Айтматов в поэтику мифа. Проведённый нами анализ показывает, что в творчестве Айтматова миф и притча сосуществуют (например, миф о Матери-оленихе, притча о Филофее).

В пересказе мифа о Рогатой матери-оленихе (повесть *Белый пароход*)⁷ (2, 185–186), автор освобождает этот образ от ореола сказочности, превращая

⁵ Ч. Айтматов, *Собрание сочинений*: в 7 т., Москва 1998, с. 450.

⁶ А.А. Потебня, *Мысль и язык. Представление, суждение, понятие*, http://genhis.philol.msu.ru/printer_157.shtml.

⁷ Ч. Айтматов, *Собрание сочинений*: в 2 т., Москва 1998, с. 185–186. В дальнейшем ссылки на произведения Ч. Айтматова даются по этому источнику с указанием в скобках тома и страниц.

его в особый способ эстетизации и поэтизации, приближая его ко времени повествования, описания маралов, что позволяет сдвигать события из мифологизированного прошлого в реальное настоящее, соединяя эстетическое, нравственно-этическое и собственно реалистическое начало. Мать-олениха – и реальный прекрасный зверь, и символ природы, и символ родоначальницы человеческого рода. Совмещение подобного рода в одном образе позволяет создавать многомерный текст, в котором происходит органическое слияние тем «человек и природа», духовно-нравственные аспекты проблемы «человек-человек». Именно поэтому в айтматовских произведениях мотивы варварского отношения к природе закономерно трансформируются в мотивы духовно-нравственной деградации человека, предательства человеком своей гуманистической сути. Неразрывная связь этих мотивов чётко явлена в рассказе о том, как свершилось трагическое пророчество Рябой Хромой Старухи: люди забудут своё происхождение от матери-природы, а наивная вера Матери-Оленихи в то, что усыновлённые ею дети не будут убивать оленят, т. е. не станут губить своих братьев и сестёр, оказывается поруганной и разрушенной. Люди, привыкшие убивать своих человеческих братьев и сестёр, тем более не остановятся перед убийством названных братьев и сестёр.

Этическая значимость образа Рогатой матери-оленихи в том, что, выходя из мифологического пространства, он соединяет нас с современной реальностью, определяя этические точки отсчёта не только во взаимоотношениях героев настоящего и прошлого, но и в поведении и мышлении современного человека.

В идейно-художественной системе повести особая роль принадлежит образу Момуна, выписанному писателем любовно и подробно. Ч. Айтматов рисует Момуна как человека редкой души. Доброта этого героя, его неизменная приветливость и готовность помочь любому никем и никогда не ценились, «как не ценилось бы золото, если бы вдруг его стали раздавать бесплатно. Никто не относился к Момуну с тем уважением, каким пользуются люди его возраста (2, 185–186). И старый и малый были с ним на «ты», над ним можно было подшутить – старик безобидный, с ним можно было и не считаться – старик безотказный. Не зря говорят, люди не прощают тому, кто не умеет заставить уважать себя» (2, 185–186). Простодушие, безотказность и доброта приводят к тому, что Момуна «используют» «все». Отсюда трагичность этого характера, униженность и подчинённость грубой хамской власти Орозкула, сущность которого старик понимает удивительно точно.

Разрушение нравственно сберегающей энергии древнего мифа происходит в самом его сердце – в сознании и жизни хранителя живых заветов предков. Изощёрённость провокационного поступка Сейдахмата – это тотальная победа зла. Крушение идеала, так долго хранимого, происходит на самом главном «направлении» человеческого существования: пытаюсь защитить дочь и внука от последствий доноса, старый Момун своими руками убивает не только марала, но и ту великую веру в доброту и красоту мира, которую он воспитал в мальчишке и которая одна способна сохранить духовное здоровье народа. Неизбежность и трагичность невольного предательства Момуна диктуется страхом и отчаянием. Страх и отчаяние старого захлестывают

и младшего, придумавшего и рассказавшего портфелью свою удивительную сказку. Невообразимая, невысказанная по своей жестокости и несправедливости действительность оказывается несовместимой с жизнью маленького мечтателя.

Для Айтматова именно страх лежит в основе вечного конфликта добра и зла. Если рассматривать образ Орозкула как символ зла, а образ Момуна как символ добра, то анализ психологии их взаимоотношений чётко обнаруживает причину победы зла – это страх, вечный страх, преследующий старика. Мир, в котором царствует страх, способен победить даже того, кто его преодолевает. Гибнет мальчик, мечтающий стать рыбой и уплыть в Иссык-Куль, по которому плывёт прекрасный белый пароход. В душе мальчика нет страха, но гармония его мира разрушена убийством и предательством, потому что жить оказывается невозможно.

Писатель достигает художественного синтеза исторического и этического содержания, осмысляя общечеловеческие ценности и нравственные идеалы, лежащие в основе законов бытия. Так, абсолютным Добром в понимании писателя становится служение законам, основанным на Любви к человеку и к природе как условию жизни рода людского, а абсолютным Злом – нарушение этих законов.

Главным героем повести *Пегий пёс, бегущий краем моря*, как и повести *Белый пароход*, является ребёнок, ибо чистая душа ребёнка, как уже отмечалось, является для писателя точкой отсчёта, ориентиром нравственного и духовного бытия. Сюжет повести организуется на основе двух самых важных типов мифа – этногенического и космогонического. Фактически эти две разновидности мифа составляют основу любой мифологии, поскольку они отвечают на два сверхважных вопроса, лежащих в основе любой формы познания и впервые получивших ответ именно в рамках мифологического сознания: как устроен мир, окружающий человека, какое место занимает человек в этом мироустройстве и откуда он в нём взялся. Вопрос о возникновении человека в мире тесно связан с вопросом о продолжении рода человеческого. Вот почему этногенические мифы привлекают внимание писателей – создателей неомифа.

В плане способа повествования этногенический и космогонический миф наиболее адекватное и законченное воплощение получают в эпике. Не случайно Айтматов назвал свою повесть, в которой использован миф о происхождении нивхов, мифологической поэмой. Её язык возвышен, ритмизирован, насыщен метафорикой и изысканными эпитетами: «Гудело и маялось море во тьме, набегаая и расшибаясь на утёсах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменнотвёрдая земля» (2, 418). Хотя нельзя эту повесть назвать песней в прозе в широком смысле слова, тем не менее, в финале она перерастает в эпическую песню Кирииска о *Пегом псе*.

Мифы Ч. Айтматова в *Пегом псе...* – сама реальность, и выступает автор в ней в роли эпического повествователя. Характер эпического художника слова А.Ф. Лосев определил так: «Эпический художник – это тот, сознание которого тождественно с сознанием народа на общинно-родовой ступени его истории..., причём подобное сознание выбирает и соответствующие ему

художественные формы»⁸. Присутствующие в повести мифы проявляются как мироощущение писателя. А понятию «мироощущение» как бы возвращается его буквальный смысл – «ощущение, чувствование мира как самого себя»:

А утка Лувр, да-да, та самая, обыкновенная кряква-широконоска, что по сей день проносится в стаях над нашими головами, летала в ту пору над миром одна-одинёшенька, и негде ей было снести яйцо. В целом свете не было ничего, кроме воды, даже тростиночки не было, чтобы гнездо смастерить.

С криком летала утка Лувр – боялась, не удержит, боялась, уронит яйцо в пучину бездонную. И куда бы ни отправлялась утка Лувр, куда бы ни долетала она – везде и повсюду плескались под крыльями волны, кругом лежала великая Вода – вода без берегов, без начала, без конца. Извелась утка Лувр, убедилась: в целом свете не было места, где бы устроить гнездо.

И тогда утка Лувр села на воду, надёргала перьев из своей груди и свила гнездо. Вот с того-то гнезда плавучего и начала земля образовываться (2, 419).

В повести использованы мифы нивхов, до сих пор живущие в сознании народа и многое определяющие в его культуре. Именно поэтому основную роль в понимании и истолковании идеи повести *Пегий нёс, бежущий краем моря* играют образы-символы уходящие своими корнями в эту мифологическую систему. Это не только образ утки Лувр, прародительницы всего человечества, или образ Рыбы-женщины – прародительницы живущего у моря рода Руйфингун. Это и образы основных стихий, которые в языческой культуре приравнивались к богам: Стихии Воды (море), Земли (суша) и Неба (птицы, звезды):

В непроглядной, насыщенной летучей влагой и холодом приморской ночи, на всём протяжении Охотского побережья, по всему фронту суши и моря шла вечная, неукротимая борьба двух стихий – суша препятствовала движению моря, море не уставало наступать на сушу...

И вот так они в противоборстве от сотворения – с тех пор, как день зачался днём, а ночь зачалась ночью, и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земля и вода в нескончаемом времени.

Все дни и все ночи... (2, 418).

Вечная борьба стихий, остающаяся неизменным условием Жизни и Рода, отражает целый ряд антагонистических нравственно-философских коллизий, определяющих течение и развитие жизни как отдельного человека, так и всего народа в целом. Для такого мироустройства абсолютно закономерно, что доминирующее значение в системе образов придаётся образу старика Органа (старость, закат жизни, ощущение приближения смерти) и образу мальчика Кириска (юность, начало жизни, надежда).

А чтобы трагическая судьба одного человека не стала трагедией рода, существует еще одна стихия – Небо, символизирующее ту Высшую Судьбу, которая и определяет Закон жизни, регулирующий борьбу всех других

⁸ А.Ф. Лосев, *Гомер*, Москва 1960, с. 51.

стихий. Поэтому так важен праздник, на котором шаман определит Звезду-охранительницу для Кириска:

Да-да, о нём будет говорить шаман с Землей и Водой, заклинать станет и просить, чтобы всегда добры были к нему Земля и Вода...

...И на празднике том для Кириска состоится ещё одно важное действо. Судьбу его охотничью неистово пляшущий шаман поручит одной из звёзд в небе. Ведь у каждого охотника есть своя звезда-охранительница. А какой звезде будет поручена его, Кириска, судьба, об этом никто никогда не узнает (2, 425–426).

Но праздник этот может состояться лишь после охоты, которая, по сути, есть испытание на границе Стихий: человек должен сначала испытать свою судьбу, доказав ей своё право на существование, и только тогда она будет его хранительницей, только тогда он будет иметь право на продолжение своё и своего рода: «И ещё заклинать и просить станет он, шаман многомудрый, чтобы дети народились у Кириска и все выжили, чтобы род Великой Рыбы-женщины умножался, и потомки к потомкам прибавлялись» (2, 425).

В этой повести Айтматова впервые появляется тема Судьбы-неба как условия продолжения жизни рода (помимо внутренних личностных законов), которая станет впоследствии основой общечеловеческой направленности в философии писателя.

Мифологическая природа сюжета и стиля повести неотделима в *Пегом псе...* от реальности происходящего, от психологичности описания внутренне-го состояния героев, от их поступков. Придаваемая притчевостью условность не становится абстрактной и отвлечённой, а наоборот, высвечивает истинную философскую суть, обнаруживает этическую направленность происходящего. Эта тесная взаимообусловленность этического и философского и позволяет говорить о полифоничности айтматовских повестей вообще. В повести о взрослении Кириска исследуется также целый ряд нравственно-философских проблем: добра, свободы, памяти, предательства, чести и др., образующих свою этическую систему. И огромную роль в этом играет миф, который, являясь идейным центром повести, определяет её содержательную и стилистическую целостность.

Таким образом, Слово как слагаемое картины мира по своей «естественной» сути отражает неразрывную связь Человека с Людьми и Человека со всеми Другими Мирами, соединяет в себе черты и мифологемы целостного мифопоэтического концепта как в традиционной мифологии (особенно в мифах, соотносимых с мировыми религиями), так и в художественном мифологизированном мышлении писателей XX века. Тем более, что тема магии Слова составляет одну из тем мировой литературы и мирового искусства в целом и не ограничивается рамками какого-то одного эстетического направления.

В конце XX века наиболее значимыми для творческого осмысления становятся проблемы этико-философского и эстетического содержания, что вполне закономерно в эпоху кризисов и переломов. Пытаясь объяснить и понять суть проблем бытия и человека, искусства и творца, писатели более углублённо исследуют этические и эстетические категории.

Творчество Ч. Айтматова представляет собой целостную систему, в основе которой лежат этико-философские, эстетические взгляды, формирующие представление о правильном и разумном устройстве мира. Для решения этико-философских и эстетических проблем писатель обращается к условным художественным приёмам. В творчестве Чингиза Айтматова развивается тема, которая является связующим звеном всех его произведений – продолжения человеческого рода, взаимосвязи личности и окружающей действительности. Она включает в себя весь спектр айтматовских этико-философских идей: памяти, смысла добра, истинной любви и др. Ощущение конфликтности и дисгармоничности мира позволило писателю определить принцип рассмотрения этих проблем и тем, антиномичное их анализирование: любовь – ненависть, жизнь – смерть, добро – зло, память – забвение. Но айтматовские антиномии не разъединяют эти понятия, а напротив – объединяют в единой попытке постичь Истину. Писатель анализирует разные свойства и состояние одной проблемы в стремлении дать ответ. Однако это не готовое решение, а лишь ответ-«предупреждение».

Литература

- Вайнштейн О., *Интервью с Жаком Деррида*, «Arbor Mundi. Мировое древо», The World Tree.
- Мирза-Ахмедова П.М., *Проблема билитературности и двойной литературной принадлежности в межлитературном процессе*, [в:] *Особые межлитературные общности – 5*, Ташкент 1993.
- Сартр Ж.П., *Эпоха, лишённая морали* [электронный ресурс] [в:] *Жан-Поль Сартр, публикации в сети*. Web-мастер Владислав Андриюшин 2004, <http://sartre.hpsy.ru>.
- Плавиус Х., *Человек и мир. Семидесятые годы*, «Новый мир» 1977, № 12.
- Айтматов Ч., *Собрание сочинений*: в 7 т., Москва 1998.
- Потебня А.А., *Мысль и язык. Представление, суждение, понятие*. [Электронный ресурс], http://genhis.philol.msu.ru/printer_157.shtml.
- Айтматов Ч. *Собрание сочинений*: в 2 т., Москва 1998.
- Лосев А.Ф., *Гомер*, Москва 1960.

Этико-философские воззрения Чингиза Айтматова в призме мифопоэтики

Резюме

Цель статьи – выявить авторское своеобразие этико-философских воззрений Чингиза Айтматова на материале его повестей *Белый пароход* и *Пегий пёс, бегущий краем моря*. Этико-философские воззрения Айтматова рассматриваются и анализируются сквозь призму философских категорий добра и зла, связанных с религиозными и культурными традициями человечества. Для решения поставленной задачи исследованы условные художественные приёмы, которые нашли отражение в произведениях писателя. Выводы: творчество Ч. Айтматова представляет собой целостную систему, в основе которой лежат этико-философские взгляды, формирующие представление о правильном и разумном устройстве мира. Связующим звеном всех произведений Айтматова являются темы продолжения человеческого рода и взаимосвязи личности

с окружающей действительностью. Они передают весь спектр этико-философских идей писателя: Ощущение конфликтности и дисгармоничности мира позволило писателю определить принципы рассмотрения проблем памяти и забвения, добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти. У Айтматова эти антиномии не разъединяют, а объединяют в единой попытке постичь Истину. Ответ писателя – это не готовое решение, предупреждение.

Ключевые слова: этика, философия, мировоззрение, миф, притча, проблемы бытия, эстетика, нравственность, Айтматов.

Chingiz Aitmatov's Ethical and Philosophical View Sin the Realm of Mytho-poetics

Abstract

The purpose of the article is to identify the originality of the author's ethical and philosophical views of Chingiz Aitmatov on the material of his novels "The White Ship" (*Bielyj parokhod*) and "Piebald dog running along sea edge" (*Piegij pios, biepushchij krajem moria*). Aitmatov's ethic-philosophical views are examined and analysed in the article through the prism of philosophical categories of good and evil, related to religious and cultural traditions of humanity. The conditional artistic receptions are investigated for the task solution, which have been found reflection in works of writer. Conclusion: the creativity of Aitmatov is a holistic system based on ethical and philosophical views that form an idea of the correct and rational structure of the world. The themes of continuation of the human species and the relationship of the individual with the surrounding reality are the link of all Aitmatov's works. They convey the whole range of ethical and philosophical ideas of the writer. The feeling of conflict and disharmony of the world has allowed the writer to determine the principles of consideration of memory and oblivion, of good and evil, of love and hate, of life and death. These antinomies not divide but unite in a single attempt to comprehend the truth. The writer does not provide ready-made solution, but warns.

Key words: ethics, philosophy, world outlook, myth, parable, the problem being, aesthetics, morality, Aitmatov.

Нурғали Сыздықбаев

кандидат филологических наук

доцент кафедры казахского языка и литературы

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами

Nurgali Syzdykbaev,

Ph.D. (Literature)

Associate Professor of the Kazakh language and literature department

Tashkent State Pedagogical Nizami University

e-mail: siznur@mail.ru

+998909268961

Светлана Фокина

Идентификация авторства в сетературе.

К вопросу о диалоге дискурсов

в рамках лирического текста

Развитие сетературы привлекательно для исследования не только как яркий показатель современной культуры, но и в связи с проблемами зарождения нового вида литературной мистификации и соответственно необходимостью определения авторства текстов. Проблема мистификаций на сегодняшнем этапе литературного процесса получает новый виток в связи с развитием информационных технологий и явного влияния Интернет-пространства на сознание человека. Как справедливо отмечено в ряде статей научного сборника с показательным названием *Влияние Интернета на сознание и структуру знания* и наиболее точно обозначено в исследовании И.Ю. Алексеевой, «глобальная сеть Интернет-символ рубежа XX и XXI столетий»¹. Действительно, Web-сеть – фактор модифицирующий прежние культурные модели коммуникации, познания, самоопределения. В данном плане привлекает внимание утверждение О.В. Новожиной касательно того, что Всемирная паутина как «способ хранения и передачи информации входит в структуру современной культуры в качестве важнейшего ее элемента»². Сопричастность человечества киберкультуре в той или иной степени несомненна, что ставит данный феномен в один ряд с доминантным и эпистемами конца XX – начала XXI века.

Интернет-пространство, отличаясь принципиальной общедоступностью, неизменно воздействует на пользователя, «подчиняющегося логике сети, которая не только удовлетворяет имеющиеся у него информационные потребности, интересы, вкусы, но и формирует их»³. Особую остроту для современной культуры приобретает погруженность человеческого сознания в online среду. Взаимодействие с интерактивными технологиями претерпевают также литературные поиски и эксперименты. Интернет часто становится платформой как для определения начинающим художником слова писательского статуса, так и может способствовать популяризации творчества и за-

¹ И.Ю. Алексеева, *Интернет и проблема субъекта*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 24.

² О.В. Новожинова, *Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 199.

³ И.Ю. Алексеева, *Интернет и проблема субъекта...*, с. 27.

воевания более широкой аудитории актуальными современными авторами. Подобная ситуация касается общедоступности и включенности в киберкультуру классики.

Web-универсум по своей природе способствует не только виртуализации современной реальности, но и манипуляциям с сознанием пользователей, а также созданию разнообразных мистификаций. Новый вид литературной мистификации, осуществляемой непосредственно в Интернет-пространстве, по сути, порожденный спецификой Всемирной паутины, представляет интерес для научного изучения. По наблюдению О.В. Новожиной, «человек в Сети изначально анонимен, в чатах же эта анонимность культивируется – подавляющее большинство посетителей используют „ники“...»⁴, что позволяет дистанцироваться «от своего реального „Я“»⁵. Такая игровая позиция, соответствующая своеобразным правилам Сети, роднит выбор пользовательского псевдонима – «ника» со стратегиями, присущими литературным мистификациям.

В *Литературной энциклопедии терминов и понятий* под редакцией А.Н. Николюкина литературная мистификация определяется как «текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному»⁶. Для мистификатора временное приписывание своих произведений личности «другого» становится «удобной формой как для эксперимента в области стиля, так и для наследования стилевой традиции»⁷. Аналогичные семиотические механизмы можно проследить при выборе Интернет-пользователем «ника», отражающего «внутренний психологический настрой, [...] его представление о мире и себе, выраженное в краткой формуле»⁸. Таким образом, включение любого человека в Интернет-пространство с принятием его игрового поведенческого кодекса в определенной степени подобно семиотике мистификации.

Актуальность эстетической роли различных мистификаций стимулируется в определенные культурные эпохи: барокко, романтизм, модернизм, постмодернизм с «присущим этим эпохам ощущением мира как языкового творчества»⁹. С точки зрения Марии Галимской, исследовавшей феномен Черубины де Габриак, «создание мистификации каким-то образом всегда связано с взглядами определенного времени»¹⁰. Более того, польская исследовательница уверена, что «каждая мистификация, раскрытая или нет, несомненно представляет собой научную ценность [...] как литературное достояние эпохи»¹¹. В данном контексте весьма приоритетным представляется изучение

⁴ О.В. Новожинова, *Интернет как новая реальность...*, с. 206.

⁵ Там же, с. 207.

⁶ И.Л. Попова, *Мистификация литературная*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, под ред. А.Н. Николюкина, Москва 2001, с. 553.

⁷ Там же, с. 553.

⁸ О.В. Новожинова, *Интернет как новая реальность...*, с. 208.

⁹ И.Л. Попова, *Мистификация литературная...*, с. 555.

¹⁰ М. Галимска, *Мистификация как литературное явление (Черубина де Габриак)*, „Polilog. Studia Neofilologiczne“ 2013, nr 3, с. 74.

¹¹ Там же, с. 74.

современных литературных мистификаций, осуществленных в рамках сетевой культуры средствами Web-сети.

Интернет обладает весьма широким спектром возможностей для осуществления самых разнообразных авторских стратегий, а также мистификаций. Практически любой человек может создать свой сайт, участвовать в самых разных чатах и уже существующих информационных ресурсах. В рамках соцсетей публикуются тексты под именем автора, под псевдонимом или же приписываются другому лицу, связанному с литературным миром. Но для удачной мистификации в текстах, выложенных во Всемирной паутине, должны быть проявлены коды стилизации, скрытые или же модифицированные цитаты и другие приметы диалога с автором, избранным в качестве своеобразной литературной маски мистификатора.

Как известно, цитата представляется минимальным проявлением «чужого слова» и своего рода осколком ее породившего авторского сознания в новом произведении, созданном другим художником. По замечанию французской исследовательницы Н. Пьеге-Гро, «цитату с полным правом можно назвать эмблематической формой интертекстуальности, поскольку она позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой»¹². Но цитата проявляется в тексте не всегда идентично своему изначальному звучанию и может претерпевать трансформации и переосмысления. Использование конкретной авторской эмблематики и элементов чужой художественной идеологии также соотносимо с фактором цитации. В вышеописанном качестве цитата сближается с аллюзией – косвенной отсылкой «к литературным текстам, которая особым образом заставляет работать память читателя»¹³. Литературоведческая мысль, определяя особый характер такого рода цитации, выработала понятие «забытая цитата». По слову З. Минц, развивающей идеи Р. Тименчика, «забытая цитата» – информативный поэтический феномен довольно редкий и «отличающийся крайней нестабильностью, зыбкостью и потому трудно описываемый»¹⁴. Более того, «забытая цитата» неизменно активизирует игровые стратегии, вне зависимости от ее сознательного или же невольного искажения, «ее художественная „игра“ продолжается и после узнавания в ней „чужого слова“ – необходимо почувствовать особенность этого слова; необходимо равно ощутить и „цитатность“, и „забытость“ его»¹⁵. Разгадывание подобных «забытых цитат» становится ключом к пониманию своеобразия диалога между двумя поэтами. Ведь «чужое слово» неизменно вносит коды сознания той личности, которой в акте литературной мистификации приписывается авторство произведения, выложенного в Web-сети.

При исследовании смыслопорождающего потенциала как сетевой культуры, так нового вида литературной мистификации особенно интересны для определения подлинного авторства именно лирические тексты, известные благодаря деятельности многочисленных сайтов и соцсетей. В данном плане

¹² Н. Пьеге-Гро, *Введение в теорию интертекстуальности*, пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова, Москва 2008, с. 84.

¹³ Там же, с. 92.

¹⁴ З.Г. Минц, «*Забытая цитата*» в поэтике русского постсимволизма, [в:] *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург 2004, с. 327.

¹⁵ Там же, с. 327.

показательно, что on-line среда подходит для осуществления мистификаций особенно в случае включения цитат в ткань произведения как возможность диалога между двумя поэтами. Более того, механизм выяснение того, кто именно является автором анализируемого поэтического текста, способствует осмыслению факторов, благоприятствующим удаче литературной мистификации.

К такому виду мистификаций в сетературе можно отнести «павичевское» стихотворение *Есть люди с особо чувствительной кожей...*

Есть люди с особо чувствительной кожей –
их лучше не трогать. Они не похожи
на всех остальных. Они носят перчатки,
скрывая на коже следы-отпечатки
лилового цвета от чьих-нибудь пальцев,
бесцеремонных в иной ситуации.
Они опасаются солнца в зените.
Обычно, надев толстый вязаный свитер,
выходят из дома по лунной дорожке
пройтись; и не любят, когда понарошку,
когда просто так, не всерьез, не надолго.
Болезненно чувствуют взгляды-иголки
и крошево слов. Они прячут обиду
в глубины глубин, но по внешнему виду
спокойны они, как застывшая глина,
лишь губы поджаты и паузы длинные.
Они уязвимы, они интересны;
и будьте чутки и внимательны, если
вы их приручили: они не похожи
на всех остальных – они чувствуют кожей.

Долгое время Интернет неизменно приписывал выше процитированный текст Милораду Павичу, который действительно начал свою карьеру в качестве художника слова с издания нескольких поэтических сборников. Но разговор о стихотворении Милорада Павича *Есть люди с особо чувствительной кожей...* следует начать с того, что необходимо подчеркнуть – автор этого произведения не М. Павич. Вернее, М. Павич автор образа-метафоры «чувствительная кожа», породившего развернутую лирическую интерпретацию Елены Рыжовой. Но, пожалуй, известность в on-line пространстве стихотворению принесла эта невольная ошибка, или же запланированная мистификация. История вышла в духе творчества самого М. Павича, укрепив этим фактом диалог между двумя поэтами. Кроме того, не будь стихотворение приписано выдающемуся сербскому писателю, возможно, оно привлекло бы к себе меньше внимания и читательского интереса. Диалог с М. Павичем и его творчеством позволил Е. Рыжовой преодолеть доминирование женского дискурса, присутствующего ее лирическому письму, и приблизиться одновременно к необарочной и постмодернистской метафоричности слова М. Павича, оставаясь при этом верной себе как поэту и человеку в своем взгляде на мир.

Укорененность в павическую художественную систему, связанную с образом кожи, оказалась настолько сильна, что с помощью Интернет-ресурсов стало возможным осуществить новую разновидность литературной мистификации, приписать не отдельные цитаты и аллюзии, а все стихотворение М. Павичу. По-видимому, вне этой глубинной интертекстуальной преемственности, носящей как бессознательный, так, скорее всего, осознанный и даже принципиальный характер, удача Интернет-мистификации не была бы столь полной и читатели-пользователи могли изначально усомниться в приписываемом авторстве.

На официальном сайте М. Павича, показательно названного khazars.com¹⁶, в списке, включающем все произведения писателя и даже его научные труды, указаны две книги стихов: *Палимпсесты* 1967 года (*Палимпсести, песме.* – Нолит, Београд 1967) и *Лунный камень* 1971 года (*Месечев камен, песме.* – Нолит, Београд 1971). Стихотворение же *Есть люди с особо чувствительной кожей...*, столь длительный период активно Web-средствами соотносимое с павичевским творчеством, опубликовано под именем Е. Рыжовой в читальном зале электронного информационно-справочного портала library.ru – проекта, патронируемого Российской государственной библиотекой для молодежи¹⁷. Кстати, этот же портал печатает и произведения самого М. Павича, в частности *Хазарский словарь* и пьесы *Стеклянная улитка*, *Кровать для троих*, а также статьи филолога-слависта, переводчика наследия М. Павича на русский язык – Ларисы Савельевой. Таким образом, ошибочная атрибуция авторства Е. Рыжовой невозможна. Сотрудничество Л. Савельевой с вышеуказанным сайтом своего рода гарантия авторской идентичности павичевских произведений и не нарушение его писательских прав.

В «павичевском» стихотворении Е. Рыжовой доминантный образ «людей с особо чувствительной кожей» способствует диалогу с метафорами и притчами сербского писателя.

Кожа один из важных образов-метафор в творчестве М. Павича, а акцентирование ее чувствительности на уровне сюжета обретает параболличность притчи. Так в *Хазарском словаре* (1984)¹⁸ кожа фигурирует 15 раз. Центральной метафорой павичевского романа-лексикона становится образ человеческой кожи, покрытой письменами – «...на коже написанные буквы, которые потом можно было читать». В романе *Пейзаж, нарисованный чаем* (1988)¹⁹ прямое упоминание кожи повторяется 9 раз, а также косвенно, обозначая различные кожаные предметы. Причем, как правило, в вышеуказанном романе речь именно о тонкой коже: «От своего родного отца Витача унаследовала одну только «тонкую кожу», такую прозрачную, что через нее, казалось, зубы просвечивали». Так в романе-кроссворде доминирует метафора кожи – покровы потаенного человеческого мира, соотносимого как с физиологией,

¹⁶ *Официальный сербский сайт Милорада Павича*, [Электронный ресурс], <http://khazars.com>.

¹⁷ Е. Рыжова, *Есть люди с особо чувствительной кожей...* [Электронный ресурс], http://www.library.ru/lib/auth_page.php?a_uid=38.

¹⁸ М. Павич, *Хазарский словарь: роман лексикон*, пер. с серб. Л. Савельева, Санкт-Петербург 2013.

¹⁹ М. Павич, *Пейзаж, нарисованный чаем: роман кроссворд*, пер. с серб. Н. Вагапова и Р. Грецкая, Санкт-Петербург 2010.

так и с движениями души: «Монах на минуту примолк, и кожа у него на лбу задрожала, словно отгоняя мух. По сути же, он отгонял от себя мысли». Кожа также встречается и в более ранних произведениях М. Павича – в сборниках рассказов *Кони святого Марка* (1976), *Русская борзая* (1979). Характерно, что интерес сербского писателя к символике «чувствительной кожи» проявился в период его творчества, фокусирующийся на второй половине 1970-х и еще в большей мере акцентирован в 1980-е годы. Позже подобная тема и соответствующая эмблематика в павичевских текстах практически не встречается, исключением становится рассказ *Кесарево сечение*.

Следует разобраться в метафорической и символической подоплеке образа кожи для М. Павича, унаследованного стихотворением Е. Рыжовой. При этом надо учесть явный интерес М. Павича к кабалистике, различным мистическим учениям и другим культурным кодам того же порядка, что было отмечено как исследователями-павичеводами, так и проницательными читателями. В данной связи вспоминаются слова из интервью профессора факультета журналистики МГУ Натальи Микеладзе. Упомянутое интервью было посвящено осмыслению феномена М. Павича и его места в современном литературном и культурном процессах. Н. Микеладзе отмечает: «Исходя из его [М. Павича – С.Ф.] текстов, могу сказать, что он человек, в разное время явно увлекавшийся эзотерическим знанием: герметизмом, Каббалой, магией. Насколько серьезно, не берусь судить, но пишет он, в конечном счете, о любви и о слове»²⁰. Действительно, несомненен интерес сербского писателя к кабалистике, смысловой составляющей различных колдовских практик и иных тайных знаний, а главное – включение их в игровом плане в его художественный дискурс и мир.

Специфика символического потенциала павичевского образа кожи в контексте влияния магических традиций, подтверждается при обращении к сведениям из монографий, посвященных культурологическому и семиотическому изучению Каббалы, герметизма, алхимии, шаманизма. После тщательного отбора такого рода работ выбор был остановлен на исследованиях Мэнли П. Холл и Мирча Элиаде, которые среди прочих аспектов были сосредоточены также на изучении важности человеческой кожи для различных эзотерических практик.

Оба ученые в связи с заявленной проблематикой подчеркивают несомненную актуальность мифологемы неба, сотворенного из кожи. Согласно М.П. Холл, «кожа символизирует небесный свод, простирающийся повсюду и укрывающий все подобно накидке»²¹. Изложенные в научных трудах М.П. Холла наблюдения, соотносят кожу со значением покрова человеческого духа и тайных знаний. В соответствии с этим «тонкость кожи» становится индикатором способности к духовному и тайновидческому прозрению. По сведениям, приводимым М. Элиаде, в шаманических обрядах кожа проходящего инициацию до такой степени «тонкая и прозрачная [...] чувствительна, что к ней нельзя прикоснуться, чтобы не вызвать боль»²². Тонкость и чувстви-

²⁰ Н. Микеладзе, *Пейзаж, нарисованный Павичем*, [Электронный ресурс], <http://archive.taday.ru/text/224527.html>.

²¹ М.П. Холл, *Окултная анатомия. Человек – великий символ Мистерий*, пер с англ. Л. А. Маклаковой и А.П. Исаевой, Москва 2002, с. 44.

²² М. Элиаде, *Шаманизм: архаические техники экстаза*, пер с англ. К. Богуцкий, В. Трилис, Киев 2000, с. 35.

тельность кожи – показатель избранности, обладания медиальными и колдовскими способностями, данными ценной боли и чрезмерной обостренности всех ощущений.

При этом тонкая кожа, как и сенсетивность, в культуре знак не только медиума, но также признак утонченности и принадлежности к аристократии. Другим значительным аспектом сенсетивности явилось представление о том, что у чувствительных людей «нет ощущения границ своего тела»²³. По наблюдению автора *Истории меланхолии* Карин Юханнисон, «человек чувствительный» был одновременно телесен и хрупок. [...] словно бы лишенный физической оболочки, обостренно воспринимающий мир...»²⁴. Данный факт показателен совмещением духовного, эмоционального и принципиально телесного, индикатором и одновременно покровом чего становится именно «кожа».

В рассматриваемом стихотворении эмблематика чувствительности сопряжена с миром людей «бесцеремонных в иных ситуациях». Данный смысловой пласт, противоречащий доминантам художественного мира М. Павича, становится проявлением рыжовской составляющей поэтического текста.

Интерпретация поэтессой образов перчаток и «толстого вязаного свитера» с учетом влияния особенностей ее авторского сознания, маркирована коннотациями рыцарской модели, созданной Средневековьем и кодами аристократического культурного универсума. Помимо широкого спектра значений «перчатки являются также и символом любви. Рыцари прикрепляли к шлему или щиту перчатку своей дамы сердца, чтобы она давала им силу в бою. [...] В XVI веке перчатки дарили в знак любви, как обручальное кольцо»²⁵. В семиотическом плане свитер «соединяет разные миры — ирландских рыбаков, французских рыцарей...»²⁶, олицетворяя новое воплощение рыцарской кольчуги.

Интерпретация поэтессой метафоры «чувствительная кожа», учитывая влияние особенностей ее авторского сознания, маркирована кодами иного культурного универсума. В данном контексте показательна система культурных представлений об аристократической чувствительности, балансирующей между утонченностью, духовностью и болезненным невротизмом. Эти аспекты смыслового потенциала сенсетивности, скрытые в подтексте стихотворения, связаны уже не с наследованием образов-метафор М. Павича, а непосредственно с дискурсом Е. Рыжовой.

Подводя итоги, следует отметить, что Е. Рыжова, вступая в диалог с сербским писателем и обыгрывая павический знаковый образ, модифицирует его истолкование через призму своего видения мира и доминант авторского сознания. Так парадоксально совмещается личная позиция и мировосприятие Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в двух возможных: дальнейшем изучении других проявлений литературных мистификаций

²³ К. Юханнисон, *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, пер. со швед. И. Матыциной, Москва 2011, с. 98.

²⁴ Там же, с. 100.

²⁵ Т. Ганн, *Библия моды*, пер. с англ. Т. Зотиной, Москва 2014, с. 272.

²⁶ Там же, с. 232.

в Интернет-пространстве или же анализе влияния on-line среды на развитие современной лирики и ее места в сетературе.

Литература

- Алексеева И.Ю., *Интернет и проблема субъекта*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 24–56.
- Галимска М., *Мистификация как литературное явление (Черубина де Габриак)*, „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2013, nr 3, с. 65–75.
- Ганн Т., *Библия моды*, пер. с англ. Т. Зотиной, Москва 2014.
- Микеладзе Н., *Пейзаж, нарисованный Павичем* [Электронный ресурс], <http://archive.taday.ru/text/224527.html>.
- Минц З.Г., *«Забытая цитата» в поэтике русского постсимволизма*, [в:] *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург 2004, с. 327–338.
- Новоженина О.В., *Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 195–215.
- Официальный сербский сайт Милорада Павича* [Электронный ресурс], <http://khazars.com>.
- Павич М., *Пейзаж, нарисованный чаем: роман кроссворд*, пер. с серб. Н. Вагапова и Р. Грецкая, Санкт-Петербург 2010.
- Павич М., *Хазарский словарь: роман-лексикон*, пер. с серб. Л. Савельева, Санкт-Петербург 2013.
- Попова И.Л., *Мистификация литературная*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, под ред. А.Н. Николюкина, Москва 2001, с. 553–555.
- Пьеге-Гро Н., *Введение в теорию интертекстуальности*, пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова, Москва 2008.
- Рыжова Е., *Есть люди с особо чувствительной кожей...* [Электронный ресурс], http://www.library.ru/lib/auth_page.php?a_uid=38.
- Холл М.П., *Оккультная анатомия. Человек – великий символ Мистерий*, пер. с англ. Л.А. Маклаковой, А.П. Исаевой, Москва 2002.
- Элиаде М., *Шаманизм: архаические техники экстаза*, пер. с англ. К. Богуцкий, В. Трилис, Киев 2000.
- Юханнисон К., *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, пер. со швед. И. Матыциной, Москва 2011.

Идентификация авторства в сетературе. К вопросу о диалоге дискурсов в рамках лирического текста

Резюме

В статье исследовательский поиск направлен на фиксацию показателей литературной мистификации в Интернет пространстве. Осмыслена роль средств Интернет в приписывании М. Павичу авторства стихотворения *Есть люди с особо чувствительной кожей...*, написанного Елены Рыжовой. Проанализированы интертекстуальные уровни вышеназванного поэтического текста. Прослежены процессы интерпретации семиотического потенциала чувствительности авторским сознанием каждого из поэтов. Данный подход позволяет осмыслить совмещение личной позиции и мировосприятия Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Ключевые слова: сетература, литературная мистификация, интертекстуальность, авторство, сенсетивность, «чувствительная кожа», М. Павич, Е. Рыжова.

Identification of Authorship in Electronic Literature. To a Question of a Dialog of Discourses Within the Lyrical Text

Abstract

Relevance of a problem is caused by interest of literary thought in active functioning in the Web environment of modern literature. Study of a question is represented not full at the moment. In article research search is sent for consideration of literary mystification in the Internet space. There are various researches the studying dialogue of cybercultures and a modern literature. The purpose of this article is to reveal a new type of literary mystification on the example of the known poem thanks to activity of the Web network. It is defined how successfully on-line space for implementation of mystifications. The factors are comprehended good luck of literary mystification. The Internet obviously is suitable for literary mystifications. Popularity on the Internet was brought to the poem «There are People with Especially Sensitive Skin...» by the planned mystification. The success of mystification is caused by stylization codes in texts. The reasons to attribute are comprehended to Milorad Pavić authorship of the poem «There are People with Especially Sensitive Skin ...» by means of the Internet. Elena Ryzhova is author of the above-named poetic text. M. Pavić is author of an image metaphor «sensitive skin». Levels of intertextuality are analyzed of the above-named poem. Inclusion is analyzed of quotes in work by Elena Ryzhova. Dialogue is comprehended between two poets. This approach is to comprehend combination of a personal position E. Ryzhova with the point of view of M. Pavić.

Key words: electronic literature, literary mystification, intertextuality, authorship, sensitivity, «sensitive skin», M. Pavić, E. Ryzhova.

Светлана Фокина
кандидат филологических наук
доцент кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Svetlana Fokina
Candidate of philological sciences
The associate professor of the department of the world literature
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail:svetlana_fokina@ukr.net
+380974054990

ГЛОТТОДИДАКТИКА /GLOTTODIDACTICS

Дорота Дзевановская

**Фонетическая правильность речи
как основа адекватного участия
в речевой коммуникации
(на материале обучения студентов-филологов
русской артикуляции и интонации)**

Усиление внимания к практической стороне изучения русского языка тесно связано с овладением правильным русским произношением. К главным коммуникативным качествам речи относится её правильность, т.е. отсутствие в речи нарушений языковых норм. По словам Елены Васильевны Решетниковой, «Норма – это единообразное, образцовое, общепризнанное употребление элементов языка»¹. Отметим, что в России в основу нормированного литературного языка лег говор Москвы. Борис Николаевич Головин дает следующее определение этого термина, «норма – это жесткое «предписание» выбора из нескольких вариантов одного, «предписание», даваемое свойствами самого литературного языка и традициями его употребления. Правильность речи как бы задана самой языковой структурой: достаточно хорошо знать эту структуру, чтобы говорить правильно»². В свете этой дефиниции, развитие навыков правильной речи, прежде всего, должно опираться на знание норм литературного языка. Поэтому, с первых уроков языка надо вырабатывать у учащихся правильное произношение³. Это требование касается обучения русскому языку как родному и как неродному. Как отмечает Б.Н. Головин, в русскоязычной среде фонетические нормы не всегда прочно усвоены каждым оканчивающим школу. По его мнению, «Нелитературное произношение, связанное, в частности, с влиянием местных говоров, не редкость в речи

¹ Е.В. Решетникова, *Русский язык и культура речи: Учебное пособие*, Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики, Новосибирск 2016, с. 10.

² Б.Н. Головин, *Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи*, Высшая школа, Москва 1988, с. 33.

³ См. там же, с. 33.

взрослых, имеющих среднее и даже высшее образование»⁴. Отметим, что владение языковыми нормами произношения, ударения и словоупотребления, а также умение правильно использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения тесно связаны с культурой речи. Под культурой речи подразумевается «свободное и безошибочное владение произносительными механизмами, богатство речи, определяемое словарем носителя языка, чистота речи, характеризующая отсутствием слов-паразитов, ясность и понятность, определяемые минимальным количеством потерь информации при взаимодействии адресата и адресанта, адекватный речевой ситуации выбор лексических средств, логически оправданная мыслительная основа речи»⁵. Из сказанного следует, что к основным признакам культурной речи можно отнести точность речи, адекватный подбор слов, выразительность речи, связанную с умением ярко и образно передавать мысли. В контексте культуры речи важно различать понятия язык и речь. «Язык – это социально обработанная, исторически изменчивая знаковая система, служащая основным средством общения, представленная разными формами существования и реализуемая устно или письменно»⁶. Таким образом, основными функциями языка являются: коммуникативная, познавательная, т.е. когнитивная, и эмоциональная. Главное предназначение языка – служить основой общения. Язык выполняет познавательную (когнитивную) функцию; он является основной формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, а также средством получения нового знания о действительности. Третья функция языка – эмоциональная очень важна для человека, поскольку помогает ему выразить свой внутренний мир, свои переживания, ощущения, впечатления, оценки и др.⁷.

Высшей формой языка является литературный язык. «Русский литературный язык – это форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую. Любой литературный язык обладает определенным набором признаков, к числу которых относятся следующие:

- существование продолжительной традиции использования языка и ее сохранение в письменных текстах. **Наличие письменности** является одним из главных факторов, подтверждающих существование литературного языка;
- общеобязательность норм языка и их кодификация в специальных изданиях, общепонятность, **нормированность** языка;
- **противопоставленность** внутри литературного языка **письменной и разговорной форм**. В современном русском литературном языке интенсифицируется сближение устной и письменной форм языка;
- разветвленная **многофункциональная система стилей** и стилистическая дифференциация языковых средств в сфере лексики, фразеологии, словообразования, грамматики;

⁴ Там же, с. 33.

⁵ Е.В. Решетникова, *Русский язык и культура речи...*, с. 5.

⁶ Там же.

⁷ См. Н.А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М.Р. Савова, *Русский язык и культура речи*, учебник, под ред. Н.А. Ипполитовой, Изд-во Проспект, Москва 2008, с. 7–8.

– **стабильность языка** на протяжении длительного времени, без которой невозможен обмен культурными ценностями на протяжении жизни многих поколений»⁸.

Из этого следует, что литературный язык – это не значит язык художественной литературы. Литературному языку противопоставлены территориальные и социальные диалекты, говоры и жаргоны, просторечие (речь неграмотных слоев населения). Стоит подчеркнуть, что литературный язык – это не просто система средств, так как язык есть явление культуры. Поэтому для того чтобы научиться общаться с людьми других культур и языков, необходимо принять во внимание то, что «язык и культура неразделимы, язык – важнейший компонент культуры, культура – обязательный компонент языка»⁹.

Лев Иванович Скворцов, считает, что строгое соблюдение произносительных, грамматических, лексических и стилистических норм является важнейшим условием полного взаимопонимания между говорящим и слушающим, пишущим и читающим¹⁰. Иначе говоря, правильность речи – это основа речевой культуры. Не вызывает сомнения то, что современный русский язык является важным средством межкультурного общения и одним из самых важных мировых языков. Поэтому, повышение культуры русского языка – одна из важнейших задач преподавания русского языка как иностранного, особенно на филологическом факультете.

Нельзя упускать из виду тот факт, что язык является живым, непрерывно развивающимся организмом, который живо реагирует на все изменения общественной и культурной жизни. По этому поводу Светлана Григорьевна Тер-Минасова пишет: «(...) язык как зеркало культуры отражает и все наиболее важные и устойчивые изменения в образе жизни и менталитете народа»¹¹. Следует сказать, что в настоящее время русский литературный язык подвергается резким изменениям особенно под влиянием научно-технического прогресса и всеобщей глобализации. По мнению Е.В. Решетниковой, «На становление современного русского языка оказывают влияние: процессы глобализации; развитие информационных технологий; распространение английского языка как основного инструмента всемирного межкультурного общения; формирование «билингвальной» (двуязычной) картины мира; формирование единой коммуникативной среды на основе относительной общности языка и с учетом сохранения культурного своеобразия мира»¹².

Определим понятие речи. «Речь – это не язык и не отдельный речевой акт, а индивидуальное и каждый раз новое употребление языка как средства общения различных индивидов»¹³. Из этого следует, что речь – это разнообраз-

⁸ Е.В. Решетникова, *Русский язык...*, с. 5–6.

⁹ С.Г. Тер-Минасова, *Война и мир языков и культур. Учебное пособие, Слово/Slovo*, Москва 2008, с. 69.

¹⁰ См. Л.И. Скворцов, *Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению*, Знание, Москва 1980, с. 5–6.

¹¹ С.Г. Тер-Минасова, *Язык и межкультурная коммуникация, Слово/Slovo*, Москва 2000, с. 88.

¹² Е.В. Решетникова, *Русский язык и культура речи...*, с. 4.

¹³ Там же, с. 7.

ное использование возможностей языка, разнообразные формы применения языка в различных ситуациях общения. В литературе предмета различают: устную и письменную речь, монологическую и диалогическую речь, речь ребенка, молодежи, сценическую речь, прямую и косвенную, деловую и художественную. Добавим, что речь способна влиять на структуру языка.

Как отмечает Л.И. Скворцов, важным показателем общекультурного уровня человека является литературное произношение, так как ошибки в произношении «отвлекают слушателей от содержания выступления и тем самым затрудняют общение, уменьшают воздействие речи на аудиторию»¹⁴. В современной русской речи функционируют различные произносительные варианты. Традиционные нормы произношения сохраняются в театральной, сценической практике, а также в речи радио- и теледикторов¹⁵.

Отметим, что при обучении русскому языку как иностранному студентов филологического факультета не менее важными являются нормы словоупотребления, т.е. правильность выбора слова и употребление его в тех или других сочетаниях с другими словами. Эти нормы связаны с оценкой неологизмов, диалектизмов, профессионализмов, канцеляризмов в общей речи. Они помогают также оценить иноязычные заимствования с точки зрения их уместности в речи. В понятие лексических норм, или норм словоупотребления в широком понимании входит согласование и управление слов, избыточность (тавтологичность) словосочетаний, смысловая и стилистическая несочтесненность слов в пределах одного сочетания. Языковая культура в области словоупотребления предполагает также лексическую и стилистическую чистоту речи, т.е. свободу речи от диалектизмов и жаргонизмов, вульгаризмов, профессионализмов, ненужных иноязычных заимствований¹⁶.

В настоящей статье мы сосредоточимся на вопросах обучения польских студентов Института нефилологии Краковского педагогического университета нормам русской артикуляции и интонации.

Как отмечает видный российский методист Анатолий Николаевич Щукин, при обучении русскому языку как иностранному «Овладение навыками правильного произношения является необходимым условием развития навыков во всех видах речевой деятельности. Без произносительных навыков невозможны никакие коммуникативные умения, т.е. невозможно общение на иностранном языке»¹⁷. По его мнению, формирование произносительных навыков тесно связано с формированием слуховых образцов русских звуков и целых слов на их базе – навыков осознания слов, словосочетаний и целых высказываний. Особенно актуальной задачей для будущих учителей русского языка является формирование умений контроля за чужим произношением и автоконтроля. Не менее важной задачей является овладение правилами перехода от графического образа слова к его произношению¹⁸.

¹⁴ Л.И. Скворцов, *Правильно ли мы говорим...*, с. 9.

¹⁵ См. там же, с. 9.

¹⁶ См. там же, с. 10–11.

¹⁷ *Методика преподавания русского языка как иностранного. Для зарубежных филологов-русистов*, под ред. А.Н. Щукина, «Русский язык», Москва 1990, с. 50.

¹⁸ См. там же.

Из сказанного выше следует, что иностранные обучаемые должны обязательно соблюдать требования фонетической системы русского языка. Иностранному обучаемый «должен уметь и в своем произношении, и на слух различать значащие единицы – фонемы, т. е. соблюдать свойственные русской фонетике звуковые противопоставления и слышать их в процессе восприятия чужой речи»¹⁹. В русском языке выделяются два противопоставления согласных звуков: по мягкости и твердости, а также по звонкости и глухости. Однако, как подчеркивает А.Н. Шукин, «таких противопоставлений недостаточно (...). Нужно еще придерживаться так называемой фонетической нормы, т.е. традиционной для русского (или другого иностранного) языка реализации фонетических противопоставлений (...) Если наши учащиеся – студенты-филологи, то они должны в максимальной мере усвоить фонетическую норму русского литературного языка»²⁰. Однако, он считает, что при изучении русского языка как иностранного на менее продвинутых этапах достаточно соблюдать:

1. Принцип соответствия потребностям общения. Это обозначает, что отклонения в произношении не мешают носителям русского языка и другим иностранцам воспринимать и понимать речь.

2. Принцип представительности по отношению к фонетической норме (системе) русского литературного языка. Это обозначает, что необходимо обеспечить произношение звуков в словосочетании с соблюдением закономерностей их реального функционирования и в соответствии с их системными отношениями²¹.

Анатолий Николаевич Шукин обращает внимание на то, что при обучении русскому литературному произношению необходимо учитывать родной язык обучаемых, так как «усвоенные в детстве произносительные навыки речи на родном языке в высшей степени автоматичны и при этом, как правило, бессознательны. Поэтому учащиеся незаметно переносят в русскую речь типичные произносительные особенности родного языка, прежде всего, особенности его системы и нормы»²². Людмила Сергеевна Крючкова и Наталия Викторовна Мощинская отмечают, что «Формирование артикуляционной (произносительной) базы в сознании учащихся происходит в условиях действия межъязыковой фонетической интерференции. Родной и изучаемый языки начинают взаимодействовать, не усвоенная система изучаемого языка даёт сбой, так как родной язык влияет на иностранный»²³. Поэтому изучающие иностранный язык должны научиться осознавать движения своих речевых органов в момент произношения данного звука. Кроме того, им необходимо «сознательно усваивать характерные уклады речевых органов, правила функционирования просодических элементов, моделей, их сочетаемости с сегментными единицами – всего того, что создаёт специфику артикуляционной базы изучаемого языка. Слуховые навыки восприятия речи также

¹⁹ Там же, с. 50–51.

²⁰ Там же, с. 51.

²¹ См. там же, с. 51.

²² Там же.

²³ Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская, *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие*, Флинта: Наука, Москва 2011, с. 94.

формируются в соответствии с системой и нормой данного языка. Опирируя ими, человек осуществляет интерпретацию акустических характеристик воспринимаемой речи»²⁴.

Эдуард Михайлович Чарели высказывает мнение, что дикция тесно связана с произношением звуков речи. В ее ясной и точной основе находится воспитание навыков правильной артикуляции, которое имеет первостепенное значение. Дикция нарушается всегда при ненормальных положениях языка²⁵. Артикуляция – это работа органов речи по воспроизведению звуков. К ней относится работа внешних органов, т.е. губ, нижней челюсти, языка, и гортанно-глоточной полости, т.е. глотки, мягкого неба. Рото-глоточная полость, в зависимости от расположения органов артикуляции, при произношении превращается в резонирующий аппарат. Резонаторами являются: грудная клетка, трахея, бронхи, твердое небо, глотка, полость носа и ее придаточные полости. Важным является то, что артикуляционный аппарат имеет высокую мышечную чувствительность, что обеспечено особыми рецепторами. Импульсы, которые идут от этих рецепторов в зрительную и слуховую зоны коры головного мозга, создают обратную связь, которая обеспечивает правильное физиологическое развитие речевого голоса. При произношении гласных гортань создает звук, который не имеет характера. Целостная совместная работа резонаторно-артикуляционного аппарата помогает ему получить оформление. Все гласные звуки имеют свои форманты. Каждый гласный содержит два основных форманта. Один из этих вариантов возникает в ротовой, а другой в глоточной полости. При произношении согласных звуков резонаторно-артикуляционный аппарат помогает следующим образом: когда произносим глухие звуки, артикуляционный аппарат эксплуатируется без участия резонаторов и голосовых складок; при произношении сонорных и звонких звуков работают гортань и весь резонаторно-артикуляционный аппарат²⁶.

По моим наблюдениям, в России неправильное ударение или неправильное употребление слова или другие языковые ошибки легко прощаются иностранцам. Особенно ярко это наблюдается в процессе непосредственного общения представителей разных культур с русскими. На самом деле русские добродушно относятся к ошибкам иностранца. Однако, слишком частые ошибки, выступающие в речи иностранца и затрудняющие понимание, могут вызвать у русского человека раздражение, что может стать причиной быстрого окончания разговора.

Многие ученые и учителя признают, что серьезной проблемой при обучении иностранным языкам является корректность речи, что в первую очередь, связано с соблюдением норм фонетической системы изучаемого языка.

В Краковском педагогическом университете обучение польских студентов нормам русской фонетики имеет свои традиции. Здесь с 1963 года

²⁴ Там же, с. 94–95.

²⁵ См. Э.М. Чарели, *Учитесь говорить! (Комплекс упражнений и методические рекомендации воспитанию дикции, дыхания, произношения и речевого голоса)*, Изд-во Урал. ун-та, Свердловск 1991, с. 12–13.

²⁶ См. там же, с. 12.

применяется репродуктивно-креативный метод. Автором этого метода является профессор Януш Генцель. Основные теоретические принципы обучения нормам русской фонетики изложены им в монографии «Обучение русскому языку репродуктивно-креативным методом»²⁷ и в последующих работах.

Отметим, что репродуктивно-креативный метод нашел также применение в школьном обучении. С 1973 года этот метод стал применяться в экспериментальных классах лицеев, а с 1976 года – в экспериментальных классах восьмилетних школ города Кракова и Краковского воеводства. На рубеже 80-х и 90-х годов этот метод стал вызывать все более широкий интерес в среде учителей и применялся в свыше 100 классах восьмилеток на территории 9 воеводств (в основном, на юге Польши)²⁸.

Дидактические приемы, применяемые при обучении русскому произношению репродуктивно-креативным методом как студентов-филологов, так и школьников, давали положительные результаты. Однако, в новой дидактической ситуации, заключающейся в том, что в последнее время на отделение русской филологии стали поступать абитуриенты с нулевым знанием русского языка, приходится решить вопрос, как эту технологию приспособить к изменившимся условиям. В нулевых группах, в которых обучение языку начинается с азбуки, невозможно заниматься фонетикой лишь в течение первых нескольких недель, в ходе отдельных интенсивных курсов артикуляции (1-й этап) и интонации (2-й этап). В данном случае, необходимо использовать процедуры, которые применялись при экспериментальном обучении школьников русскому языку репродуктивно-креативным методом. Итак, в нулевых студенческих группах формирование правильных произносительных навыков должно полностью соответствовать принципу комплексности в обучении видам речевой деятельности. Это обозначает, что с первых занятий 1-го семестра (в ходе вводного алфавитно-фонетического курса) студенты знакомятся с буквами русского алфавита, учатся каллиграфии. При изучении азбуки особое внимание уделяется не только написанию букв, но и звукобуквенным соответствиям. Параллельное формирование каллиграфических и произносительных навыков осуществляется в тесной связи с обучением слушанию, говорению, чтению и письму при одновременном изучении лексико-грамматического и орфографического материала.

Как представляется, в обязательный минимум предлагается включить следующие явления русского литературного произношения: 1) произношение гласных в ударных позициях; 2) существенные изменения гласных в безударных позициях; 3) корреляции согласных по глухости-звонкости,

²⁷ См. J. Henzel, *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978; Я. Генцель, *Обучение русскому языку как иностранному репродуктивно-креативным методом*, «Русский язык за рубежом» 1988, № 2, с. 49–52.

²⁸ Zob. D. Dziewanowska, J. Henzel, *Poradnik metodyczny dla nauczycieli do eksperymentalnego podręcznika języka rosyjskiego dla klasy V*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1986, wyd. II, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, Warszawa 1988; zob. także D. Dziewanowska, *Z doświadczeń nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w szkole podstawowej*, „Rocznik Naukowo-Dydaktyczny”, z. 116, Prace Rusycystyczne VII, Kraków 1987, s. 283–299.

и твердости-мягкости; 4) акцентно-ритмические модели слова; 4) система интонационных конструкций, и их строение и смыслообразительная роль²⁹. В русском языке выделяется семь интонационных конструкций, но студентам-русистам, приступающим к изучению русского языка, достаточно усвоить шесть типов интонационных конструкций (ИК-1, ИК-2, ИК-2а, ИК-3, ИК-4, ИК-5), так как они составляют основу звучащей речи.

Я настаиваю на том, чтобы обучение артикуляции и интонации осуществлялось на когнитивных основах, предполагающих сознательное усвоение студентами элементарной теории, на базе которой вырабатываются правильные фонетические навыки. При введении и закреплении артикуляции, рекомендуется использовать знаки фонетической транскрипции. Отметим, что активное овладение фонетической транскрипцией дает студентам возможность лучше осознать особо трудные для них артикуляционные явления, а также способствует прочному закреплению фонетических правил. Отработка артикуляционного явления должна начинаться с представления произношения звука в слове или же в нескольких словах. Однако особо трудные для польских студентов звуки следует отрабатывать в изолированном положении. Такой прием полезно использовать, например, при артикуляции огубленного *o* в ударном слоге, переднеязычного *л*, звонкого [v] в сочетаниях *св*, *тв*, *кв*, *цв*, *хв*. В данном случае преподаватель должен обратить внимание студентов на ощутимые моменты артикуляции. Прием опоры на ощутимые моменты артикуляции является основным приемом так называемого открытого управления. «Ощутимыми называются такие моменты артикуляции, которые поддаются контролю (зрительному, мышечному) и могут выполняться сознательно, т. е. учащийся может произвольно управлять отдельными движениями речевых органов»³⁰. Воспроизвести неощутимые моменты артикуляции помогают специальные приемы скрытого управления артикуляцией. В лингводидактической литературе выделяют три группы таких приемов: 1) связанные с благоприятной позицией; 2) связанные с видоизменением оттенка звука; 3) связанные с изменением темпа речи³¹. При обучении польских студентов рекомендуется комплексно использовать открытое и скрытое управление. Например, при представлении артикуляции переднеязычного *л*, полезно замедлить темп речи (скрытое управление) и одновременно обратить внимание студентов на работу органов речи (открытое управление). Затем, надо непременно приступить к презентации этого звука в ряде слов, пользуясь при этом приемом скрытого управления. Представление звука *л* в словах следует начинать с так называемой благоприятной позиции и постепенно переходить к неблагоприятным, т. е. трудным позициям. При выборе благоприятной позиции и последовательном переходе к более трудным позициям стоит руководствоваться особенностями звуковой системы как русского, так и польского языков.

²⁹ См. Н.М. Малашенко, *Обучение произношению*, [в:] Г.П. Дергачёва, О.С. Кузина, Н.И. Малашенко, *Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе*, «Русский язык», Москва 1989, с. 37.

³⁰ *Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов*, под ред. А.А. Леонтьева, «Русский язык», Москва 1988, с. 61.

³¹ Там же, с. 63.

Например, сочетание *лу* в словах *лук*, *слушай* является для польских студентов трудной позицией, поскольку она поддерживает лабиализацию, которую как раз надо снять.

Описанные выше приемы готовят студентов к сознательному выполнению имитационных (индивидуальных и хоровых) упражнений. С целью дать студентам возможность соотносить произносимый ими звук с предъявляемым преподавателем образцом важно, чтобы прием индивидуальной имитации опережал упражнения хором. Такой вид работы способствует эффективному развитию у студентов самоконтроля. Надо отметить, что чистота произношения и правильная работа речевого аппарата достигается благодаря постоянными тренировочными упражнениями.

По моему мнению, работа над интонацией должна охватывать следующие этапы: 1) представление правила; 2) звуковое представление мелодической линии данной интонационной конструкции (ИК), которому сопутствует демонстрация схемы, иллюстрирующей графическую запись мелодической линии ИК; 3) имитацию по образцу предложения вслед за преподавателем; 4) выполнение тренировочных интонационных упражнений; 5) выполнение закрепительных упражнений. Соблюдение вышеуказанных этапов делает процесс обучения более сознательным, способствующим более легкому усвоению закономерностей русской интонации.

В 2014/2015 академическом году, а затем в 2015/2016 академическом году в шестом семестре, в ходе работы на занятиях по практикуму русского языка со студентами третьего бакалаврского курса была обнаружена мною тенденция к понижению фонетической корректности речи обучаемых. Говоря о фонетически правильной речи, мы имеем в виду, с одной стороны, правильную артикуляцию, а с другой стороны – интонацию. Можно полагать, что основная причина понижения фонетических умений студентов связана с сильным воздействием произносительных навыков родного языка. Студенты автоматически и бессознательно переносили в русскую речь нормы и особенности фонетической системы польского языка. Эта тенденция ярко наблюдалась при произношении сочетаний *кв*, *св*, *тв*, *хв*, *цв*. Например, в словах *твой*, *свой* польские студенты вместо звонкого согласного [v] произносили глухой [f], т. е. [tfõi] [sfõi] вместо [tvõi] [svõi]. В этих словах наши студенты допускали и другую артикуляционную ошибку: гласный [õ] они произносили без характерных для русской артикуляции округления губ и долготы, т.е. как польское, кратко звучащее [o].

В ходе работы в шестом семестре я очень часто наблюдала также тенденцию к небрежному произношению. Эта тенденция наиболее ярко проявлялась при произнесении слов, содержащих звук [ɣ], который произносился как польское неслоговое [u] или как переднеязычное польское [ɲ]. Кроме, того, в потоке речи студенты не во всех словах правильно произносили переднеязычное русское [ɣ]. Нередко встречались случаи, когда в слове, содержащем два звука [ɣ], например *плакал*, студенты правильно произносили только один из двух звуков [ɣ].

Артикуляционные ошибки касались также произношения *е*, *ё*, *ю*, *я* в ударном слоге и безударных слогах в положении после согласных. В словах типа: *поляк*, *лес*, *Алёша*, *песня* студенты проявляют тенденцию к произношению

после согласных и перед *e, ё, ю, я* звука [j]. Но, в свою очередь, студенты нередко не произносили звуков [j], [i] при артикуляции йотированных гласных в положении после гласного, мягкого и твердого знаков. Не меньшую трудность доставляла студентам артикуляция [ссɔ] на месте сочетаний *-тся, -ться*, произносимых ими ошибочно как [tsja] или [ca].

По моим наблюдениям, много артикуляционных ошибок касалось произношения твердого [t] в конце слова. Польские студенты очень слабо (почти беззвучно) произносили конечный звук *t*. Например, формы 3-о лица мн. числа глаголов: *играют, знают* произносились ими, как [igrãiu] [znãiu]. В свою очередь, мягкое [t'] в конце слова студенты произносили неправильно как польское [c] и [ć].

Не меньшую трудность для польских студентов представляет артикуляция мягкого [r'], например, в словах: *теперь, дверь, горько*, а также мягкого [s'] в словах типа: *письмо, весь, брось, восьмой*, особенно в тех случаях, когда мягкость согласного обозначается мягким знаком. Интересно, что сочетания звуков *ri, si* в словах *рисунок, принести, носит, сидит* произносятся студентами почти безошибочно.

Наши студенты не соблюдали норм произношения гласных *a, o* в заударных слогах в безударном положении. Отметим, что эти ошибки сочетаются с несоблюдением норм русской интонации, т.е. с повышением тона в заударной части интонационной конструкции ИК-1. Например, в предложении «Это – наша улица» в слове «улица» студенты повышают тон и растягивают заударный слог, поэтому произносят его неправильно как [ca].

В течение шестого семестра во время работы с третьекурсниками бакалаврского курса было выявлено 10 комплексов артикуляционных правил, которые не соблюдались студентами. Группа, в которой в 2014/2015 академическом году (группа «а») я вела занятия по практикуму русского языка, состояла из 19 человек, а группа, с которой я занималась в 2015/2016 академическом году (группа «б») состояла из 17 человек. Итак, в обеих группах правильную артикуляцию звонкого звука [v] в сочетаниях *св, тв, кв, цв* соблюдало всего 9 человек; правильную артикуляцию переднеязычного [ɲ] соблюдало 11 человек; 14 студентов соблюдало нормы произношения *e, ё, ю, я* в ударном слоге (в положении после согласных), нормы произношения *e, ё, ю, я* в ударном слоге (в положении после гласного, после *ь, ь* и в начале слова). Прочными навыками правильной артикуляции [ссɔ] на месте сочетаний *-тся, -ться*, артикуляции твердого [t] в конце слова, артикуляции мягкого в конце слова [t'], артикуляции мягкого [r'], артикуляции мягкого [s'] овладело 15 студентов. Правильное произношение гласных *a, o* в безударном положении в заударных слогах наблюдалось мною у 16 студентов. Однако, стоит отметить, что в этих группах изучали русский язык студенты из Украины. В группе, которая состояла из 19 студентов, училась одна студентка с украинскими корнями, а в группе состоявшей из 17 человек, учились три студента из Киева.

Как упоминалось выше, я наблюдала за интонационной корректностью студентов. Наибольшие трудности у студентов вызывает ИК-1, так как на центре ИК-1 вместо понижения тона они повышают тон и усиливают словесное ударение, а постцентровую часть произносят на среднем тоне.

Типичными для многих студентов являются трудности в применении в речи интонационной конструкции ИК-2. Допускаемые ими ошибки были связаны с нарушением мелодической линии как в ударной части, так и в заударной части ИК-2. В ударной части ИК-2 студенты очень резко повышали тон, а в заударной забывали о понижении тона ниже среднего.

Еще одну трудность для наших студентов может представлять применение интонационной конструкции ИК-2а. Искажение мелодической линии ИК-2а, прежде всего, связано со значительным увеличением долготы гласного, входящего в состав ударной части конструкции. Такая же трактовка интонационного центра характерна для ИК-5. Иначе говоря, типичной ошибкой, допускаемой обследуемыми, являлось спутывание мелодической линии ИК-2а и ИК-5. Однако, встречались также случаи недостаточного понижения тона в заударной части ИК-2а.

Ошибки наблюдались в соблюдении ИК-4. Начиная произносить ударную часть, студенты сразу же повышали тон, забывая о том, что ударная часть ИК-4 должна начинаться с понижении тона, который повышается в заударной части или же, при отсутствии заударной части, – в пределах слога.

Стоит отметить, что ИК-3 и ИК-5 студенты усвоили на довольно высоком уровне.

Можно сказать, что студенты прочно усвоили основные интонационные конструкции. В группе «а» только 5 студентов постоянно нарушало мелодическую линию интонационных конструкций, в группе «б» – 4 студента. Высокая интонационная корректность речи студентов третьего курса объясняется тем, что у них прочно сформировано умение читать на русском языке вслух и про себя.

По моему мнению, нельзя скрывать тот факт, что отдельные студенты непрочно усвоили другие нормы русского литературного произношения. К примеру, приведем некоторые случаи несоблюдения фонетических правил. На месте сочетания *чт* [št] в словах *что*, *чтобы* обучаемые произносили как [čt]; мягкий согласный *щ* произносился ими как сочетание двух твердых звуков [šč]; сочетания *жи*, *ши*, *ци* [žy], [šy], [cy] произносились неправильно как [ži], [ši], [ci]. Кроме того, некоторые ошибки были следствием неумения применять интонационные конструкции в многосинтагменных предложениях. Наиболее типичной ошибкой, допускаемой студентами, является повышение тона в конечной синтагме многосинтагменного повествовательного предложения, выражающего завершенность (в заударной части интонационной конструкции ИК-1). В неконечных незавершенных синтагмах студенты забывали о чередовании ИК-3 с ИК-4 или ИК-4 с ИК-3. Добавим, что студенты на такие ошибки своих коллег живо реагировали и исправляли их.

В свете сказанного выше, причины снижения уровня фонетической корректности речи студентов в конце бакалаврского курса следует усматривать:

- 1) в слабом знании фонетических правил русского языка (артикуляционных и интонационных),
- 2) в слабо сформированных слуховых навыков восприятия иноязычной речи,
- 3) в отсутствии прочных фонетических навыков,

- 4) в сильном воздействии произносительных навыков родного языка,
- 5) во влиянии внутриязыковой интерференции,
- 6) в неумении наблюдать за правильностью своего произношения, т. е. в недостаточно развитом умении самоконтроля и автокоррекции.

Не вызывает сомнения, что у взрослых обучаемых прочно сформированы артикуляционные и интонационные навыки родного языка. Поэтому им необходимо больше времени для того, чтобы овладеть иноязычными произносительными навыками. Именно поэтому формирование и развитие навыков в области русского литературного произношения должно осуществляться с первых занятий первого года обучения в университете и обязательно продолжаться на очередных этапах, в ходе сопроводительного курса. Проведение сопроводительного курса требует выделения на каждом занятии отдельного компонента, направленного на выполнение так называемой фонетической зарядки, продолжающейся 5–10 минут. Зарядку лучше всего проводить в начальной части занятий, так как она помогает снять фонетические трудности при отработке актуально изучаемого лексико-грамматического материала. Это, разумеется, требует от преподавателя более тщательной подготовки к занятиям, так как явления, входящие в состав фонетических упражнений, предварительно должны отбираться именно им. Основным критерием такого отбора является пригодность фонетического материала при введении определенной лексической темы, а также при выполнении коммуникативных заданий, осуществляемых на данном занятии. Исходя из положения, что обучение нормам русского литературного произношения должно строиться на когнитивной основе, при выполнении фонетической зарядки целесообразно обращаться к соответствующим фонетическим правилам. Кроме того, как упоминалось выше, при презентации произношения данного слова (слов) следует пользоваться графическими знаками фонетической транскрипции, а выполняя интонационные упражнения – схемами, иллюстрирующими мелодическую линию ИК. В данном случае, большую помощь могут оказать новейшие технические средства наглядности (мультимедийная презентация с использованием интерактивной доски). Формы работы в вводном сопроводительном и вводном курсе (1-й семестр) должны быть совпадающими. Однако, во 2-м и последующих семестрах больше места необходимо отводить на работу с текстом, т.е. должно осуществляться слушание текстов, написание диктантов, членение текста на синтагмы и обозначение интонационного центра, чтение вслух. Отработанные в ходе фонетической зарядки слова и фразы должны непременно включаться в состав осмысленных коммуникативных высказываний.

В заключение отметим, что в современной методике обучения иностранным языкам существует мнение, будто соблюдение фонетической нормы имеет меньшее значение для коммуникации. Это, конечно, ведет к недооценке важности обучения артикуляции и интонации. В связи с этим уместно напомнить, что при обучении студентов-филологов следует ставить высокие требования в области овладения фонетической нормой изучаемого иностранного языка.

Литература

- Dziewanowska D., Henzel J., *Poradnik metodyczny dla nauczycieli do eksperymentalnego podręcznika języka rosyjskiego dla klasy V*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków, 1986.
- Dziewanowska D., *Z doświadczeń nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w szkole podstawowej*, „Rocznik Naukowo-Dydaktyczny”, z. 116, Prace Ruscystyczne VII, Kraków 1987, s. 283–299.
- Henzel J., *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978.
- Генцель Я., *Обучение русскому языку как иностранному репродуктивно-креативным методом*, «Русский язык за рубежом» 1988, № 2, с. 49–52.
- Головин Б.Н., *Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи*, Высшая школа, Москва 1988.
- Дергачёва Г.П. Кузина О.С, Малашенко Н.И., *Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе*, Русский язык, Москва 1989.
- Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Савова М.Р., *Русский язык и культура речи*, учебник, под ред. Н.А. Ипполитовой, Изд-во Проспект, Москва 2008.
- Крючкова Л.С., Мощинская Н.В., *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие*, Флинта: Наука, Москва 2011.
- Методика преподавания русского языка как иностранного. Для зарубежных филологов-русистов*, под ред. А.Н. Щукина, «Русский язык», Москва 1990.
- Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов*, под ред. А.А. Леонтьева, «Русский язык», Москва 1988.
- Решетникова Е.В., *Русский язык и культура речи: Учебное пособие*, Сибирский государственный университет телекоммуникации и информатики, Новосибирск 2016.
- Скворцов Л.И., *Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению*, Изд-во Знание, Москва 1980, с. 5–6.
- Тер-Минасова С.Г., *Война и мир языков и культур. Учебное пособие*, Слово/Slovo, Москва 2008.
- Тер-Минасова С.Г., *Язык и межкультурная коммуникация*, Слово/Slovo, Москва 2000.
- Чарели Э.М., *Учитесь говорить! (Комплекс упражнений и методические рекомендации по воспитанию дикции, дыхания, произношения и речевого голоса)*, Изд-во Урал. ун-та, Свердловск 1991.

Фонетическая правильность речи как основа адекватного участия в речевой коммуникации (на материале обучения студентов-филологов русской артикуляции и интонации)

Резюме

В статье обсуждаются важнейшие вопросы обучения фонетическим средствам общения. Овладение навыками правильного произношения является необходимым условием развития у студентов-русистов навыков и умений во всех видах речевой деятельности, так как без произносительных навыков невозможно адекватное общение на русском языке. В статье анализируются типичные артикуляционные и интонационные ошибки, допускаемые польскими студентами-филологами, которые начинают изучать русский язык с нулевого уровня. Автор статьи описывает некоторые дидактические приемы, способствующие прочному усвоению и закреплению произносительных навыков.

Ключевые слова: артикуляция, интонация, литературное произношение, языковая норма, речь, общение, коммуникация, культура речи

**Phonetic Correctness of Speech as the Basis
of Adequate Participation in Speech Communication
on the Material of Teaching Russian Articulation and Intonation
to Russian Philology Students**

Abstract

In the article, the most important problems of teaching phonetic means of communicating are discussed. Assimilating habits of correct pronunciation is the necessary condition of developing in students of Russian philology the habits and skills in all the forms of speech activity because without phonetical habits the adequate communication in Russian is impossible. The author of the article analyses the typical articulation and intonation errors committed by Polish students of philology who begin studying Russian from the zero level. She describes some didactic means which help permanent acquisition and consolidation of articulation habits.

Key words: articulation, intonation, exemplary pronunciation, language standard, speech, communication, culture of speech

Dorota Dziewanowska
dr hab. prof. UP
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

Dorota Dziewanowska,
Habilitation Ph.D., extraordinary professor
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
Pedagogical University of Cracow
e-mail: ddziewanowska@o2.pl
+48600191764

*Karolina Gołąbek***Teoretyczne podstawy do tworzenia programu nauczania rosyjskiego języka biznesu. Autorski program nauczania***Ucząc innych, sami się uczy my.*

Seneka, Listy moralne

Reforma szkolnictwa wyższego w latach 90., a dokładniej rzecz biorąc przyjęcie przez Polskę Deklaracji Bolońskiej, która zreformowała dotychczasowy model kształcenia, poprzez podzielenie większości kierunków studiów, w tym także filologicznych, na studia 3-letnie licencjackie i 2-letnie, magisterskie, spowodowała głębokie zmiany w strategii kształcenia na studiach wyższych. Nastąpiło odejście od encyklopedycznego modelu zdobywania wiedzy na rzecz zaktywizowania uczących się do twórczych działań i kreatywności. Zmianie uległa również rola samego nauczyciela w procesie nauczania. Wykładowca stał się organizatorem i koordynatorem pracy studentów, aktywującym ich do działań twórczych w ramach współpracy dydaktycznej ukierunkowanej na autonomizację. Jak zauważa Weronika Wilczyńska, dydaktyka autonomizująca, która zakłada rosnące usamodzielnianie się studentów, wymaga elastycznej i dynamicznej współpracy dydaktycznej pomiędzy nauczającym a uczącym się, który w procesie nauczania odkrywa na własny użytek właściwości języka obcego i jego komunikacyjne wartości¹. Większa łatwość w nawiązywaniu kontaktów obcojęzycznych i swobodny dostęp do środków masowego przekazu (telewizji satelitarnej i światowych sieci informatycznych) powodują, iż nauczanie w warunkach szkolnych bądź uniwersyteckich nie jest już jedynym, a zarazem głównym źródłem wiedzy o samym języku, tradycjach i obyczajach danego kraju. Rola nauczającego zaś zasadza się na budowaniu indywidualnej kompetencji komunikacyjnej uczącego się i tworzeniu warunków sprzyjających uczeniu się i komunikacji. O całości modelu kształcenia będą zaś decydowały cele nauczania. Ich należyte i staranne wytyczenie będzie podstawą do budowania programu nauczania, określenia treści i metod nauczania, aktywizacji uczących się do podejmowania działań językowych mających uczynić z nich świadomych uczestników procesu nauczania, rozwoju osobowości uczących się oraz oceny rezultatów nauczania.

¹ W. Wilczyńska, *Uczyć się czy być nauczonym? O autonomii w przyswajaniu języka obcego*, PWN, Warszawa–Poznań 1999, s. 134.

H. Komorowska wymienia następujące cele ogólne w programach nauczania języków obcych dla celów zawodowych²:

- komunikację (prezentowanie opinii, przedstawianie jasnych i zwięzłych argumentów),
- umiejętności rachunkowe (zbieranie, klasyfikowanie i analizowanie danych, rozumienie statystyk),
- umiejętność uczenia się (wyszukiwanie, analizowanie, interpretacja i ocena informacji płynących z różnych źródeł),
- umiejętność rozwiązywania problemów (określanie przyczyn i skutków zjawisk, formowanie racjonalnych opinii i wyważonych sądów),
- umiejętności społeczne związane z pracą zespołową (słuchanie, dzielenie się opiniami, sądami, branie odpowiedzialności za pracę własną i grupy, dzielenie się odpowiedzialnością, rozwiązywanie konfliktów, budowanie zaufania i akceptacja innych),
- umiejętności informatyczne (zastosowanie komputerów i nowoczesnych metod przetwarzania informacji).

Chociaż cele nauczania prezentowane przez H. Komorowską odnoszą się do nauczania w szkołach zawodowych, pewne ich elementy można uznać za nader istotne w nauczaniu studentów. Autorka wymienia szereg celów. Za najważniejsze w przygotowaniu studenta przyjmuje się:

1. Cele kształcenia językowego od strony umiejętności ogólnych:
 - podjęcie odpowiedzialności za własną naukę,
 - dalsza samodzielna praca nad językiem,
 - praca indywidualna i zespołowa,
 - twórcze i aktywne uczenie się,
 - krytyczne myślenie i problemowe ujęcie zjawisk,
 - dalsze kształcenie zawodowe z wykorzystaniem umiejętności z zakresu języka obcego (szczególnie istotne w sytuacji, kiedy absolwent będzie pracował w firmie i dla potrzeb zawodowych będzie się zapoznawał z teorią i praktyką biznesu oraz poszerzał zasób słownictwa w obrębie języka specjalistycznego);
2. Cele kształcenia językowego od strony komponentów językowo-treściowych:
 - komponent języka codziennego (tzw. *everyday English component*, o którym wspomina H. Komorowska, a dla potrzeb języka rosyjskiego byłby to *everyday Russian component* – tłum. Grzegorz Ziętała³),
 - komponent wiedzy o krajach anglojęzycznych, dla potrzeb niniejszej pracy rosyjskojęzycznych, tzw. *cross-cultural component*,

² H. Komorowska, *Nauczanie języków obcych w kształceniu zawodowym*, [w:] *Problemy komunikacji międzykulturowej. Lingwistyka. Translatoryka. Glottodydaktyka*, red. Z. Kielar, T. Krzeszowski, J. Lukszyn, Graf-Punkt, Warszawa 2000, s. 355.

³ Zapożyczenia z języka angielskiego dostosowane do systemu języka rosyjskiego zostały użyte w publikacji G. Ziętali, *Nauczanie rosyjskiego języka biznesu na studiach rusycystycznych*, w której autor szczegółowo opisuje metodykę pracy nad rosyjskim językiem biznesu. Patrz szerzej: G. Ziętała, *Nauczanie rosyjskiego języka biznesu na studiach rusycystycznych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2004.

- komponent języka zawodowego w zakresie specjalizacji danej szkoły (tzw. *current professions component*), który można odnieść do uczelni wyższej),
 - komponent języka biznesowego (*business English component*, a w przypadku języka rosyjskiego – *business Russian component* – tłum. G.Z.);
3. Cele kształcenia językowego od strony kompetencji i mikroumiejętności językowych:
- kompetencja lingwistyczna – poprawne opanowanie systemu językowego, aby móc porozumiewać się i dalej kształcić,
 - kompetencja komunikacyjna – rozumowanie się w obrębie czterech sprawności językowych.

W niniejszym artykule zostanie pokrótce opisany program nauczania rosyjskiego języka biznesu (poziom średniozaawansowany) (Załącznik 1) realizowany na III roku studiów licencjackich na kierunku: Filologia Rosyjska w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Program nauczania najczęściej określa się mianem *dokumentu, planu, zbioru*. T. Woźnicki o programach nauczania pisze: „programy nauczania są oficjalnymi dokumentami określającymi zakres materiału nauczania, umiejętności i nawyków, które mają być opanowane przez ucznia (...) w programie omawiane są mniej lub bardziej dokładnie drogi realizacji wskazanych celów (...) program spełnia dwie funkcje: normy obowiązującej oraz w pewnym stopniu poradnika dla nauczyciela”⁴.

A.C. Ornstein i F.P. Hunkins przytaczają szereg definicji programów nauczania, spośród których na uwagę zasługują te, które definiują program jako:

- plan działania, czyli dokument wskazujący strategię osiągania założonych celów albo rezultatów,
- plan dostarczenia osobie nauczanej uporządkowanego zbioru sposobności do uczenia się,
- uporządkowany zbiór zamiarów formalnego edukowania,
- plan uczenia się, w którym cele określają, czego się uczyć⁵.

A zatem program nauczania będzie stanowił oficjalny dokument, zawierający wytyczne dotyczące treści i sposobu nauczania, zakładający cel, jaki w wyniku tych działań zostanie osiągnięty. Wytyczne te mają na celu ujednoczenie systemu kształcenia językowego, stanowią podporę, wyznacznik dla nauczycieli i uczniów jak również, co podkreśla W. Pfeiffer, dla autorów metodyk i podręczników. W fazie konstrukcji programów konstruktor staje przed wyborem strategii tworzenia programów: optymalnej lub restryktywnej. W optymalnej strategii cele nauczania zależą w dużej mierze od potrzeb społecznych. W związku z takim założeniem, jak twierdzą A.C. Ornstein i F.P. Hunkins, program można kreować albo na wzór i podobieństwo społeczeństwa, albo – wyszedłszy od tego, jakie jest społeczeństwo – wpływać pośrednio na jego kształt⁶. W strategii restryktywnej cele nauczania zależą od z góry ustalonych warunków nauczania⁷. Po ustaleniu celów nauczania rozstrzy-

⁴ T. Woźnicki, *O programach i podręcznikach języków obcych*, PZWS, Warszawa 1967, s. 15.

⁵ A.C. Ornstein, F.P. Hunkins, *Program szkolny. Założenia, zasady, problematyka*, WSiP, Warszawa 1998, s. 142.

⁶ Tamże.

⁷ Tamże, s. 145.

gnąć należy, przy pomocy jakich treści, jakimi metodami i środkami, określone cele mają być realizowane. Następnie konstruktor programu musi zdecydować, w jaki sposób zbudować program. H. Komorowska⁸ wymienia 7 najpopularniejszych wariantów programów nauczania stosowanych w nauczaniu języków obcych:

- Program jako lista treści nauczania.
- Program jako zestaw planowanych czynności pedagogicznych.
- Program jako zestaw zamierzonych efektów pedagogicznych.
- Program jako zestaw pojęć i zadań do wykonania.
- Program jako rejestr doświadczeń.
- Program jako reprodukcja kultury.
- Program jako restrukturyzacja kultury.

Omówieniu trzech pierwszych wariantów programów poświęcono najwięcej miejsca, gdyż one najbardziej przystają do warunków kształcenia akademickiego. W pierwszym ujęciu program rozumiany jako lista treści nauczania to spis, lista haseł i treści nauczania, kręgów tematycznych zaplanowanych i przeznaczonych do opanowania. Nie uwzględnia się w nim czynności pedagogicznych, nie wymienia się tutaj strategii, technik i metod nauczania. Taki program nie zawiera również wskázówek, w jaki sposób dokonać selekcji czy gradacji treści nauczania, nie wskazuje również technik kontroli i oceny. Wskazuje na to, czego się uczyć, ale nie podpowiada, w jaki sposób. Jeśli chodzi o potrzeby konstruktora programu nauczania dla przedmiotu język biznesu – poziom średni na III roku studiów 3-letnich (licencjackich), w tym wariantcie programu brakuje odpowiedzi na dwa pytania: w jaki sposób lub przy pomocy jakich zabiegów dydaktycznych pracować nad akwizycją języka biznesu oraz jakie treści programowe w wyniku tych zabiegów powinny być przyswajane przez studentów. Dwa kolejne warianty opisu programu nauczania opisane przez H. Komorowską w połączeniu z wariantem opisanym powyżej odpowiadają na te dwa pytania. Program jako zestaw planowanych czynności pedagogicznych na pierwszy plan wysuwa zakres materiału, układ, proporcje poszczególnych działów, przedstawia metody i techniki nauczania. Pomimo dokładnego opisu brak w tym wariantcie programu wyszczególnionych treści oraz celów, jakie w wyniku tych zabiegów mają zostać osiągnięte. W tym wariantcie programu metoda jest ważniejsza aniżeli treść. Należy zatem zwrócić uwagę na fakt, iż nawet połączenie obu opisanych typów programu na potrzeby tworzonego programu do nauki rosyjskiego języka biznesu będzie niewystarczające. Trzeci typ programu rozumiany jako zestaw zamierzonych efektów pedagogicznych zwraca uwagę na to, co chcemy osiągnąć, zakłada, że do osiągnięcia określonego celu doprowadza nas wiele dróg. Nie wskazuje jednak, jakimi sposobami i na bazie jakich treści zamierzone efekty mają zostać osiągnięte. Dopiero połączenie wszystkich trzech omówionych powyżej wariantów programów pozwoli nam znaleźć odpowiedzi na następujące pytania:

- Jaki cel zamierzamy osiągnąć w toku nauki?
- Za pomocą jakiej wiedzy i umiejętności możliwe będzie osiągnięcie tego celu?
- W jakiej kolejności należy nabywać wiedzę?
- W jaki sposób należy nabywać tą wiedzę?
- Za pomocą jakich metod, środków i pomocy dydaktycznych należy przeprowadzić proces akwizycji języka?

⁸ H. Komorowska, *O programach w kształceniu ogólnym i zawodowym*, Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2012, s. 32–36.

Twórca programu powinien zacząć swoją pracę od określenia adresata, poziomu szczegółowości programu, jego organizacji, ustalenia programu minimum i maksimum. Poprzez określenie adresata programu należy rozumieć elitarność lub masowość takiego programu. Masowość programu pociąga za sobą i uniwersalność, czyli takie skonstruowanie programu, aby mógł być zrealizowany w różnych warunkach nauczania i w różnych grupach uczących się. Taki masowy program będzie charakteryzował się dużym stopniem ogólności, co pociągnie za sobą minimalizację celów kształcenia. Program elitarny zaś charakteryzuje się wyższym stopniem trudności, poszerzoną listą haseł. W procesie kształcenia przyszłych filologów-rusycystów nie można sobie pozwolić na obniżenie poziomu nauczania czy minimalizację celów, co również stanowi argument przemawiający za wyborem elitarnego programu nauczania. Wybór tego rodzaju programu wymaga od uczącego większej szczegółowości, jednak uznano za stosowne pozostawienie pewnego marginesu swobody umożliwiającego pracę według koncepcji autorskich. Wybór elitarnego programu wiąże się również z opisywanymi przez H. Komorowską zasadami, jakimi należy się kierować przy konstruowaniu programu nauczania, jak na przykład określenie programów minimum i maksimum. Konstruktor zakłada maksymalistyczną zasadę zagospodarowania programowego. Aby uniknąć jednak rozbieżności pomiędzy koncepcją autora programu, a korzystających z niego dydaktyków, ustalono stały trzon programowy materiału obligatoryjnego i pozostawienie pewnego marginesu swobody. Najczęściej spotykany stały lub wspólny trzon przeznaczony do realizacji przez nauczycieli/wykładowców to 60%, a 40% stanowi margines swobody⁹. Rozwiązanie takie, które przyjmuje się za kompromisowe zdaniem G. Ziętali¹⁰, nie wydaje się satysfakcjonujące, zwłaszcza, jeśli na zajęciach z rosyjskiego języka biznesu chcemy osiągnąć jak najlepsze efekty nauczania i przygotować filologów-rusycystów do pracy w biznesie. Biorąc zatem pod uwagę specyfikę zajęć z rosyjskiego języka biznesu, zasadnym będzie odwrócenie tych parametrów i przyjęcie zasady, zgodnie z którą wspólny trzon programowy będzie stanowić 40%, zaś margines swobody 60%. Rozpiętość taka jest najbardziej odpowiednia, gdyż pozostawia większy margines swobody nauczającym i jednocześnie zapewnia zachowanie racjonalności systemów egzaminacyjnych, nie ogranicza mobilności uczących się. Odpowiedni dobór treści nauczania to ważne zadanie programisty, gdyż pozwala na osiągnięcie zaplanowanych celów nauczania. Przy tworzeniu programu nauczania musi on dokonać odpowiedniej selekcji treści nauczania. Za najistotniejsze i najbardziej obiektywne dla potrzeb powstającego programu nauczania do nauki rosyjskiego języka biznesu uznano kryterium przydatności treści, kryterium trwałości wiedzy oraz kryterium potrzeb uczących się. Kryteria te zostały opracowane zgodnie z wytycznymi doboru treści nauczania¹¹. Pierwsze z nich pozwala na uszeregowanie wybranych do programu treści według ich użyteczności na dalszym etapie nauki. Kryterium to stawia na konkretność treści nauczania, które są bezpośrednio powiązane z życiem. Pozwala ono zatem precyzyjnie określić, jakie treści są bezpośrednio przydatne, szczególnie, jeśli mamy do czynienia z przygotowaniem językowym na krótszych kursach zawodowych lub doskonalących, których adresatami

⁹ H. Komorowska, *Konstrukcja ...*, s. 19.

¹⁰ G. Ziętala, *Nauczanie rosyjskiego...*, s. 90.

¹¹ H. Komorowska, *O programach...*, s. 66; A.C. Ornstein, F.P. Hunkins, *Program szkolny...*, s. 272.

jest młodzież albo dorośli użytkownicy języka – pracownicy. Szczególnie ważnym jest umieszczenie w programie nauczania treści, które wykazują szczególną trwałość i tym samym nie ulegają częstym zmianom w związku z postępem wiedzy. Kryterium trwałości wiedzy stanowi pewien kanon wiedzy, którą uczący się mają za zadanie opanować. Ze względu na postawione cele nauczania rosyjskiego języka biznesu za stosowne uważa się zastosowanie kryterium przydatności połączone z kryterium zainteresowań. Nie bez znaczenia przy doborze treści kształcenia pozostają zainteresowania i oczekiwania uczących się. Zdaniem H. Komorowskiej¹², program powinien formułować trzy listy selekcyjne, mianowicie:

- listę zakresów tematycznych,
- listę funkcji komunikacyjnych,
- listę materiału gramatycznego programu¹³.

Lista zakresów tematycznych powinna uwzględniać jednak zalecenia Rady Europy¹⁴, w których znalazły się wytyczne regulujące tematykę, jaka powinna wejść w zakres treści nauczania objętych programem nauczania dla przedmiotu język obcy. Najważniejsze sfery działalności obcojęzycznej to:

- sfera prywatna, w której uczący się funkcjonuje jako osoba indywidualna, skupiająca się na życiu domowym, w rodzinie i wśród przyjaciół, podejmująca takie działania językowe, jak czytanie dla przyjemności, prowadzenie pamiętnika, etc.,
- sfera publiczna, w której dana osoba funkcjonuje jako członek określonej społeczności lub organizacji i podejmuje różne związane z taką rolą działania językowe,
- sfera zawodowa, w której dana osoba podejmuje czynności związane z przyszłym zawodem lub wykonywaną pracą,
- sfera edukacyjna, w której dana osoba podejmuje udział w zorganizowanym kształceniu,
- sfera krajo-, kulturo- i socjoznawcza,
- podstawowe problemy ekonomii i biznesu, rozwinięte i stanowiące główny punkt w programie nauczania rosyjskiego języka biznesu.

W przypadku kształcenia językowego studentów-rusycystów należy przyjąć więcej niż jedną sferę i założyć, że będą one kompatybilne względem siebie. W nauczaniu rosyjskiego języka biznesu należy podkreślić sferę publiczną, do której należą wystąpienia publiczne, na forum grupy, z którymi w toku nauki na studiach uczący się będą mieli do czynienia. Dla studentów na przedmiocie *język biznesu – poziom średniozaawansowany* będzie to sfera przyszłej działalności zawodowej. Sfera indywidualna w działalności językowej rozbudza i wzmacnia motywację uczących się. Zadaniem sfery realizacyjnej jest opisanie realiów i przedstawienie obcej rzeczywistości materialnej. W nauczaniu rosyjskiego języka biznesu będą to: rodzaje spółek handlowych, specyfika gałęzi biznesu, sposób prowadzenia korespondencji handlowej, rodzaj pieniądza, tablice informacyjne, etc. Mimo, iż kultura polska i rosyjska są do siebie zasadniczo podobne, wspomniane elementy pozwalają stworzyć atmosferę obcojęzyczną i okazują się być pomocne w nauczaniu. Wiedza krajoznawcza, która powinna być włączona do programu nauczania rosyjskiego języka

¹² H. Komorowska, *Konstrukcja...*, s. 30.

¹³ Tamże, s. 30.

¹⁴ *Europejski system...*, s. 51.

biznesu, to wiedza o instytucjach gospodarczych w Rosji, geografia gospodarcza tego kraju. Socjoznawstwo natomiast traktuje o zwyczajach, obyczajach, zachowaniach językowych i sytuacyjnych obcej społeczności. Celem opanowania wiedzy w tym zakresie jest próba zrozumienia i swoistej akulturacji, która polega na tym, iż uczący stwarza dla potrzeb zajęć quasi-prawdziwe sytuacje, które pobudzają uczących się do podjęcia komunikacji w trzech jej aspektach, tj. działaniu, interakcji i transakcji¹⁵. Komunikacja w takim ujęciu zakłada zarówno poznanie przedmiotu przekazu (konkretna sytuacja językowa), jak i samego rozmówcy. W przypadku zajęć z rosyjskiego języka biznesu może to być prowadzenie negocjacji handlowych dotyczących np. kupna/sprzedaży towaru lub usługi, podczas przebiegu których studenci wcielają się w określone role i podejmują takie działania językowe, które poprowadzą ich do osiągnięcia zamierzonego efektu. Za najistotniejsze uznane zostały kręgi tematyczne dotyczące zakładania własnych firm, poszukiwania pracy, prowadzenia rozmów telefonicznych, negocjacji biznesowych, korespondencji handlowej, jak również planowania kampanii reklamowej. Warto zwrócić uwagę na fakt, iż w zależności od celów kształcenia i warunków nauczania materiał przedstawiony w programie nauczania można przedstawić na różne sposoby. Przy konstruowaniu programu nauczania zwłaszcza języka specjalistycznego autor winien uwzględnić jednak dwa najważniejsze kryteria: kryterium przydatności wiedzy ze względu na wymogi obecnego lub przyszłego miejsca pracy oraz kryterium potrzeb uczącego się. Dla opracowania konkretnego programu językowego jest rzeczą niezwykłe istotną, w jaki sposób decyzje autora co do wyboru programu nauczania są ograniczone ustaleniami międzynarodowymi, a więc polityką językową.

Literatura

- Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie*, red. H. Komorowska, CODN, Warszawa 2003.
- Gołąbek K., Balandyk P., *Русский язык: культура речи и письма в деловом общении. Język rosyjski w komunikacji biznesowej*, WUJ, Kraków 2012.
- Komorowska H., *Nauczanie języków obcych w kształceniu zawodowym*, [w:] *Problemy komunikacji międzykulturowej. Lingwistyka. Translatoryka. Glottodydaktyka*, red. Z. Kielar, T. Krzeszowski, J. Lukszyn, Graf-Punkt, Warszawa 2000, s. 355–358.
- Komorowska H., *O programach w kształceniu ogólnym i zawodowym*, Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2012.
- Kształcenie językowe w szkolnictwie wyższym*, red. H. Komorowska, Academica, Warszawa 2009.
- Ornstein A.C., Hunkins F.P., *Program szkolny. Założenia, zasady, problematyka*, WSiP, Warszawa 1998.
- Pfeiffer W., *Nauka języków obcych: od praktyki do praktyki*, Wagros, Poznań 2001.
- Siemianowska U., *Terminologia glottodydaktyczna języka polskiego i rosyjskiego*, Wydawnictwo UMK, Toruń 1994.
- Wilczyńska W., *Uczyć się czy być nauczonym? O autonomii w przyswajaniu języka obcego*, PWN, Warszawa–Poznań 1999.

¹⁵ Transakcja – modyfikacja wiedzy, postaw czy zachowania osób uczestniczących w procesie komunikacji. Patrz: J.M. Pomorski, *Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym*, Universitas, Kraków 2012, s. 29.

Woźnicki T., *O programach i podręcznikach języków obcych*, PZWS, Warszawa 1967.

Ziętała G., *Nauczanie rosyjskiego języka biznesu na studiach rusycystycznych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2004.

Теоретические основы программы обучения по деловому русскому

Резюме

Объективной потребностью как преподавателей, так и учащихся в высших учебных заведениях является поиск оптимальных путей организации учебного процесса. В вузах используются разные стратегии обучения. Стоит только правильно определить цели и содержание учебного процесса, которые очень часто детерминируются объективными потребностями большинства слушателей в использовании полученных знаний и умений на практике. Большую методическую помощь в организации любого учебного процесса оказывают программы обучения, учебники и пособия. В настоящей статье автор на конкретных примерах знакомит нас с содержанием программы обучения, а также объясняет, какие критерии предпринять при обработке этого документа. Автор подчеркивает, что языковой материал для программы обучения должен отбираться с точки зрения его максимальной пользы для тех ситуаций общения, с которыми сталкивается студент, и который повышает его мотивацию к учебе.

Ключевые слова: стратегия обучения, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, лингвистика, лингводидактика, социолингвистика, деловой русский, образование, мотивация, учебная автономность, программа обучения.

A Theoretical Background for Establishing the Syllabus of Teaching Business Russian

Abstract

The reform of higher education in the 90s resulted in very deep changes in educational strategies at universities. The encyclopedic way of acquiring knowledge gave way to activating students in creative and imaginative activities. The author of this article tries to define educational goals, to say what a syllabus is and also presents her own syllabus of teaching business Russian for the III year students of Russian Philology at the Jagiellonian University. According to the author of this article, it is necessary to take into account two important criteria while creating a syllabus, especially of teaching a specialized language. Firstly, it is a criterion for usefulness of knowledge in the present or future job. Secondly, it is a criterion for needs of the learner, which depend on the demands of the contemporary world.

Key words: language competence, autonomisation, communication competence, communicative, linguistic, socioculture, sociolinguistic, foreign language professional education, specialized language, educational cooperation, autonomation.

Karolina Gołąbek
magister
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Uniwersytet Jagielloński

Karolina Gołąbek
Master of arts
The Institute of Eastern Slavonic Studies
Jagiellonian University
e-mail: karolina.golabek@uj.edu.pl
+48602886154

Заłączник 1
AUTORSKI PROGRAM NAUCZANIA ROSYJSKIEGO JĘZYKA BIZNESU
W INSTYTUCIE FILOLOGII WSCHODNIOŚLAWIAŃSKIEJ UJ
na poziomie średniozaawansowanym, 30 godzin
na studiach I stopnia dla kierunków:
Filologia rosyjska, Kultura Rosji i narodów sąsiednich
 Mgr Karolina Gołąbek

ТЕМАТИКА НАУЧАНИЯ	ТРЕЌЦИ НАУЧАНИЯ	МАТЕРИАЛ ЛЕКСЫКАЛНО-ГРАМАТЫЧНЫ
<p>1. Фирма и другие коммерческие структуры.</p> <p>Продолжительность: 5 часов</p> <p>Прилагается мультимедийная презентация: Фирма и другие коммерческие структуры</p>	<ul style="list-style-type: none"> • досье компании (название компании и ее адрес); • статус компании (АО, ЗАО, ОАО, СП, ТП, ООО, МП, и т.п.); • регистрационные документы и лицензии; • руководство компании; • цель и задачи компании; • краткая история (резюме); • кадровый состав фирмы; • финансовое положение фирмы; • бренд; • логотип; • рекламный лозунг. 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie terminów: акция, акционер, вклад, вкладчик; биржевая котировка, акции фирмы котируются на бирже, сделка, доход, прибыль, чистая прибыль, фирма, компания, предприятие, концерн, фабрика, материнское предприятие, дочернее предприятие, торговые точки, филиалы, представительства, штаб-квартира, первоначальный капитал, уставной капитал, «ноу-хау», годовой доход, качественные показатели, количественные показатели, товарооборот фирмы, отечественный капитал, зарубежный капитал, внутренний рынок, внешний рынок, физическое лицо, юридическое лицо; • Użycie synonimów: акция-пай, акционер-пайщик, отечественный рынок-внутренний рынок, зарубежный рынок-внешний рынок, штаб-квартира-центральный офис, инвестировать-вкладывать; • Zastosowanie konstrukcji gramatycznych: заниматься (чем?), специализироваться (на чем?), специализироваться в области (чего?), оказывать (что?) широкий спектр услуг, новинка вышла на (что?) на рынок, сотрудничество (на чем?) на взаимовыгодных условиях, менеджер по (чему?) импорту, • Użycie liczebników: годовой доход фирмы составляет двести семьдесят пять миллионов рублей; прибыль фирмы увеличилась на пять процентов, прибыль фирмы уменьшилась на два процента, доход фирмы превышает два миллиарда рублей; по состоянию на первое января расходы фирмы составляют один миллиард рублей, по состоянию на начало года убытки составляют пять миллиардов рублей.
<p>2. Собеседование при приеме на работу. Резюме джобсикера.</p> <p>Продолжительность: 5 часов</p>	<ul style="list-style-type: none"> • пакет документов джобсикера (резюме, биография, анкета специалиста, письмо-просьба, ходатайство с места работы); • собеседование при приеме на работу (устные ситуации); • составление визитной карточки; 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie terminów: работодатель, соискатель, составить резюме, визитная карточка, бейдж, свежее испеченный выпускник вуза, собеседование, рынок труда и зарплаты, пройти собеседование, рекрутмент, деловая смекалка, дресс-код, профессиональная квалификация, карьерный рост, знание ПК, знание оргтехники; • Użycie synonimów: дресс-код – одежный кодекс, выпускник – абитуриент, соискатель – джобсикер, биржа труда – ярмарка вакансий, собеседование – интервью;

<p>Прилагается мультимедийная презентация: Как составить резюме на русском языке. Собеседование с потенциальным сотрудником</p>	<ul style="list-style-type: none"> • беседа на тему: Как первое место работы влияет на развитие карьеры. 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie cech osobowych: целеустремленный, находчивый, стрессоустойчивый, аккуратный, дисциплинированный, асертивный, решительный, мобильный; • Zastosowanie konstrukcji gramatycznych: работать (на чем?) на предприятии, трудоустроиться (куда?) в фирму, отвечать (за что?) за продажу, стремиться (к чему?) к карьерному росту/к цели, следить (за чем?) за качеством, рассматривать/рассмотреть (что?) кандидатуру.
<p>3. Деловые телефонные разговоры.</p> <p>Продолжительность: 4 часа</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Этапы телефонного разговора; • выражения для разговоров по телефону; • сообщение по телефону; • разные деловые ситуации по телефону; • языковые структуры: напр. <i>Будьте добры попросите/позовите к телефону; соедините меня, пожалуйста; к сожалению он/она отсутствует; его/ее нет на месте; что ему/ей передать; перезвоните завтра; у него/у нее приемные часы в первой половине дня; он/она в командировке; я очень рад/-а, что застал/-а Вас; большое спасибо за разговор; жду Вашего звонка; всего хорошего.</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie terminów: провести деловой телефонный разговор, инициатор, собеседник, телефонное собеседование, воспринимать информацию «на глаз», функционал, «поглотитель» свободного времени, телефонный этикет, заказать банкет, договоренность, просрочка платежа, платежеспособный/неплатежеспособный заказчик, помещение «под ключ»; • Zastosowanie konstrukcji gramatycznych: произвести впечатление (на кого?) на работодателя, отдавать/отдать (что?) распоряжения, излагать/изложить (что?) просьбу, предоставлять/предоставить (что?) информацию, звать/позвать (к чему?) к телефону, составить (что?) договор, рассчитывать/рассчитать (на что?) на помощь, обсуждать/обсудить (что?) время встречи, уточнять/уточнить (что?) спорные вопросы.
<p>4. Поездки, командировки, путешествия.</p> <p>Продолжительность: 4 часа</p>	<ul style="list-style-type: none"> • в аэропорту, (заполняем миграционную карточку); • в гостинице, в ресторане, в машине, в офисе); • личные деловые встречи; • благодарность, извинение, приглашение, сообщение новостей, поздравление, просьба; • международная конференция в Санкт-Петербурге (аудирование); • заполняем заявку на участие в конференции (подать заявку, бейдж, размещение в гостинице, проживание, питание); 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie terminów: ручная кладь, расписание дня, мозговой шторм, автомобильный навигатор, портативный накопитель, СКВ, надежный авиаперевозчик, внешняя/внутренняя торговля, переговоры, взаимовыгодные отношения, корпоратив, своевременная поставка, поставщик, прессинг времени, сертификат качества, переговоры, сухопутный/воздушный/морской транспорт; • Użycie zapożyczeń z języka angielskiego: кейс, эйчар, босс, прессинг, проджект-бюджетинг, джетлаг, тим, таймплининг, тимбилдинг, баксы, алженда (агенда), уик-энд; • Zastosowanie konstrukcji gramatycznych: пользоваться/воспользоваться (чем?) мобильным телефоном, обменять/обменяться (что?) рубли на (что?) доллары, общаться (с кем?) с людьми, рассчитывать (на что?) на помощь, принимать/принять (что?) участие, улучшать/улучшить (что?) качество, располагать (чем?) финансовыми ресурсами.

	<ul style="list-style-type: none"> • оплата за номер (наличными, кредитной карточкой, по перечислению...); • деловые обеды, беседы; • предложение помощи; • легкий разговор. 	
<p>6. Внешнеторговая деловая корреспонденция.</p> <p>Продолжительность: 7 часов</p>	<ul style="list-style-type: none"> • общие принципы коммерческой переписки; • виды административных документов; • схема коммерческого письма и его основные компоненты; • простые коммерческие письма: <ul style="list-style-type: none"> - письмо-просьба, - письмо-сообщение, - письмо-приглашение, - письмо-благодарность, - письмо-поздравление, - письмо-подтверждение, - письмо-напоминание. 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie terminów: накладная (авианакладная, ж/д накладная, коносамент), акт приема-передачи, штраф, компенсация, пеня, арбитражный суд, наличный/безналичный расчет, контрагент, конъюнктура рынка, маркировка груза, ИНН, расчетный счет, сберегательный счет, лицевой счет, форс-мажорные обстоятельства, банковский перевод, корпоративный клиент, посредник, снабженец, производитель, экспортер, импортер, торговец, гарант, плательщик; • Zastosowanie konstrukcji gramatycznych: предъявлять /предъявить (что?) штрафные санкции, выгрузить/перегрузить/отгрузить (что?) товар, наносить/нанести маркировку (на что?) на товар, освободять/освободить (от чего?) от ответственности, заверять/заверить (чем?) печатью/подписью, достигать/достигнуть (чего?) договоренности, вносить/вносить (что?) изменения/оговорки (во что?) в контракт, завоевать (что?) рынки сбыта, иметь/потерять (что?) юридическую силу.
<p>7. Реклама – двигатель торговли. Успешный промоушн фирмы.</p> <p>Продолжительность: 5 часов</p> <p>Прилагается мультимедийная презентация: Реклама – двигатель торговли</p>	<ul style="list-style-type: none"> • объяснение термина «реклама»; • цели рекламы; • польза для потребителя; • носители рекламы (радио, телевизор, городской транспорт, живой стенд, выставочные экспозиции, интернет); • виды рекламы (листовка, буклет, рекламный вкладыш, табло, билборд, бегущая строка, брандмауэр, перетяжка, рекламный ролик, спам, и т.д.); • рекламный лозунг; • антиреклама; • план мощной рекламной кампании (<u>работа в группах</u>). 	<ul style="list-style-type: none"> • Użycie terminów: рекламодатель, рекламоноситель, «живой» стенд, ходячая реклама, ролик, буклет, листовка, бегущая строка, пиллар, светодиодный экран, наружка, реклама на средствах транспорта, реклама на асфальте, перетяжка, тривижн, брандмауэр, сити-формат, радиореклама, рекламное объявление, рекламное агентство, рекламный щит, спецэффекты, новинка, прайм-тайм, носители рекламы, телевизор, радио, пресса, Интернет, логотип, целевая группа, реклама-двигатель торговли, потребитель, человек-сэндвич, рынок потребителей; • Zastosowanie konstrukcji gramatycznych: размещать/разместить (что?) рекламу/логотип, обновлять/обновить (что?) ассортимент, оказывать/оказать (на кого?) на клиента/посетителя (что?) сильное психологическое воздействие, стимулировать (что?) определенное эмоциональное состояние, создавать/создать (что?) хорошее впечатление, изучать/изучить (что?) рынок потребителей, увеличить (что?) спрос (на что?) на выпускаемые товары/новинки, получать/получить (что?) полную информацию о товаре, улучшить/ухудшить (что?) настроение, крутить (что?) рекламный ролик, налог (на что?) на рекламу, покупать/купить (во что?) в рассрочку.

*Halina Zajac-Knapik***Błędy interferencyjne studentów
I roku filologii rosyjskiej
w zakresie użycia liczebników
i sposoby ich przewyższania**

W niniejszym tekście definiuje pojęcie błędu językowego, ukazuje stosunek do błędów językowych w ujęciu metod nauczania języka rosyjskiego stosowanych w Polsce, proponuje ćwiczenia w stosowaniu liczebników 2, 3, 4 i liczebników zestawionych z 2, 3 i 4 z rzeczownikami w praktycznym nauczaniu języka rosyjskiego na studiach rusycystycznych, które opracowałam w myśl założeń koncepcji kwantowania informacji lingwistycznej. Prezentujemy także przebieg eksperymentu przeprowadzonego na I roku w grupach eksperymentalnych i kontrolnych oraz wpływające z tego wnioski dla praktycznego nauczania języka rosyjskiego. Na końcu artykułu zamieszczam zestawienie wyników uzyskanych w grupach eksperymentalnych i kontrolnych.

Pojęcie błędu językowego w niektórych opracowaniach glottodydaktycznych

W *Encyklopedii wiedzy o języku polskim* znajdujemy następującą definicję błędu językowego: „nieświadome odstępstwo od współczesnej normy językowej, usankcjonowanej zwyczajem językowym i poczuciem językowym środowisk uznanych społecznie za użytkowników kulturalnej odmiany danego języka narodowego”¹.

W *Encyklopedii językoznawstwa ogólnego* pod redakcją Kazimierza Polańskiego błąd językowy jest definiowany jako: „element tekstu w danym języku niemieszczący się w normie tego języka. Błąd językowy może niekiedy naruszać podstawowe zasady narzucone jej przez system. Jest wówczas oznaką niedostatecznego opanowania języka (...). U rodzimych użytkowników języka błąd powstaje często w wyniku rozszerzonego zastosowania mechanizmów działających w systemie językowym. Pojawia się wtedy zjawisko językowe nieaprobowane przez normę i – z punktu widzenia oceniającego ją z zewnątrz (nieuczestniczącego w akcie komunikacyjnym, do którego zostało wprowadzone) – zbędne. W tym wypadku błąd językowy może być traktowany jako innowacja nieuzasadniona funkcjonalnie. Błędy językowe powstają

¹ *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*, red. S. Urbańczyk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1978, s. 34.

również często pod wpływem czynników zewnętrznych, takich jak zmęczenie (czyli zdenerwowanie)².

Aleksander Szulc pisze: „Spośród bezpośrednich przyczyn powstawania błędów językowych wymienić należy: (a) interferencję wewnątrzjęzykową; (b) interferencję innego języka; (c) interferencję glottopragmatyczną polegającą na nieadekwatnym w stosunku do sytuacji doborze poprawnych form językowych”³.

Agnieszka Pawłowska podjęła próbę zdefiniowania błędu językowego według pięciu kryteriów. Pierwszym z nich jest kryterium poprawności, w myśl którego błąd to „odstępstwo od obowiązującej normy językowej, uchybienie wobec danego systemu językowego, naruszenie reguł dotyczących porozumiewania się i postępowania w danej społeczności”⁴. Drugie kryterium jest uwarunkowane przez lekcję, mianem błędu określa się uchybienie wobec reguł zawartych w podręcznikach oraz w niezależnie od nich istniejących gramatykach oraz uchybienie „wobec reguł utrwalonych w umyśle nauczyciela i wreszcie wobec tego, co nauczający nazwie błędem”⁵. Trzecie to kryterium komunikatywności, zgodnie z którym do błędu dochodzi wówczas, gdy wystąpi nieporozumienie z powodu rozmówcy, a za błąd jest uważane to, czego nie rozumie native speaker. Czwarte kryterium to odpowiedniość do sytuacji (błędy wynikają tutaj z braku kompetencji socjokulturowej). Ostatnie kryterium dotyczy uwzględnienia umiejętności adresata, co powoduje, że błąd jest pojęciem względnym (nauczyciel musi uwzględnić poziom językowy uczniów). Pawłowska twierdzi, że pojęcie błędu jest pojęciem złożonym: „Według jednej definicji dana wypowiedź jest uważana za nieprawidłową, podczas gdy według innej nie wzbudza cienia wątpliwości”⁶.

Błąd językowy w metodyce nauczania języka rosyjskiego (krótki rys historyczny)

Włodzimierz Gałęcki wprowadził do nauczania języka rosyjskiego metodę kombinowaną (mieszaną), zwaną również porównawczą⁷, której zasady zaprezentował w artykułach publikowanych w czasopiśmie „Język Rosyjski” oraz w podręczniku metodyki zatytułowanym *Zasady nauczania języka rosyjskiego*⁸. „Istotą metody porównawczej stanowi porównywanie, czyli świadome zestawianie zjawisk dwu języków celem utrwalenia w pamięci uczniów właściwości języka rosyjskiego, a tym samym wyeliminowania błędów wynikających z mieszania podobnych, lecz nie identycznych zjawisk polskich i rosyjskich”⁹.

² *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, red. K. Polański, Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Ossolineum, Wrocław–Warszawa–Kraków 1993, s. 71.

³ A. Szulc, *Słownik dydaktyki języków obcych*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1994, s. 41.

⁴ A. Pawłowska, *Oblicza błędu językowego*, „Języki Obce w Szkole” 2005, nr 6, s. 84.

⁵ Tamże.

⁶ Tamże.

⁷ Por. H. Zajac, *Ewolucja teorii nauczania języka rosyjskiego w szkole polskiej w latach 1950–2000, cz. I. Metody glottodydaktyczne*, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, Kraków 2008, s. 15.

⁸ W. Gałęcki, *Zasady nauczania języka rosyjskiego. Metodyka (Podręcznik dla szkół wyższych)*, PZWS, Warszawa 1957.

⁹ Por. H. Zajac, dz. cyt., s. 21.

Wszystkie zjawiska i formy gramatyczne języka rosyjskiego Gałęcki zestawia z odnośnymi zjawiskami języka polskiego, dzieląc je na cztery kategorie. Kategoria pierwsza to zupełne analogie językowe, a więc np. identyczność niektórych końcówek deklinacyjnych. Kategoria druga to zjawiska i formy gramatyczne, które zawierają w obu językach pewne podobieństwa, ale też i różnice. Kategoria trzecia to formy zasadniczo różne, zupełnie w obu językach niepodobne. Kategoria czwarta to zjawiska, które w języku polskim w ogóle nie mają odpowiedników¹⁰.

Dla dokonania zestawień i porównań w nauczaniu metodą porównawczą najważniejsze są zjawiska i formy kategorii drugiej, ponieważ w nich uczniowie popełniają najwięcej błędów, przenosząc właściwości języka polskiego na język rosyjski. „Trzeba bowiem pamiętać, że podobieństwo dwóch pokrewnych języków słowiańskich jest ułatwieniem w nauczaniu języka rosyjskiego tylko w pewnym stopniu, gdy chodzi o bierne opanowanie języka: rozumienie tekstu lub mowy (ze słuchu). Natomiast, gdy chodzi o opanowanie czynne, podobieństwo języków raczej przeszkadza, bo uczniowie przez długi czas nie mogą wyzbyć się nawyków ugruntowanych w zakresie swego języka ojczystego, przenosząc je automatycznie na język rosyjski. I właśnie metoda porównawcza, posługując się głównie zestawieniami zjawisk i form tej drugiej kategorii, zmierza w prostej linii do eliminowania błędów”¹¹.

Zdaniem Gałęckiego, stosując w nauczaniu metodę porównawczą, nauczyciel powinien w toku nauczania obserwować, w jakich formach uczniowie najczęściej popełniają błędy wynikające z wpływu języka polskiego i jak najczęściej stosować ćwiczenia na użycie tych właśnie form¹². Prezentuje on zestaw 61 zjawisk drugiej kategorii, przy których uczniowie najczęściej popełniają błędy¹³.

Gałęcki wychodził z założenia, że refleksja stosowana w postaci uświadamiania uczniom poszczególnych form językowych może przyspieszyć ich przyswojenie. Z jego prac metodycznych wynika, że uczniowie opanowują daną formę w szeregu kontekstów, pozwalających na przeprowadzenie uogólnień, uświadamiają ją sobie, a następnie przystępują do ćwiczeń, mających doprowadzić do nawykowego jej stosowania według schematu: teoria – umiejętność – nawyk. Selekcja materiału językowego podlegającego ćwiczeniom jest dokonywana z punktu widzenia potrzeb dydaktycznych, a głównym jej narzędziem jest przeprowadzenie porównań między językiem polskim a rosyjskim. Jak konstatuje Lucyna Korycińska, „Zasada świadomego porównywania zjawisk i wyciągania odpowiednich wniosków legła u podstaw tzw. metody porównawczej. Jej istotę stanowiło nawiązywanie do wiadomości uczniów z gramatyki polskiej oraz zestawianie podobieństw, a zwłaszcza różnic odpowiednich zjawisk gramatycznych w obu językach. Według Gałęckiego, celem metody porównawczej jest eliminowanie błędów wynikających z podobieństwa języka rosyjskiego i polskiego. Zasadniczą rolę w powstawaniu błędów językowych przypisuje Gałęcki wpływowi języka ojczystego”¹⁴.

¹⁰ Zob. W. Gałęcki, *Jak uczyć gramatyki i ortografii rosyjskiej*, PZWS, Warszawa 1963, s. 29.

¹¹ Tamże, s. 29–30.

¹² Zob. tamże, s. 35.

¹³ Zob. tamże, s. 35–42.

¹⁴ Zob. L. Korycińska, *Zagadnienie błędów językowych w polskiej metodyce rusycystycznej*, „Przegląd Rusycystyczny” 1984, nr 1–2, s. 136. Szersze informacje na temat omawianych

Na początku lat 60. koncepcja metodyczna Gałęckiego została zakwestionowana przez metodyków polskich zainspirowanych stosowaną w krajach zachodnich metodą audiolingwalną. Zarzucali oni Gałęckiemu, że stosowanie metody porównawczej sprzyja przyswajaniu przez uczniów wiadomości teoretycznych (wiedzy o języku), a nie zdobywaniu praktycznych sprawności językowych¹⁵.

Termin „metoda aktywna” jest określeniem umownym, stosowanym w Polsce od 1963 roku. „Podawanie nowego materiału, w tradycyjnym rozumieniu tego terminu, nie ma tu w ogóle miejsca. Nowy materiał leksykalny i gramatyczny wprowadza się praktycznie w postaci specjalnie dobranych ćwiczeń. Wszelkie objaśnienia mają charakter uogólnień formułowanych możliwie najkrócej w najstosowniejszym do tego momencie”¹⁶. Jak twierdzi Nomańczuk, drogą porównań nie można nauczyć gramatyki, ponieważ język jest zespołem nawyków mownych¹⁷.

W nauczaniu metodą aktywną kształtowanie nawyków językowych miało się dokonywać poprzez stosowanie ustnych ćwiczeń mechanizujących. W odniesieniu do tych ćwiczeń została sformułowana zasada niedopuszczania do błędów. „Jeżeli ćwiczenia mechanizujące mają zapewnić wykształcenie nawyków językowych, to w toku ich realizacji błędy językowe są niedopuszczalne, bowiem mogłyby one doprowadzić do błędnych nawyków. Błędy popełniane przez młodzież w trakcie takich ćwiczeń świadczą o wadliwym zaplanowaniu i zredagowaniu ćwiczeń oraz o niedostatecznym przygotowaniu uczniów do ich realizacji, a poprawna realizacja ćwiczeń przekracza ich możliwości. Akty mowy, mające zastosowanie w toku mechanizujących ćwiczeń, należy oczywiście odróżnić od spontanicznego i twórczego uczestnictwa uczniów w procesie komunikacji językowej na lekcji, w czasie którego uczniowie popełniają błędy językowe niezależnie od stopnia zaawansowania nauki. Błędy takie nie stanowią większego niebezpieczeństwa, gdyż możliwość ich powtórzenia jest niewielka”¹⁸.

Zachowanie omawianej zasady wiąże się z przestrzeganiem zasady „zachowania jedności struktury językowej w toku ćwiczenia mechanizującego”¹⁹, co wpływa na eliminację ewentualnych błędów w zakresie ćwiczonego nawyku. Wypowiedzi ucznia, zwłaszcza w szkole średniej, powinny stanowić efekt ćwiczeń mechanizujących. „Nie ulega (...) wątpliwości, że w toku takich wypowiedzi uczniowie popełniają błędy, których nie sposób wykluczyć. Błędy takie nie stanowią istotnego niebezpieczeństwa, jeżeli nie poleca się uczniom, aby na nie zwracali szczególną uwagę lub by je rejestrowali na piśmie lub w pamięci”²⁰.

metod nauczania języka rosyjskiego i stosowna bibliografia w tym zakresie znajdują się w monografii: H. Zając, dz. cyt.

¹⁵ Zob. L. Korycińska, dz. cyt., s. 137.

¹⁶ P. Nomańczuk, *Poradnik metodyczny do podręcznika języka rosyjskiego dla klasy V*, PZWS, Warszawa 1963, s. 8 (wyd. II: 1965).

¹⁷ Zob. tamże, s. 65.

¹⁸ L. Grochowski, *Metodyka nauczania języka rosyjskiego*, wyd. III, PWN, Warszawa 1978, s. 57.

¹⁹ L. Grochowski, *O nauczaniu języka rosyjskiego w szkole średniej*, PZWS, Warszawa 1973, s. 23.

²⁰ Tamże, s. 23–24.

Reakcją na dominującą w Polsce w latach 60. metodę aktywną była metoda reproduktywno-kreatywna²¹. Istota metody reproduktywno-kreatywnej polega na „stopniowym przechodzeniu od najprostszych ćwiczeń z wymowy i intonacji oraz od dosłownej reprodukcji tekstu do wszechstronnego opanowania języka rosyjskiego, do twórczości językowej”²². Podstawową zasadą opanowania umiejętności językowych w procesie uczenia się języka obcego jest tekst graficzny i foniczny. Osiągnięcie celu finalnego w nauczaniu i uczeniu się języka obcego jest możliwe poprzez przechodzenie od reprodukcji i transformacji tekstu do wypowiedzi twórczych. „Próby zmuszania uczniów – konstatuje Henzel – do produkowania tekstu obcojęzycznego bez odpowiedniego przygotowania (...) prowadzą nieuchronnie do kaleczenia języka, sprzyjają interferencji, powodują konieczność nieustannego korygowania błędów uczniowskich, co w efekcie wywołuje – poza negatywnymi skutkami o charakterze czysto językowym – również niepożądane zjawiska psychologiczne (zniechęcenie uczniów, zanik motywacji)”²³.

W odróżnieniu od metody aktywnej dopuszczającej twórcze, spontaniczne wypowiedzi uczniów na wczesnym etapie nauczania, metoda reproduktywno-kreatywna postuluje stopniowe, kilkuetapowe przechodzenie od wypowiedzi reproduktywnych do kreatywnych. Henzel uważa, że zmuszanie uczniów do wypowiedzi twórczych przed przyswojeniem sobie przez nich niezbędnych wiadomości z zakresu leksyki i gramatyki²⁴. Henzel jest przekonany, iż w nauczaniu języka liczy się doprowadzenie uczniów do takiego poziomu umiejętności językowych, który zapewniłby możliwość prawidłowego komunikowania się w języku obcym. Według niego, „rzecz nie w tym, aby skłonić uczniów do spontanicznego mówienia, lecz w tym, aby sprawić, by ich spontaniczne wypowiedzi były bezbłędne pod względem artykulacyjnym, akcentuacyjnym, intonacyjnym, leksykalnym, gramatycznym i stylistycznym”²⁵. Przebiegająca konsekwentnie realizacja założeń metody reproduktywno-kreatywnej powoduje, iż uczeń rzadko popełnia błędy i posługuje się niemal wyłącznie poprawnymi formami językowymi.

W latach 70. pojawiły się głosy krytyczne pod adresem dotychczasowych rozwiązań teoretycznych i praktycznych w nauczaniu języka rosyjskiego. Proponowane zmiany opierały się na założeniu, że nauczanie powinno być podporządkowane funkcji komunikatywnej języka²⁶. „Jeżeli język – pisał Tomasz Wójcik – którego się uczymy, nie służy do przekazu i odbioru informacji, jego nauczanie i uczenie się można uważać za bezcelowe”²⁷.

²¹ J. Henzel, *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978, s. 48–55.

²² Tamże, s. 6.

²³ J. Henzel, *Podstawowe założenia metody reproduktywno-kreatywnej*, „Przegląd Ruscystyczny” 1978, nr 3, s. 48.

²⁴ Zob. J. Henzel, *Główne zasady nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, „Język Rosyjski” 1980, nr 2, s. 83.

²⁵ Tamże, s. 87.

²⁶ Zob. L. Korycińska, dz. cyt., s. 140.

²⁷ T. Wójcik, *Na marginesie zjawiska interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1973, nr 1, s. 92.

Kryterium opanowania materiału językowego stanowi umiejętność rozumienia i produkcji tekstu. Zdaniem Wójcika, „stopień opanowania języka nie może być mierzony samą tylko poprawnością lub brakami w opanowaniu tej poprawności, tj. liczbą błędów, ale przede wszystkim umiejętnością przekazu określonych informacji w tekstach (zdaniach) na podstawie zapamiętanego materiału językowego”²⁸.

W latach 80. nową teorię glottodydaktyczną w rusycystyce polskiej przedstawił Władysław Woźniewicz, w myśl której uczniowie na lekcji ćwiczą proste czynności komunikacyjne. Nie mogą istnieć sztywne procedury określające kolejność realizacji poszczególnych rodzajów ćwiczeń, tj. najpierw ćwiczeń przedkomunikacyjnych, następnie quasi-komunikacyjnych i komunikacyjnych. Na lekcji należy kierować się zasadą komunikowania się, natomiast inne działania mają ułatwić realizację tej zasady. Wówczas gdy przypuszczamy, że realizacja czynności komunikowania się może być utrudniona lub gdy w toku jej realizacji pojawią się trudności i towarzyszące im liczne błędy, wtedy „należy koniecznie wykonać określone działania oraz ćwiczenia mające na celu zapobieżenie tym trudnościom lub ich przewyżczenie”²⁹.

Jak twierdzi Hanna Komorowska, podejście komunikacyjne akceptuje błąd językowy. Oto jej wskazania w tej kwestii: 1) niedopuszczanie do pojawienia się błędu w fazie prezentacji nowego materiału językowego, 2) niedopuszczanie do błędów lub natychmiastowa ich korekta w fazie wdrażania i utrwalania materiału językowego (ćwiczenia przedkomunikacyjne ukierunkowane na poprawność wypowiedzi), 3) akceptacja błędu i traktowanie go jako naturalnego elementu procesu uczenia się (ćwiczenia komunikacyjne ukierunkowane na płynność i skuteczność wypowiedzi)³⁰.

Komorowska sugeruje, aby poprawiać błędy językowe w trakcie wypowiedzi, gdy błędy zakłócają jej sens i gdy są rażące lub powtarzające się. Proponuje także skłaniać ucznia do autokorekty oraz wynotowywać najważniejsze błędne formy i następnie po zakończeniu ćwiczenia przećwiczyć z klasą formy poprawne³¹.

Procedury eksperymentalne służące przewyżnianiu błędów w zakresie użycia liczebników

Studentom grup eksperymentalnych zaprezentowano na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego następujące komentarze gramatyczne wraz z kwantami informacji lingwistycznej³² i ćwiczeniami:

1. Komentarz gramatyczny:

Liczebniki *два (две), три, четыре* oraz liczebniki zestawione zakończone na *два (две), три, четыре* (np. 42, 64, 123, 584) łączą się z rzeczownikami rodzaju

²⁸ T. Wójcik, *O wyższą jakość nauczania języka rosyjskiego*, „Przegląd Rusycystyczny” 1981, nr 2, s. 78.

²⁹ W. Woźniewicz, *Metodyka lekcji języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1987, s. 54–55 (wyd. II: 1991).

³⁰ Zob. H. Komorowska, *Metodyka nauczania języków obcych*, „Fraszka Edukacyjna”, Warszawa 2005, s. 85.

³¹ Zob. tamże, s. 85–86.

³² Пор. Я. Генцель, *Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку*, [в:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики*, Материалы конференции МАПРЯЛ, ред. Т. Żeberek, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1996, s. 214–221.

męskiego i nijakiego w formie dopełniacza liczby pojedynczej, zaś z rzeczownikami rodzaju żeńskiego – w formie mianownika liczby mnogiej.

Tabela 1.

dwa trzy cztery	ołówki (Mian. l. mn., rodz. męski)	два три четыре	карандаша (Род. ед. ч., мужской род)
dwa trzy cztery	дрzewa (Mian. l. mn., rodz. nijaki)	два три четыре	деревa (Род. ед. ч., средний род)
две три четыре	книжки (Mian. l. mn., rodz. żeński)	две три четыре	книги (Им. mn. ч., женский род)

Ćwiczenie 1. Podane w nawiasach wyrazy wpisz w odpowiedniej formie.

В нашей кухне 4 (стул) и 2 (стол).....

В этом особняке 2 (этаж)

Подруга подарила мне 3 (книга)

Мой брат купил 3 (билет) в кино.

В нашей группе 4 (студент)и 3 (студентка).....

Этот журнал стоит 2 (рубль)

У моей сестры 2 (ребёнок)

Мне надо отправить 3 (письмо)

На остановке ждут автобуса 2 (мальчик)

2. Komentarz gramatyczny:

W języku rosyjskim po liczebnikach 2, 3, 4 przymiotnik rodzaju męskiego i nijakiego występuje w dopełniaczu liczby mnogiej, a rzeczownik w dopełniaczu liczby pojedynczej.

Tabela 2.

dwa trzy cztery	новые оłówki (Mian.+Mian. l.mn. rodz. m.)	два три четыре	три новых карандаша (Род. mn. ч.+Род. ед. ч., м. род)
dwa trzy cztery	большие деревья (Mian.+Mian. l. mn. rodz. n.)	два три четыре	больших деревьев (Род. mn. ч.+Род. ед. ч., ср. род)

3. Komentarz gramatyczny:

Takie same formy przybierają przymiotniki występujące w bierniku w połączeniach z rzeczownikami nieżywoтными po liczebnikach 2, 3, 4 i liczebnikach zestawionych zakończonych na 2, 3,4.

Tabela 3.

Widzę $\left\{ \begin{array}{l} \text{два} \\ \text{три} \\ \text{четыре} \end{array} \right. \rightarrow \text{новые оłówки}$	Я вижу $\left\{ \begin{array}{l} \text{два} \\ \text{три} \\ \text{четыре} \end{array} \right. \rightarrow \text{новых карандаша}$
Видzę $\left\{ \begin{array}{l} \text{два} \\ \text{три} \\ \text{четыре} \end{array} \right. \rightarrow \text{три duże деревья}$	Я вижу $\left\{ \begin{array}{l} \text{два} \\ \text{три} \\ \text{четыре} \end{array} \right. \rightarrow \text{больших дерева}$
(Bier. + Bier. I. mn. + Bier. I. mn.)	(Вин. + Род. мн. ч. + Род. ед. ч.)

4. Komentarz gramatyczny:

W języku rosyjskim po liczebnikach 2, 3, 4 i liczebnikach zestawionych, zakończonych na 2, 3, 4 przymiotniki i rzeczowniki rodzaju żeńskiego występują w mianowniku liczby mnogiej.

Tabela 4.

dwa $\left\{ \begin{array}{l} \text{piękne dziewczyny} \\ \text{trzy} \\ \text{cztery} \end{array} \right. \rightarrow$ (Mian.+Mian. I. mn rodz. ż.)	два $\left\{ \begin{array}{l} \text{три красивые девушки} \\ \text{три} \\ \text{четыре} \end{array} \right. \rightarrow$ (Им.+Им. мн. ч. ж. род)
dwie $\left\{ \begin{array}{l} \text{три новые książki} \\ \text{три} \\ \text{cztery} \end{array} \right. \rightarrow$ (Mian.+Mian. I.mn. rodz. ż.)	две $\left\{ \begin{array}{l} \text{три новые книги} \\ \text{три} \\ \text{четыре} \end{array} \right. \rightarrow$ (Им.+Им. четыре мн. ч. ж. род)

5. Komentarz gramatyczny:

W języku rosyjskim po liczebnikach 2, 3, 4 oraz liczebnikach zestawionych zakończonych na 2, 3, 4 przymiotniki i rzeczowniki żywotne rodzaju męskiego i żeńskiego przybierają w bierniku formę dopełniacza liczby mnogiej, np.

Tabela 5.

Видzę двух/трех/четырех высоких чłopców. Видzę две/три/четыре ładne dziewczyny.	Я вижу двух/трех/четырех высоких мальчиков. Я вижу двух/трех/четырех красивых девушек.
--	---

Ćwiczenie 2. Podane w nawiasach konstrukcje użyj we właściwej formie.

1. В нашем классе (2) (новая ученица)..... и (4) (новый ученик).....
2. Оля прочитала (2) (интересная книга)
3. У Юры (3) (младшая сестра) и (2) (старший брат).....
4. У Анны Фёдоровны (3) (взрослый сын)
5. На столике лежат (2) (новый журнал)
6. Мы посмотрели (3) (интересный фильм)
7. В нашем классе (2) (хорошая ученица)
8. У Наташи (3) (чёрное платье)
9. У Сони (2) (осенний костюм)
10. Я вижу (2) знакомая женщина

11. Мы увидели (3) известный футболист
12. Они заметили (4) чёрная кошка

Przebieg badań eksperymentalnych i wnioski

Test z zakresu użycia liczebników 2, 3, 4 i liczebników zestawionych z rzeczownikami na 2, 3, 4 został przeprowadzony na terenie czterech uczelni południowej Polski, na próbie 102 studentów w 8 grupach kontrolnych. Test składał się z dwóch ćwiczeń liczących po 10 zdań. W grupach eksperymentalnych badania zostały przeprowadzone na próbie 94 studentów w 7 grupach. Zarówno w pretestach, jak i posttestach zadania były identyczne pod względem formy i treści.

Metodą badawczą zastosowaną przez nas był schemat eksperymentalny typu klasycznego z pretestem i posttestem, z grupą kontrolną. W schemacie tym „zestawia się dwie grupy osób wprowadzając tylko w jednej z nich czynnik eksperymentalny”³³. Zarówno w grupach eksperymentalnych, jak i kontrolnych w pretestach i posttestach przeprowadzone zostały identyczne testy. Przed wprowadzeniem czynnika eksperymentalnego oba ciągi (eksperymentalny i kontrolny)³⁴ zostały poddane badaniu wstępnemu, zwanemu pretestem. Następnie studenci ciągu eksperymentalnego zostali poddani oddziaływaniu zmiennej eksperymentalnej w postaci kwantów informacji lingwistycznej wraz z ćwiczeniami, zaś ciąg kontrolny podlegał standardowemu procesowi dydaktycznemu³⁵. Po zakończeniu działania czynnika eksperymentalnego zostało przeprowadzone testowanie końcowe, czyli posttest.

Pretest badający poziom poprawności w zakresie połączeń liczebników wykazał, że zarówno studenci grup eksperymentalnych, jak i kontrolnych uzyskali dość wysoki wskaźnik poprawności. Jednakże studenci grup kontrolnych uzyskali nieco wyższy wskaźnik poprawności wynoszący 57,1% w porównaniu ze wskaźnikiem uzyskanym przez grupy eksperymentalne, który wyniósł 55,8%. W posttestach studenci grup eksperymentalnych uzyskali w porównaniu ze studentami grup kontrolnych bardzo wysokie wyniki. Ogólny wskaźnik poprawności dla ciągu E wyniósł 91,8%, a dla ciągu K – 66,7%.

Na podstawie analizy wskaźników przyrostu umiejętności zauważamy, że zarówno studenci grup eksperymentalnych, jak i kontrolnych poczynili postępy. Porównanie wskaźników ciągu E (36%) i ciągu K (9,6%) wyraźnie wskazuje, że większy przyrost umiejętności uzyskali studenci grup eksperymentalnych. Różnica między wskaźnikami przyrostu umiejętności dla ciągu eksperymentalnego i kontrolnego wynosi 26,4%, co w sposób jednoznaczny przemawia na korzyść grup objętych nauczaniem eksperymentalnym.

³³ H. Komorowska, *Metody badań empirycznych w glottodydaktyce*, PWN, Warszawa 1982, s. 134.

³⁴ W myśl wskazań Komorowskiej, używam nazw „ciąg eksperymentalny” i „ciąg kontrolny” w skład każdego ciągu może wchodzić wiele grup językowych (zob. H. Komorowska, *Metody badań empirycznych...*, s. 134–135).

³⁵ Por. W. Wilczyńska, A. Michońska-Stadnik, *Metodologia badań glottodydaktycznych. Wprowadzenie*, Wydawnictwo Avalon, Kraków 2010, s. 156.

Przykładowe zestawienie wyników uzyskanych w preteście i postteście

Zestawienie wyników uzyskanych w preteście testu z zakresu fleksji przymiotnikowej i rzeczownikowej w grupach eksperymentalnych (liczba studentów 94) i kontrolnych (liczba studentów 124)

Lp.	Poprawna odpowiedź	Liczba poprawnych odpowiedzi	Błędne odpowiedzi	Liczba błędnych odpowiedzi
1.	с новым другом	194 (83+111)*	с новым другом с новым другом с новой подругом	3 (1+2)** 19 (10+9) 2 (0+2)
		194 (83+111)		24 (11+13)
2.	в высоком здании	173 (72+101)	В высоким здании в высоком здании в высокой здании в высоким зданию в высоким здание в высоком зданию brak odpowiedzi	11 (4+7) 5 (2+3) 3 (2+1) 10 (5+5) 2 (1+1) 7 (5+2) 7 (3+4)
		173 (72+101)		45 (22+23)
3.	в новом сером здании	129 (55+74)	в новым серым здании в новом серым здании в новом сером здание в новом серое здания в новой серей здании в новом серое здани в новым сером зданию в новым серым зданием в новым сером здании в новом сером зданию в новое серое здание в новом серое здание в новой серой здании в новым серым зданию в новую серую зданию в новую серое здани в новым серое здания brak odpowiedzi	20 (11+9) 6 (2+4) 1 (0+1) 1 (0+1) 1 (0+1) 2 (1+1) 4 (3+1) 7 (4+3) 6 (2+4) 6 (3+3) 4 (0+4) 1 (0+1) 10 (3+7) 5 (4+1) 1 (0+1) 1 (0+1) 2 (1+1) 11 (5+6)
		129 (55+74)		89 (39+50)

* W nawiasie podano liczbę poprawnych odpowiedzi w grupach eksperymentalnych i kontrolnych.

** W nawiasie podano liczbę błędnych odpowiedzi w grupach eksperymentalnych i kontrolnych.

Zestawienie wyników uzyskanych w postępie testu z zakresu fleksji przyimiotnikowej i rzeczownikowej w grupach eksperymentalnych (liczba studentów 94) i kontrolnych (liczba studentów 124)

Lp.	Poprawna odpowiedź	Liczba poprawnych odpowiedzi	Błędne odpowiedzi	Liczba błędnych odpowiedzi
1.	с новым другом	206 (90+116)	с новым другом с новыми друзьями с новым другом с новой подругом	4 (0+4) 5 (3+2) 2 (1+1) 1 (0+1)
		206 (90+116)		12 (4+8)
2.	в высоком здании	195 (84+111)	в высоком здание в высоком зданию в высоким зданию в высоким здании	5 (1+4) 13 (5+8) 4 (3+1) 1 (1+0)
		195 (84+111)		23 (10+13)
3.	в новом сером здании	179 (82+97)	в новом сером зданию в новым серым зданием в новым сером здании в новым серым здании в новом серое здании в новым сером зданию в новое серое здание в новом серое здание brak odpowiedzi	15 (5+10) 6 (2+4) 1 (0+1) 4 (2+2) 7 (3+4) 2 (0+2) 1 (0+1) 1 (0+1) 2 (0+2)
		179 (82+97)		39 (12+27)

Literatura

- Encyklopedia wiedzy o języku polskim*, red. S. Urbańczyk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1978.
- Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, red. K. Polański, Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Ossolineum, Wrocław-Warszawa-Kraków 1993.
- Gałęcki W., *Zasady nauczania języka rosyjskiego. Metodyka (Podręcznik dla szkół wyższych)*, PZWS, Warszawa 1957.
- Gałęcki W., *Jak uczyć gramatyki i ortografii rosyjskiej*, PZWS, Warszawa 1963.
- Grochowski L., *O nauczaniu języka rosyjskiego w szkole średniej*, PZWS, Warszawa 1973.
- Grochowski L., *Metodyka nauczania języka rosyjskiego*, wyd. III, PWN, Warszawa 1978.
- Henzel J., *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reprodukcyjno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978.
- Henzel J., *Podstawowe założenia metody reprodukcyjno-kreatywnej*, „Przegląd Rusycystyczny” 1978, nr 3, s. 47–55.
- Henzel J., *Główne zasady nauczania języka rosyjskiego metodą reprodukcyjno-kreatywną*, „Język Rosyjski” 1980, nr 2, s. 81–90.
- Komorowska H., *Metody badań empirycznych w glottodydaktyce*, PWN, Warszawa 1982.
- Komorowska H., *Metodyka nauczania języków obcych*, „Fraszka Edukacyjna”, Warszawa 2005.

Błędy interferencyjne studentów I roku filologii rosyjskiej w zakresie użycia liczebników... [103]

Korycińska L., *Zagadnienie błędów językowych w polskiej metodyce rusycystycznej*, „Przegląd Rusycystyczny” 1984, nr 1–2, s. 133–142.

Nomańczuk P., *Poradnik metodyczny do podręcznika języka rosyjskiego dla klasy V*, PZWS, Warszawa 1963 (wyd. II: 1965).

Pawłowska A., *Oblicza błędu językowego*, „Języki Obce w Szkole” 2005, nr 6, s. 84–88.

Szulc A., *Słownik dydaktyki języków obcych*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1994.

Wójcik T., *Na marginesie zjawiska interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1973, nr 1, s. 8–16.

Wójcik T., *O wyższą jakość nauczania języka rosyjskiego*, „Przegląd Rusycystyczny” 1981, nr 2, s. 71–78.

Woźniewicz W., *Metodyka lekcji języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1987, (wyd. II: 1991).

Wilczyńska W., Michońska-Stadnik A., *Metodologia badań glottodydaktycznych. Wprowadzenie*, Wydawnictwo Avalon, Kraków 2010.

Zajac H., *Ewolucja teorii nauczania języka rosyjskiego w szkole polskiej w latach 1950–2000, cz. I. Metody glottodydaktyczne*, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, Kraków 2008.

Генцель Я., *Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку*, [в:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики*. Материалы конференции МАПРЯЛ, ред. Т. Жебедек, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1996, s. 214–221.

Интерференционные ошибки студентов I курса русской филологии в области употребления имён числительных и способы их преодоления

Резюме

В настоящей статье представляем дефиниции языковой ошибки, отношение к языковым ошибкам в свете методов обучения русскому языку, употребляемых в Польше, презентуем разработанные нами на основании концепции квантования лингвистической информации способы преодоления интерференционных ошибок в области употребления имён числительных на практических занятиях по русскому языку вместе с упражнениями. Представляем также ход эксперимента на I курсе русской филологии и его результаты.

Ключевые слова: языковая ошибка, интерференционные ошибки, методы обучения русскому языку, употребление имён числительных, дидактический эксперимент

Interference Errors of the First Year Russian Philology Students in Applying Numerals and Ways of Overcoming Them

Abstract

In the article, we discuss definitions of a language error, attitudes to language errors according to methods of teaching Russian applied in Poland, and we present prepared by us (on the grounds of concept of language information quantization) ways of overcoming interference errors in applying numerals during practical Russian classes, together with exercises. We also present the course of experiment applied at the first year of Russian philology studies and its results.

Key words: language mistakes, interference mistakes, methods of teaching Russian language, use of numerals, didactic experiment

Halina Zając-Knapik
doktor nauk humanistycznych
Instytut Neofilologii (Filologia Rosyjska)
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

Halina Zając-Knapik, Ph.D.
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
Pedagogical University of Cracow
e-mail: halinaza@o2.pl
+48126626740

Марина Авдонина

Наталья Жабо

РКИ: дискурсивно обусловленная интерпретация специального текста сферы «Гостиничное дело»

Проблематика обучения русскому языку как иностранному включает как собственно лингвистические аспекты, так и вопросы культурологического плана, особенно актуальные в связи с резкими и быстрыми изменениями в российском обществе. Исследования в этой области в последние годы имеют методологической основой понимание процесса обучения языку как части более общей группы профессиональных компетенций, обеспечивающих коммуникацию с соблюдением сложившихся на данный момент культурно-языковых конвенций. Одинаково трудно представить себе межкультурное общение на профессиональные темы без присутствия знаков принадлежности к сообществу профессионалов и определить, как именно эти знаки влияют на успех коммуникации. Мы исходим из положения о том, что все требуемые компетенции по сути своей социальны. Мы разделяем мнение о том, что информационная компетенция предполагает самостоятельную познавательную деятельность, то есть на занятиях по РКИ ставится задача обучить прежде всего способам приобретения знаний из всевозможных источников информации¹.

Цель данной статьи – определить методы и способы эффективной интерпретации и речевого общения в рамках подготовки будущих специалистов в определённой сфере трудовой деятельности, а именно по специальности «Гостиничное дело».

Объектом анализа послужил публицистический текст в форме устного радио-диалога и его скрипт². **Предметом** исследования стали формы

¹ А.В. Хуторской, *Компетентностный подход в обучении*, Изд-во «Эйдос», Москва 2013; А.П. Огурцов, В.В. Платонов, *Образы образования. Западная философия образования. XX век*. Изд-во РХГИ, Санкт-Петербург 2004; И.А. Зимняя, *Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании*, Изд-во «Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов», Москва 2004; М.Ю. Авдонина, Н.Г. Валеева, Н.И. Жабо, С.А. Никитин, *Преимущества информационных компьютерных технологий на занятиях по формированию социокультурной компетенции в курсе РКИ*, Мова, Одеса 2015, № 24.

² «Курс Попапенко. Гостиница как дом», <http://echo.msk.ru/programs/kurs/1725730-echo>.

и приемы анализа лексических единиц, обслуживающих профессиональное общение.

Обращение к означенной форме требует от нас некоторой культурологической преамбулы.

В декабре 2015 года на одном из заседаний секции по экономической безопасности Московского экономического форума прозвучало сжатое, но неожиданно яркое выступление предпринимателя Дмитрия Потапенко³, мгновенно ставшее и продолжающее оставаться очень популярным видеосюжетом. Одним из наиболее очевидных следствий такого медийного успеха стало приглашение выступавшего в качестве ведущего на радиостанцию «Эхо Москвы». В новом цикле передач Д. Потапенко обсуждает существенные составляющие деловой активности в конкретных сферах бизнеса, давая возможность аудитории познакомиться с основными понятиями данной сферы. На беседу приглашаются опытные эксперты, умеющие ввести слушателя в пространство делового общения по выбранной теме. Отметим некоторые особенности такого диалога. Ведущий – компетентный высокообразованный игрок на рынке, хотя и имеющий собственный многолетний опыт деловой активности, но не специалист в данной сфере, что, казалось бы, предполагает значительную степень дистанцированности от обсуждаемых понятий. Однако его поведение не укладывается в этот стереотип. В свою очередь, приглашенный эксперт должен раскрыть секреты бизнеса. Дело ведущего – следить за тем, чтобы речь эксперта оставалась понятной неспециалисту. Диалог воспринимается участниками как игра. Уместно будет провести параллель с философскими диалогами, игровая суть которых проанализирована в главе «Игровые формы философствования» труда Й. Хейзинги: «мудрствование принимает форму благородной игры»; «Диалог – форма искусственная. Это своего рода фикция»⁴.

Основываясь на опыте работы на продвинутом этапе обучения⁵, нами были разработаны указания по подготовке и проведению занятия с использованием этого материала, нового и актуального.

Первым шагом работы преподавателя является выбор текста для анализа. В данном случае основанием послужили следующие позиции: 1) социальная значимость сферы туризма; 2) большое количество рабочих мест в этой сфере для лиц, владеющих иностранными языками; 3) новизна формата; 4) ясность, точность и полнота раскрытия темы; 5) адресация к широкому кругу слушателей.

³ *Диалог мясника с коровой»: бизнесмен разгромил чиновников на форуме в Москве*, <http://www.mk.ru/economics/2015/12/09/dialog-myasnika-s-korovoy-biznesmen-razgromil-chinovnikov-na-forume-v-moskve.html>.

⁴ Й. Хейзинга, *Homo ludens Человек играющий*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 2011, с. 212.

⁵ L.Fast, M. Zwolińska, *Biznesmeni mówią po rosyjsku (Русский язык в деловой среде. Продвинутый уровень)*, Poltext, Warszawa 2004; И.А. Зимняя, *Лингвопсихология речевой деятельности*, Изд-во «Московский психолого-социальный институт», Москва, Изд-во НПО «МОДЭК», Воронеж 2001.

Вторым шагом является лексикологический и стилистический анализ текста и составление глоссария единиц, выражающих понятия, относящиеся к гостиничному делу. По результатам проведенного исследования текста были выявлены несколько типов лексических единиц, деноминирующих одно и то же понятие или явление, имеющих следующие виды стилистической окраски: 1) единицы нейтральные (*средняя стоимость номера*); 2) термины по теме «гостиничное дело» (*управляющий, ценовая чувствительность, белье с резиночкой, хостельное размещение, койко-место, дорма, шведский стол, конкурентоспособное предложение*); 3) единицы профессионального жаргона (*приятные цены, дешевый сон, кошелек, рейтинговать, пятерка, апгрейд позиции, звездочность, общепитовская тема*); 4) единицы административного стиля (*номерной фонд, развитие и рост внутреннего туризма, градообразующие предприятия*); 5) единицы высокого стиля (*некий рудимент, волею судеб*); 6) единицы сниженных стилей: фамильярные (*гостинично-отрасле-образующие предприятия, рубль их двигает, это копейки*), просторечные (*уплочено; пока ты туда доберёшься, что называется, ноги переломаешь; они как бы сами в себе варятся*). Рекомендуем составить список слов и словосочетаний, понятных обучающимся благодаря своему интернациональному характеру (например, *апарт-отель, правильное позиционирование гостиницы, аниматор, развлекательная инфраструктура, фронт-офис менеджер, международный бренд, консьерж*) и список специфических вспомогательных коммуникативных единиц, классифицировав их по функциональному критерию.

Третьим шагом является выявление и сведение в списки наличествующих в тексте (в эксплицитной или в имплицитной форме) понятий и концептов русской культуры. Следует объединить их по возможности в более общие понятия.

Четвертый шаг подготовительного этапа – отбор фрагментов, которые послужат материалом упражнений (сам скрипт – более 47 тысяч знаков, поэтому предъявление оригинального текста без обработки не представляется целесообразным).

Пятый шаг – непосредственно связанный с применением ИКТ – цветовая разметка отобранных фрагментов. Цвет выбирается произвольно преподавателем. Например: голубым выделяем слова и словосочетания административного стиля, зеленым – профессиональный жаргон и так далее. Например, в предложении «*Генеральный менеджер легче находит общий язык с собственником, а он такой буфер между сотрудниками и качеством управления в гостинице, продажами и организацией сервиса и собственником и хотелками собственника*» наглядно выявляются особенности стиля анализируемого диалога: сочетание, и скорее, нарочитый контраст между терминами (*гостиница, генеральный менеджер, собственник, сотрудник, качество управления*), образными выражениями (*находить общий язык, быть буфером*), с одной стороны, и жаргонизмами (*продажи (м.ч.), организация сервиса, хотелки*), с другой стороны.

Шестой шаг – разработка заданий различного типа.

Занятия рекомендуется проводить в аудитории с мультимедиа проектором, чтобы была возможность одновременно аудировать, работать на своих

персональных компьютерах и, в то же время, видеть на большом экране фрагмент скрипта с разноцветными пометами. Приведем образцы примерных заданий.

1. (знаки 1–2000). Обучающиеся получают задание выявить цель радиопередачи. Ответ: *«о предпринимателях и от предпринимателя к предпринимателям»; «об экономике»; «по формальным признакам, о гостиницах»; «обслуживание гостей»*. Эта часть текста комбинирует деноминацию единицами нейтрального стиля, как видно по цитатам, и коммуникативные единицы разговорного стиля. Вычленив приведенные выше простые и понятные части непросто, например: *«О чем я сегодня поговорю? Ну, вроде как бы, по **формальным признакам, о гостиницах**. Хотя, в общем-то, это несколько более широкая тема, эта индустрия связана с **обслуживанием гостей** – это было бы более правильно»*.

2. Обучающиеся получают задание найти в тексте выражение «то есть» и сравнить предыдущий и последующий текст. Таких микроконтекстов в скрипте 31, рекомендуется максимально сохранить их при сокращении текста, так как именно здесь появляется возможность дифференцировать способы объяснения:

- обобщение (например: *«Средняя стоимость номера, загрузка, как она считается – то есть, базовые какие-то показатели гостиничного бизнеса»*);
- оценка (например: *«А если этот процент плохо работает, то тоже можно, в общем, думать, как с этой лавочкой дальше... – То есть, это бесполезное вложение, по сути дела»*; *«Хостелы окупаются от полутора до – выше, выше – трех, пять – это предел. То есть, они в принципе довольно-таки быстро окупаются»*);
- официальные, нейтральные и разговорные синонимичные выражения с оттенками значения (например: *«научить гостеприимству, которое воспитывается с менталом, идет откуда-то из семьи, из поколений и прочего – невозможно. То есть, если человек ненавидит в душе гостей, то ты хоть какими их стандартами, хоть какой системой мотивации, хоть какими KPI, внутренними программами, песнями на завтрак, что угодно – изменить будет невозможно»*);
- номинальные обозначения, полностью тождественных в семантическом отношении (например: *«выхлоп у хостела, по сравнению с гостиницей, в таких помещениях получается гораздо более выгодным. Нет капекса, минимальные инвестиции в оснащение, довольно-таки легкая стоимость для рынка. То есть, спрос начинает как бы более, ну, не знаю, повышенным, что ли, становиться, можно так сказать. И если сравнивать возврат на квадратный метр, он будет выше»*);
- переход от абстрактного к конкретному (например: *«в Европе мы, управляя гостиницами, торговались за цену с разницей в 50 евроцентов. То есть, я поставила цену 47,50 евро за номер или 48»*);
- переход от конкретного к абстрактному (например: *«Ну, значит, будет не Trip Advisor, а будет Островок, который будет рейтинговать, который уже рейтингует, будет Oktogo и так далее. То есть, всякие разные наши сервисы»*).

3. Предлагается найти наборы термин – жаргонизм – общеупотребительное слово (преподаватель произвольно выбирает несколько понятий данной тематики). При выполнении задания цветовое выделение в скрипте будет помогать поиску. Например: «– *В Европе тоже в разных странах стандарты немножко отличаются друг от друга. – Да. Они гуляют, безусловно.*

4. Предлагается определить социальную оценку обозначаемого предмета, содержащуюся в выбранных единицах. Например:

«...с одной стороны, огромное движение, что, вот, нельзя запрещать размещать хостелы в жилых домах! Подождите, ребята, come on, как нельзя? А как можно, если жилой дом, в этом же подъезде живут люди, они никак не разграничены? Если, не приведи господь, там произойдет что-то (возгорание или еще что-то), второго эвакуационного выхода нет, пожарной безопасности нет, спринклерной системы – ничего нет. Это означает, что не только жители гостиницы подвергают себя...– Но пострадают и жители подъезда. – Пострадают жители подъезда, пострадают просто люди. То есть, такие вещи должны быть пресечены.

5. Предлагается выделить единицы с экспрессивной окрашенностью. Например (текст сокращен преподавателем заранее):

«– А если говорить, сколько максимум койко-мест в одной комнате должно быть?

– 12 это предел.– Это уже, по-моему, трэш-трэш получается.

– Просто это зависит от формы комнаты. Потому что, в принципе, хостельное размещение предусматривает, что у человека есть свой закуток, в котором есть своя розетка, иногда свой маленький телевизор, своя индивидуальная подсветка, свой ящик для хранения вещей. То есть, в принципе, ты не зависишь от других людей, ты получаешь за стоимость 450 рублей в сутки или 500... Согласись, это очень комфортная цена для размещения в любой городской истории. При этом это чисто, опрятно, комфортно, с драйвом публичного помещения. Потому что суть хостела – это, кроме дешевого сна, еще некое такое комьюнити, которое образуется. То есть, из-за того, что ты не можешь проводить время в своей дорме, ты всегда выходишь в публичное пространство, в котором ты общаешься, за чашкой кофе знакомишься. Мы встречали одного человечка возраста 60+, который жил в хостеле. Первый вопрос был: а что вы в хостеле? По нему было видно, что он себе может позволить что-то более...

– Тусовка?

– Да. Он сказал: знаете, в моем возрасте очень сложно завести новые знакомства. Я понимаю, что хостел – это самая простая история.

– Там же все-таки, наверное, молодежь больше.

– А ему, видимо, энергетики вот этой не хватает».

6. Предлагается коротко передать суть отрывка.

Например: *Перечислите по пунктам преимущества хостела при аэропорте и условия, при которых им стоит воспользоваться:*

«– Шереметьево, например, обладает отелем хостельного формата и капсульного формата. Такси до города и обратно будет стоить дороже, чем переночевать в комфортных совершенно условиях.

– То есть, Шерема сделала, в общем, капсульную историю.

– Шикарно. При том, что ты можешь совершенно спокойно переночевать в номере, площадь которого 10–11 квадратных метров. Она не предполагает житьё-бытьё, поэтому там все очень компактно. У тебя будет собственный туалет, все будет чистенько, опрятно и шикарно. Есть почасовая аренда, есть блоки, часовые пакеты.

– Ну, переночевать, перекантоваться, если дырка возникает до самолёта, можно».

7. Предлагается найти в интернете происхождение слова *буржуин*, употребленное в тексте восемь раз и определить его контекстуальное значение. Ответ: Это авторский неологизм Аркадия Гайдара из произведения «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» (1933), позднее вошедшем в повесть «Военная тайна»⁶. В той же сказке созданы были и производные *буржуинский*, также употребленное в изучаемом тексте («запретить все буржуинское») и *буржуинство*: «Или нам, мальчишам, сидеть и дожидаться, чтоб буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?». В наше время слово полностью ассимилировано⁷ и вошло во все словари как шутовское обозначение богача. Однако в изучаемом тексте *буржуинский* обозначает «западный, зарубежный», выражение у *проклятых буржуинов* является прямой цитатой первых строк сказки: «В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш. В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов».

Таким образом, используя в качестве образца предлагаемое примерное занятие, можно выработать навыки семантизации новой специальной лексики и тех оборотов, которые присущи языку экспертов в данной области. Необходимо помнить о том, что стратегия обучения вполне допускает и даже предполагает известную переработку материала в соответствии с уровнем обучающихся.

Литература

Авдоница М.Ю., Валеева Н.Г., Жабо Н.И., Никитин С.А., *Преимущества информационных компьютерных технологий на занятиях по формированию социокультурной компетенции в курсе РКИ*, «Мова» 2015, № 24, с. 122–126.

Варламов Д.В., *Как научиться богатеть. Секреты буржуина*, Изд-во «Питер», Санкт-Петербург 2009.

Гайдар А.П., *Повести, рассказы, фронтовые очерки*, т. 2. Изд-во «Директ-Медиа», Москва 2014.

Диалог мясника с коровой : бизнесмен разгромил чиновников на форуме в Москве, <http://www.mk.ru/economics/2015/12/09/dialog-myasnika-s-korovoy-biznesmen-razgromil-chinovnikov-na-forume-v-moskve.html>.

⁶ А.П. Гайдар, *Повести, рассказы, фронтовые очерки*, т. 2, Изд-во «Директ-Медиа», Москва 2014, с. 55.

⁷ Д.В. Варламов, *Как научиться богатеть. Секреты буржуина*, Изд-во «Питер», Санкт-Петербург 2009.

Зимняя И.А., *Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании*, Изд-во «Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов», Москва 2004.

Зимняя И.А., *Лингвopsихология речевой деятельности*, Изд-во «Московский психолого-социальный институт», Москва; Изд-во НПО «МОДЭК», Воронеж 2001.

Курс Потапенко. *Гостиница как дом*, <http://echo.msk.ru/programs/kurs/1725730-echo>.

Огурцов А.П., Платонов В.В., *Образы образования. Западная философия образования. XX век*, Изд-во РХГИ, Санкт-Петербург 2004.

Хэйзинга Й., *Homo ludens. Человек играющий*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 2011.

Хуторской А.В., *Компетентностный подход в обучении*, Изд-во «Эйдос», Москва 2013.

Fast L., Zwolińska M., *Biznesmeni mówią po rosyjsku (Русский язык в деловой среде. Продвинутый уровень)*, Poltext, Warszawa 2004.

РКИ: дискурсивно обусловленная интерпретация специального текста сферы «Гостиничное дело»

Резюме

Статья посвящена методическим вопросам построения занятия по русскому языку как иностранному на продвинутом этапе. Обсуждаются этапы подготовки преподавателя к занятию по интерпретации текста по специальности «гостиничное дело». Выделяются критерии выбора текста радиопередачи «Курс Потапенко». Определяются типы лексических единиц, обеспечивающих профессиональное общение. Особенностью обработки текста является цветовая разметка. Результатом исследования является разработка заданий с ключами для практических занятий с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), интерпретация специального текста, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), термины, гостиничное дело, аудиотекст, скрипт радиопередачи.

Teaching Russian as a Foreign Language: Interpretation of Texts of a Special Sphere “Hotel Industry” Due to the Peculiarities of Discourse

Abstract

The article is devoted to methodological issues of constructing lessons on Russian as a foreign language at the advanced stage. We discuss the stages of teacher’s activity preparing a training of the interpretation of texts in the field of the hotel industry. The criteria for choosing the broadcast “Course Potapenko” are outlined. The types of lexical units, providing professional communication are determined. The feature of word processing is the color marking. As a result of the study a series of tasks with answer key for practical lessons using ICT has been provided.

Key words: Russian as a foreign language, interpretation of a special text, information and communication technologies (ICT), terms, Hotel Industry, broadcast audiotext and script.

Марина Авдонина
кандидат психологических наук,
доцент кафедры иностранных языков Экологического факультета
Российский университет дружбы народов

Marina Avdonina, Ph.D.,
Candidate of Psychology,
Associate professor of Foreign Languages Department of the Ecological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
e-mail: mavdonina@yandex.ru
+74997486003

Наталья Жабо
кандидат филологических наук,
старший преподаватель, зав. секции немецкого и французского языков
кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института
Российский университет дружбы народов

Natalia Zhabo, Ph.D.,
Candidate of Philology,
Senior Lecturer, Head of German and French Section of Foreign Languages Department
of Agrarian Technological Institute
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
e-mail: lys11@yandex.ru
+74957873803

*Наталья Арефьева**Ирина Черновалюк*

Основные принципы языковой подготовки иностранных учащихся в образовательном пространстве университета

Международная деятельность Одесского национального университета имени И. И. Мечникова как одного из старейших классических вузов Украины является одним из приоритетных направлений развития университета. В рамках многоплановой и разнообразной международной деятельности университета предусмотрены перспективные образовательные проекты и образовательные программы обучения иностранных граждан. Основу любого учебно-научного проекта, разработанного для иностранцев, составляет курс обучения языку, который для иностранного учащегося является средством и возможностью овладения определенной образовательно-квалификационной программой университета. И в этом плане роль и значимость языковой подготовки иностранных учащихся велики, а в связи с современными требованиями, предъявляемыми к уровню подготовки квалифицированных иностранных специалистов, неизмеримо возрастают.

Языковая подготовка иностранных граждан в ОНУ имени И.И. Мечникова осуществляется на кафедре языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев. За 45-летний период насыщенной плодотворной работы кафедрой накоплен огромный практический опыт, который еще предстоит обобщить и систематизировать. В течение указанного периода на кафедре закладывались, развивались и совершенствовались основные обще- и лингводидактические принципы, которыми руководствуются сотрудники кафедры в своей педагогической деятельности, а также традиции педагогического взаимодействия и сотрудничества, межличностных отношений и важнейшие общечеловеческие ориентиры и ценности, являющиеся кладезем духовности и в наши дни.

Кафедра языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев сегодня – это общеуниверситетская кафедра ОНУ, входящая в состав Института международного образования и Управления международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности. Она имеет необходимый потенциал и опыт для обеспечения качественной языковой подготовки иностранцев в различных видах и формах, ориентированных на практические результаты

обучения. Сегодня кафедра является ещё и тем прочным фундаментом, на котором осуществляются научные исследования и основываются достижения филологической мысли в русле антропоцентрической парадигмы, интернационализации и гуманизации образовательного пространства. Гуманизация в сфере образования предполагает создание условий, направленных на формирование личности, развитие способностей человека и его самореализацию, основанных на уважении к человеку и вере в него, на характере взаимодействия с людьми и окружающей средой, т.е. в центре внимания находятся общечеловеческие ценности¹.

Кафедра обеспечивает языковую подготовку в русле самых разных направлений и в соответствии с программами, разработанными для иностранных учащихся разных уровней, этапов, профилей обучения на основе ведущих общих и лингводидактических принципов, образовательных стандартов, современных концепций, методов и приемов, учитывающих профессиональную направленность будущих специалистов. С целью совершенствования учебного процесса преподавателями кафедры разрабатываются и обновляются программы обучения русскому / украинскому языкам для иностранных бакалавров, магистрантов, аспирантов, стажеров, а также для иностранных граждан-слушателей подготовительного отделения.

Приоритетными направлениями научной деятельности кафедры являются исследование актуальных проблем теории и методики преподавания русского / украинского языков как иностранных, определение структуры, содержания и организации процесса обучения иностранных граждан, теоретическое обоснование и практическое внедрение новейших технологий обучения. Научная тема кафедры «Совершенствование приемов и способов обучения иностранцев украинскому / русскому языкам в профессиональных целях» предусматривает плановую и системно организованную научно-исследовательскую работу в течение пятилетнего периода. Научное исследование осуществляется в плане разработки теоретических положений и их практической реализации, а также внедрения в учебный процесс новейших научных и методических достижений. Результаты научных исследований регулярно апробируются на отечественных и международных научно-практических конференциях и методических семинарах, публикуются в научных специализированных и методических изданиях т.д. Цель научно-исследовательской работы – усовершенствовать приемы и способы обучения иностранцев русскому / украинскому языкам в профессиональных целях. Стратегической задачей этой работы является исследование путей совершенствования уровня владения иностранными слушателями, студентами, стажерами, магистрантами и аспирантами русским / украинским языком и «формирование гармоничной вторичной языковой личности»².

¹ С.В. Иванова, *Гуманизация образования: цели, задачи, условия*, «Ценности и смыслы» 2010, № 2, с. 91.

² В.В. Дубичинский, А.М. Тростинская, Н.И. Ушакова, *Концепция языковой подготовки иностранцев в вузах Украины*, Изд-во «Харьковский нац. ун-т им. В.Н. Каразина», Харьков 2011, с. 140.

Кафедра, продолжая традиции всестороннего научно-методического описания приемов и способов обучения иностранцев русскому (украинскому) языку, рассматривает следующие приоритетные исследовательские направления: анализ прикладных, в том числе поисковых исследований в области русского / украинского языков как иностранных и методики их преподавания; сокращение путей внедрения результатов научного поиска в практику преподавания. В рамках этой проблемы решаются такие задачи, как совершенствование языковой подготовки, развитие умений и навыков работы с научной литературой, а также умений и навыков вести профессионально направленную беседу на русском языке, формирование не только лингвистической, коммуникативной, социокультурной, общеобразовательной, но и профессионально ориентированной компетенции иностранцев; отбор и обработка материала, когда появляется возможность творческого использования изученной лексики и грамматики при решении новых коммуникативных задач в сфере профессионально ориентированного общения. Разработанные итоговые материалы являются одновременно научными, методическими, справочными и учебно-методическими материалами / пособиями для иностранцев, изучающих русский язык, и преподавателей.

В основу научной концепции исследования положен интегративный культурологический коммуникативно-деятельностный подход, поскольку, по меткому выражению ведущих филологов-методистов, отличительной чертой современной методики преподавания иностранных языков является, с одной стороны, стремление максимально приблизить условия учебного процесса к условиям естественной коммуникации³, а с другой стороны, «на современном этапе развития методики наблюдается интеграция различных методов обучения, при повышенной заинтересованности преподавателей и методистов к обучению речевому общению в процессе диалога культур и использование для достижения этой цели новейших информационных и телекоммуникационных технологий»⁴.

Изучение проблем обучения профессионально ориентированной речи проводится комплексно на основе продуктивных явлений в практической грамматике, лексике, фонетике, идиоматике, лексикографии. Разработка вышеназванных исследовательских направлений предусматривает кооперацию научных усилий, опору на практический опыт преподавателей и авторские работы. Так, методически обоснован и разработан комплекс упражнений по обучению иностранных студентов научному стилю речи на материале аутентичных и адаптированных профессионально ориентированных текстов. Предложены тексты по специальности и задания, удовлетворяющие коммуникативные и познавательные потребности, способствующие развитию устной и письменной речевой деятельности в сфере научного общения.

В настоящее время коллектив кафедры плодотворно работает над четвертым этапом научного исследования «Изучение общих вопросов

³ *Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включённое обучение)*, Изд-во «Русский язык», Москва 1990, с. 34.

⁴ А.Н. Щукин, *Методы обучения в истории преподавания русского языка как иностранного (теория и практика)*, «Чуждоезиковое обучение», София 2013, с. 116.

методики обучения лексикологии и фразеологии на факультативных занятиях». Полученные научные результаты находятся в соответствии с основными положениями современной научно-методической концепции языкового образования, которая заключается в коренном изменении научной, методической и методологической парадигм, а именно в том, что изучение языка является средством получения профессионального образования и развития личности, способной вести диалог культур⁵. С учётом результатов современных лингвокультурологических и этнолингвистических исследований на кафедре активно разрабатывается двуязычный русско-украинский культурологический словарь фразеологизмов для иностранной аудитории, который гармонично дополнит курс «Лингвокультурология» как неотъемлемую составляющую учебного процесса.

Только за последний год результаты научно-методических исследований представлены в материалах целого ряда научных статей, опубликованных в научных специализированных изданиях по актуальным проблемам теории и методики преподавания русского и украинского языков как иностранных, в том числе «Реализация принципов лингвострановедения в практике преподавания русского языка как иностранного», «Особенности обучения специальной лексике студентов-иностранцев по специальности «Компьютерные системы и сети», «Средства интенсификации изучения русского языка студентами-иностранцами экономических специальностей с помощью текстов профессиональной направленности», «Изучение иностранными студентами украинских драматических произведений и песен», «Русско-украинские культурные корреляции в проекте создания культурологического словаря фразеологизмов для иностранной аудитории», «Профессионально ориентированная программа обучения РКИ бакалавров сферы туризма», «Культурологическая направленность обучения РКИ», «Гастрономический код русско-украинской культуры в аспекте языковой подготовки иностранцев (на материале фразеологии)» и другие.

Работа кафедры осуществляется в направлении формирования необходимого современного учебно-методического обеспечения. За последний период на кафедре подготовлен и издан целый ряд методических пособий и рекомендаций, в частности, практическое пособие по русской фразеологии в аспекте обучения лингвокультурологии, методическое пособие по русскому синтаксису, методические рекомендации по реферированию научного текста для иностранных студентов старших курсов, магистрантов и аспирантов, программа кандидатского экзамена по русскому языку для иностранных аспирантов, методические рекомендации для проведения собеседования по русскому языку, предназначенные для иностранных учащихся, поступающих в ОНУ имени И.И. Мечникова и многое другое.

Современной концепцией высшего образования в Украине предусмотрено обязательное проведение вступительного собеседования для абитуриентов, в том числе и иностранцев. Для иностранных абитуриентов собеседование проводится в соответствии с избранной ими специальностью в рамках образовательно-квалификационной программы и языком обучения.

⁵ В.В. Дубичинский, А.М. Тростинская, Н.И. Ушакова, *Концепция языковой...*, с. 140.

Собеседование для иностранных абитуриентов проводится с целью определения базовой языковой подготовки, необходимой для успешного освоения образовательно-квалификационных программ, а также дальнейшей учебно-профессиональной деятельности. С целью методического обеспечения подготовлены программы вступительного собеседования по русскому языку для иностранных бакалавров, специалистов, магистрантов и аспирантов, разработаны требования к уровню речевого владения, тематика и ситуации общения, критерии оценивания ответов иностранных абитуриентов, задания для самостоятельной работы, необходимый языковой и текстовый материал. Для проведения вступительного собеседования по русскому языку для иностранцев, которые планируют пройти обучение в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова по образовательно-квалификационным программам подготовки бакалавров, специалистов и магистров, подготовлены и изданы методические рекомендации.

Системно организована и усилена учебно-методическая работа в плане подготовки необходимого методического обеспечения для проведения государственного экзамена по русскому языку для иностранных бакалавров, который является завершающим этапом обучения и традиционно проходит в конце седьмого семестра. С целью подготовки к экзаменационным испытаниям разработана программа государственного экзамена по украинскому / русскому языкам, требования к уровню подготовки иностранных бакалавров, методические материалы, экзаменационные задания, критерии оценивания ответов и т.д.

В рамках усовершенствования системы языкового обучения предусмотрено углубленное изучение различных аспектов языка с учетом коммуникативных потребностей иностранца, что вызвало необходимость разработки целого ряда спецкурсов в соответствии с учебными планами и программами обучения. Так, за последний период были представлены программы спецкурсов, большая часть которых активно внедряется в учебный процесс, поскольку они апробированы в аудитории, а их эффективность доказана на практике. Коллективом кафедры разработаны учебные программы спецкурсов с аннотациями: «Изучаем синтаксис», «Эстетика художественного текста», «Детская литература: лингвостилистический анализ текста, адресованного детям» для стажеров-филологов, «Практика перевода» для магистров нефилологического профиля, «Русская фразеология» для стажеров-филологов, магистрантов и аспирантов гуманитарного профиля, «Теория и практика научной речи» для аспирантов, магистрантов и студентов старших курсов нефилологического профиля, «Методика преподавания русского языка как иностранного», «Поэзия русского символизма» для стажеров-филологов, «Практикум по русскому языку делового общения (с комментариями на английском языке)», «Фонетика русского языка: корректировочный курс» для студентов, магистрантов и стажеров и др. Спецкурсы дают возможность студентам, магистрантам, аспирантам и стажерам получить более глубокие знания в интересующей их области практической лингвистики, стилистики и литературы. Так, к примеру, спецкурс «Русская фразеология» знакомит иностранных учащихся с фразеологическим богатством русского языка, предусматривает

изучение фразеологии как одного из способов «погружения в культуру», т.е. наряду с обстоятельным изучением всех грамматических категорий фразеологизмов, иностранные учащиеся в процессе обучения не только смогут практически овладеть представленным фразеологическим материалом, свободно применять фразеологизмы как в устной, так и письменной речи, но и получить (расширить) знания о культурных традициях, менталитете и «языковой картине мира» славян, глубже заглянуть в душу украинского и русского народов. В основу предлагаемого спецкурса положена авторская концепция, согласно которой изучение фразеологического материала осуществляется в свете лингвокультурных кодов.

В рамках спецкурса «Теория и практика научной речи» иностранные бакалавры, магистранты и аспиранты знакомятся с особенностями научной речи и правилами построения научного текста, учатся контактировать в устной и письменной формах в соответствии с правилами и нормами русской научной коммуникации. В процессе обучения иностранных учащихся старших курсов достижение научной цели становится приоритетным, что обусловлено необходимостью выполнения индивидуального научно-исследовательского задания, участия в обсуждении научных проблем, защиты квалификационной работы и выражается в целенаправленном развитии научных интересов в области избранной специальности. С целью формирования необходимых знаний и умений в сфере научной коммуникации вниманию иностранных учащихся предлагаются образцы и фрагменты научной и научно-популярной прозы, что дает возможность дифференцировать жанровую стилистическую составляющую и анализировать особенности функционирования наиболее типичных конструкций и моделей в научном тексте. С целью активизации творческого потенциала и организации когнитивно-коммуникативной деятельности, обмена информацией и мнениями, выражения собственного мнения и его аргументации, в качестве тем, предлагаемых для подготовки творческой работы – эссе, представляется целесообразной работа с образными и емкими высказываниями великих ученых о науке и ее роли в жизни общества, научной деятельности и научных открытиях. Так, например, высказывания выдающегося русского ученого – физиолога, основателя крупнейшей физиологической школы И.П. Павлова «*Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не могло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь*»⁶ и «*Наука требует от человека всей его жизни. И если бы у вас было бы две жизни, то и их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека*»⁷ можно рассматривать в качестве индивидуального задания, темы для обсуждения и размышления, информативной основы, стимула для организации и проведения беседы, диспута и т.д.

Кафедра сегодня обладает достаточно мощным научным и педагогическим потенциалом. Преподаватели кафедры активно работают над диссертационными исследованиями на соискание ученых степеней кандидата и

⁶ И.П. Павлов, *Полное собрание сочинений*, т. 1: *Письмо к молодежи*, Изд-во «Академия наук», Ленинград 1951, с. 22.

⁷ См. там же, с. 23.

доктора филологических наук. С целью повышения профессионального уровня проводится плановое повышение квалификации (стажировка) на базе ведущих кафедр языковой подготовки и обучения иностранцев вузов города; преподаватели принимают активное участие в работе постоянно действующих методических и научно-методических семинаров, в том числе в формате дистанционного обучения, в обсуждении научных и методических вопросов, рассматриваемых на заседаниях учебно-методической комиссии ИМО.

Важным направлением деятельности кафедры является воспитательная работа с иностранцами, которая отличается культурологической направленностью и заключается в ознакомлении и приобщении иностранных учащихся к мировой и национальной культуре. Культурологический компонент в практике обучения русскому языку иностранных учащихся реализуется в системе организации воспитательной работы и предполагает работу с учебно-методическими материалами, содержащими информацию о стране (городе) и культуре, о важнейших достижениях в области искусства (живописи, скульптуры, музыки, балета), литературы, науки, архитектуры, о духовных ценностях и культурных традициях. Традиционным видом работы стало проведение тематических, музыкально-поэтических и литературных вечеров, ознакомительных экскурсий по городу, посещение музеев, театров, выставочных и концертных залов. Так, прошлый год вошел в историю города как год культуры и духовности, в рамках которого проходили масштабные культурные мероприятия. Иностранцы с большой заинтересованностью и желанием относятся к посещению культурных мероприятий и приобщению к высокому миру искусства. Ознакомление с культурной жизнью в системе культурологического компонента языковой программы обучения иностранцев является одной из актуальных методических задач и направлено в целом на формирование современной языковой личности, развитие ее культурного уровня и воспитание эстетического вкуса.

Таким образом, рассмотренные выше направления и аспекты языковой подготовки иностранцев свидетельствуют о значительном научно-методическом опыте, который силами преподавателей кафедры обогащается, приумножается и развивается в соответствии с современными тенденциями высшего образования в целом и общеевропейскими рекомендациями по языковому образованию. Подтверждением реальных достижений кафедры является колоссальный объем научной, методической, воспитательной и организационной работы, выполняемой на кафедре в последнее время, что является бесспорным показателем мощного потенциала и поступательного профессионального развития. Усовершенствованные приемы и способы обучения русскому/украинскому языку способствуют не только подготовке высококвалифицированных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда, но и воспитанию высокоразвитой личности с вполне сформировавшимися навыками межкультурной коммуникации. Конечные результаты научного исследования и их практическая реализация, совершенствование методической работы и педагогического мастерства, современный подход к учебному процессу с учетом изменившейся цели языкового образования, предусматривающей развитие многоязычной личности, направлены на повышение

профессионального уровня, качества языковой подготовки иностранных учащихся и оптимизацию образовательного процесса в целом.

Литература

- Дубичинский В.В., Тростинская А.М., Ушакова Н.И., *Концепция языковой подготовки иностранцев в вузах Украины*, Изд-во «Харьковский нац. ун-т им. В.Н. Каразина», Харьков 2011, с. 136–146.
- Иванова С.В., *Гуманизация образования: цели, задачи, условия*, «Ценности и смыслы», Москва 2010, № 2, с. 91–117.
- Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включённое обучение)*, под ред. А.Н. Щукина, Изд-во «Русский язык», Москва 1990.
- Павлов И.П., *Полное собрание сочинений*, т. 1: *Письмо к молодежи*, Изд-во «Академия наук СССР», Ленинград 1951.
- Щукин А.Н., *Методы обучения в истории преподавания русского языка как иностранного (теория и практика)*, «Чуждоезиковое обучение»: научно-методическое списание, София 2013, № 4, с. 107–118.

Основные принципы языковой подготовки иностранных учащихся в образовательном пространстве университета

Резюме

В статье освещается многолетняя и разносторонняя научно-педагогическая деятельность кафедры. Обобщается накопленный научно-методический опыт работы. Представлены результаты работы педагогического коллектива за последний период. Рассмотрены основные направления и аспекты языковой подготовки иностранцев, обучающихся в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова, и обозначены перспективы развития кафедры. Научная деятельность представлена в рамках научного проекта и научной темы «Усовершенствование приемов и способов обучения иностранцев украинскому (русскому) языку в профессиональных целях», утвержденной Министерством образования и науки Украины и успешно выполняемой на кафедре Института международного образования.

Ключевые слова: кафедра языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев, методика преподавания русского / украинского языков как иностранных, программы обучения, профессионально ориентированное обучение, культурологический поход, научно-исследовательская работа.

The Main Principles of Linguistic Training of Foreigners in the Education Space of the University

Abstract

In this article the experience of the chair's work is generalized. The results of scientific and pedagogical staff for the last period are represented. The main directions and prospects of development of the chair are delighted. The research work under this project and scientific theme «Enhancement of techniques and methods of Russian and Ukrainian languages teaching of foreigners for professional purposes» approved by Ministry of Educational and Science of Ukraine is considered.

Key words: chair of linguistic and general humanitarian training of foreigners, teaching methods of Russian and Ukrainian languages, teaching programs, professionally oriented teaching, culturological approach, research work.

Наталья Арефьева
кандидат филологических наук
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Natalia Arefieva
Candidate of Philological Sciences
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua
+380958663287

Ирина Черновалюк
Кандидат филологических наук, доцент
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Iryna Chernovalyuk
Candidate of Philological Sciences
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: iran62@mail.ru
+380951798037

Spis treści / Contents

<i>Halina Chodurska, Dorota Dziewanowska, Barbara Stawarz</i> Od redaktorów / From the Editors	3
Pamięci dr Stelli Goldgart	5
Языкознание /Linguistics	
<i>Iwona Parał</i> Marcin Rychlewski, <i>Zapiski semiotyczne</i> , Wydawnictwo Naukowe Katedra, Gdańsk 2014, 260 s.	6
<i>Виктория Горбань, Наталия Собченко</i> Морфологические суггестемы рекламного дискурса в русскоязычных СМИ Morphological Suggestems of Advertising Discourse in the Russian Media	11
<i>Елена Зеленица</i> Лингвокультурологическая интерпретация концепта <i>хлеб и соль</i> Interpretation of the „Bread and Salt” Concept from the Point of View of Cultural Linguistics	19
<i>Галина Яроцкая</i> Аксиолингвистические аспекты концептуализации закона и справедливости в русском языковом сознании Linguistic and Aksiological Aspects of the Resivietization of Verbal Consciousness in Modern Russian	23
Литературоведение /The Study of Literature	
<i>Кристина Корнеева</i> Реализация концепта «Слово» в поэзии Зинаиды Гиппиус The Implementation of the Concept «Word» in Zinaida Gippius' Poetry	30
<i>Нина Раковская</i> Модель критической рефлексии Константина Леонтьева Model of Critical Reflection of Konstantin Leontyev	39

Нурғали Сыздықбаев

Этико-философские воззрения Чингиза Айтматова
в призме мифопоэтики

Chingiz Aitmatov's Ethical and Philosophical View Sin
the Realm of Mytho-poetics

49

Светлана Фокина

Идентификация авторства в сетературе.

К вопросу о диалоге дискурсов в рамках лирического текста
Identification of Authorship in Electronic Literature.

To a Question of a Dialog of Discourses Within the Lyrical Text

58

Глоттодидактика /Glottodidactics**Дорота Дзевановская**

Фонетическая правильность речи как основа
адекватного участия в речевой коммуникации
(на материале обучения студентов-филологов
русской артикуляции и интонации)

Phonetic Correctness of Speech as the Basis
of Adequate Participation in Speech Communication
on the Material of Teaching Russian Articulation and Intonation
to Russian Philology Students

67

Karolina Gołąbek

Teoretyczne podstawy do tworzenia programu nauczania
rosyjskiego języka biznesu. Autorski program nauczania

A Theoretical Background for Establishing the Syllabus
of Teaching Business Russian

81

Halina Zajęc-Knapik

Błędy interferencyjne studentów I roku filologii rosyjskiej
w zakresie użycia liczebników i sposoby ich przezwyciężania

Interference Errors of the First Year Russian Philology Students
in Applying Numerals and Ways of Overcoming Them

92

Марина Авдонина, Наталья Жабо

РКИ: дискурсивно обусловленная интерпретация
специального текста сферы «Гостиничное дело»

Teaching Russian as a Foreign Language: Interpretation
of Texts of a Special Sphere "Hotel Industry" Due
to the Peculiarities of Discourse

105

Наталья Арефьева, Ирина Черновалюк

Основные принципы языковой подготовки
иностраннных учащихся

в образовательном пространстве университета
The Main Principles of Linguistic Training of Foreigners
in the Education Space of the University

113

